

ХІІІ. З Ы Р Я Н Е.

Природа страны, характеръ народа и его бытъ.

Обширный сѣверовосточный край Русской земли изстари населенъ былъ инородцами, извѣстными у русскихъ подъ именемъ — «Зырянъ», «Пермяковъ» и «Вотяковъ», — которыхъ ученые велячаютъ въ составъ многочисленныхъ финскихъ племенъ.

Въ семьѣ финскихъ народовъ зыряне вмѣстѣ съ вотяками и пермяками (последніе почти уже исчезнувшее теперь племя) составляютъ особую группу, извѣстную между учеными подъ названіемъ «Віармской» или «Пермской». Наши предки — славяне давали всѣмъ этимъ тремъ племенамъ также общее названіе «Пермь» или «Чудь заблудящая». Последній эпитетъ объясняется бродячимъ образомъ жизни, какой вели эти инородцы, скитаясь по лѣсамъ и занимаясь звѣроловнымъ и рыболовнымъ промыслами; сами же зыряне, вотяки и пермяки до сихъ поръ называютъ себя общимъ именемъ «коми».

Изъ всѣхъ трехъ пермскихъ народовъ, особенно выдающимся племенемъ всегда были зыряне, населяющіе сѣверовосточную часть Вологодской губерніи и смежныя съ нею части Архангельской и Вятской

губерній. Правда, племя это не многочисленно всего около — 90,000 душъ, но оно занимаетъ огромную страну, замѣчательную во всѣхъ отношеніяхъ. Край зырянскій холоденъ и непріютенъ, но богатъ своеобразными произведеніями природы: лѣсомъ, дичью, пушнымъ звѣремъ и рыбою, и по своему географическому положенію находится на рубежѣ Европы и Азіи, между европейскими и сибирскими народами. Велѣдствіе такого исключительнаго положенія, занятаго издавна зырянами, изъ нихъ и выработалось также во многихъ отношеніяхъ замѣчательное племя.

Слово «зыряне» русское. До сихъ поръ еще между чисто русскими обитателями Вологодской губерніи употребляется слово «зыря». Зырей тамъ называютъ человѣка, много чего нибудь выпивающаго; «все вызыриль», говорятъ вологжане; мнѣ не оставилъ — экой зыря. Поэтому, надобно полагать, что слово «зыряне» произошло отъ укоризненного прозвища, даннаго имъ русскимъ, все равно, какъ и теперь жителей Сольвычегодска сосѣди называютъ «ершеѣдами», устюжанъ — «красноязыкими», вологжанъ — «стелятниками» и т. под. Очень можетъ быть даже, что названіе «зыряне» дано имъ велѣдствіе особеннаго пристрастія ихъ къ своему любимому напитку: «суръ» (зырянское пиво).

Сами себя зыряне называютъ «коми-мортъ», когда говорятъ объ одномъ человѣкѣ, и «коми-войтыръ», когда рѣчь идетъ о цѣломъ зырянскомъ народѣ. «Коми-мортъ» значитъ по русски — «зырянинъ человѣкъ», а «коми-войтыръ» — «зырянскій народъ», населяющій сѣверную, полунощную страну.

Время появленія зырянъ на сѣверовостокѣ Россіи, равно какъ и первоначальная родина ихъ, до сихъ поръ остаются невыясненными. Извѣстно только, что назадъ тому около X вѣковъ племя это уже населяло обширныя прикамскія земли и отдаленный Печерскій край. Отважные нормандскіе мореходцы, часто посѣщавшіе берега Вѣлаго моря и сосѣднія съ нимъ страны, встрѣчались уже съ этимъ племе-

немъ, съ предками нынѣшнихъ зырянъ, и даже заводи́ли съ ними торговлю пушнымъ товаромъ. Страну, населяемую ими, норманы прозвали «Віарміей», что, по толкованію ученыхъ, значить по русски, «страна огненной бѣлки». Изъ слова «Віармія» образовалось впоследствии и русское слово «пермь».

За норманами появляются въ Віарміи смѣлые новгородскіе промышленники, имѣвшіе такое огромное вліяніе на весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи.

Во времена Нестора новгородцы — Ульбъ и Гюрати Роговичъ заходили даже въ пермскую страну къ Уральскимъ горамъ, о которыхъ они рассказывали дома много разныхъ диковинокъ. Между прочимъ Гюрати Роговичъ утверждалъ, что горы эти такъ высоки, что своими каменными вершинами разрываютъ проходящія надъ ними облака, и что за этими горами живётъ странное племя «югра», которое имѣетъ «языкъ нѣмъ», и которое прорубило въ горахъ «малое оконце» и оттуда даетъ знакъ руками, прося желѣза и предлагая въ обмѣнъ пушныхъ звѣрей.

Рассказъ этотъ, записанный Несторомъ, отчасти намекаетъ уже на ту знаменательную роль, какую встарину призвано было играть на сѣверо-востокъ Россіи зырянское племя.

Изъ приведеннаго разсказа Гюрати Роговича само собою вытекаетъ, что прикамскіе и печерскіе обитатели вели дѣятельныя торговля сношенія съ зауральскими дикарями, и что зыряне, какъ племя наиболѣе отличающееся до сихъ поръ торговю предприимчивостью, играло первенствующую роль въ этихъ сношеніяхъ съ сибиряками, и они-то вѣроятно прорубили то окно изъ Сибири въ Европу, о которомъ упоминаетъ лѣтописецъ. Значеніе этого факта намъ вполне будетъ понятно, если мы припомнимъ, что по слѣдамъ прикамскихъ обитателей новгородцы успѣли проникнуть въ Сибирь, а съ ними вмѣстѣ проникла въ эту глухую страну и русская образованность.

Занимая выгодное положеніе посредниковъ между богатою Сибирью

и предприимчивыми европейцами и поставленные среди своеобразныхъ богатствъ собственнаго края, зыряне тѣмъ самымъ и привлекли къ себѣ чуткихъ до торговыхъ интересовъ норманъ и новгородцевъ.

Расчетъ заставилъ послѣднихъ перейти вскорѣ къ болѣе опредѣленнымъ видамъ на богатый зырянскій край. Въ продолженіи XII и XIII вѣковъ на Камѣ стали появляться одни за другими смѣлые новгородскіе «ушкуйники», стремясь уже подчинить себѣ въ политическомъ отношеніи прикамскихъ обитателей. Есть указанія на то, что зыряне въ числѣ прочихъ пермскихъ народовъ, долго оказывали упорное сопротивленіе домогательствамъ новгородцевъ; но въ концѣ концовъ должны были уступить, обязавшись передъ ними платою данни, состоявшей изъ пушнаго товара.

Съ переходомъ новгородскихъ земель къ Московскому княжеству, зырянскій край подпалъ окончательному вліянію Москвы и ея культурно-христіанскихъ стремленій. Въ 1376 году изъ Москвы прибылъ въ Печерскую страну св. Стефанъ, и началъ здѣсь проповѣдывать христіанство между зырянами, поклонявшимся въ то время каменнымъ и деревяннымъ идоламъ, между которыми главнымъ считался «Саръ-ань» (золотая баба). Не смотря на упорное сопротивленіе зырянскихъ жрецовъ, св. Стефанъ въ продолженіе 30 лѣтъ успѣлъ навсегда утвердить между зырянами православную христіанскую вѣру и тѣмъ способствовалъ наибольшему сближенію съ русскими этого способнаго племени, полнѣе всѣхъ прочихъ пермскихъ народовъ воспріявшаго русскую образованность.

Но и до настоящаго времени бытъ и занятія зырянъ отличаются большою оригинальностью и продолжаютъ носить на себѣ еще слѣды нѣкоторой самобытности, что зависитъ, главнымъ образомъ, отъ вліянія той крайне-своеобразной природы, среди которой принуждено вращаться зырянское племя.

Обширная, равная пространству Португаліи и Даніи, площадь

зырянскаго края сплошь покрыта лѣсомъ, преимущественно хвойнымъ: по болотамъ — невысокимъ, тощимъ и рѣдкимъ, а по суходоламъ — густымъ и достигающимъ огромныхъ размѣровъ. По этому темнозеленому фону тянутся голубыя ленты неисчислимаго множества рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ, и только кое-гдѣ мелькаютъ зырянскія деревеньки съ окружающими ихъ полями. Страшный холодъ — зимою и нестерпимый жаръ — лѣтомъ, болота и комары составляютъ главныя неудобства жизни въ этой непріютной странѣ, а въ обиліи лѣсовъ, луговъ, дичи, пушныхъ звѣрей и рыбы заключаются главныя богатства зырянскаго края.

Занятія зырянъ и сосредоточены преимущественно на охотѣ и рыбной ловлѣ. Зырянинъ — охотникъ по природѣ. Въ охотѣ заключаются главныя средства къ его существованію и въ ней же его — поэзія. Даже зырянскія дѣти уже съ малыхъ лѣтъ приучаются къ употребленію ружья, и мальчикъ — зырянинъ не скажетъ отцу, когда тотъ оберется въ городѣ, «купи гостинцу», а говоритъ «купи ружье». Получивъ этотъ подарокъ, онъ обѣгаетъ съ нимъ еще лѣтомъ всѣ окрестныя лѣса. Взрослый же зырянинъ, подъ осень, беретъ съ собою винтовку, замѣчательно грубой работы, собаку крупной, некрасивой породы, «нарты», т. е. легкія длинныя санки и маленькій компасикъ «матку», становится на лыжи и надолго отправляется рыскать по нескончаемымъ хвойнымъ лѣсамъ. Ходятъ зыряне на охоту, обыкновенно, небольшими партіями отъ 2 до 5 человекъ, иногда верстъ за 500 отъ своей деревни... И нужно видѣть тѣ безчисленные хитро-прилаженные приборы, съ помощью которыхъ они добываютъ разныхъ бѣлокъ оленей, лисицъ, песцовъ, волковъ, медвѣдей, рябчиковъ, тетеревей, утокъ, куропатокъ, лебедей и проч., чтобы имѣть понятіе объ остроуміи и изобрѣтательности зырянъ!

Но нужно знать также о богатствѣ ихъ края пушными звѣрями, а въ особенности бѣлками и разною дичью, чтобы понять всю страсть зырянъ къ охотѣ.

Немудрено, что зыряне, съ колыбели окруженные подобною природою, всѣ свои заботы сосредоточиваютъ, главнымъ образомъ, на охотѣ, а также на рыбной ловлѣ. Земледѣліемъ же они мало занимаются, тѣмъ болѣе, что край ихъ далеко неблагоприятный въ этомъ отношеніи. Недаромъ у нихъ сложилась пословица: «Дышъ, да агзася» — «лѣнь, да бороню».

Ижемскіе, или печерскіе зыряне занимаются, кромѣ того, оленеводствомъ. Между ижемцами есть хозяева, которые имѣютъ стада оленей, въ 2 и 3 тысячи головъ. Но, хитрые и предприимчивые, ижемцы часто эксплуатируютъ при этомъ простодушіе печерскихъ самоѣдовъ, перекупая за безцѣнокъ ихъ безчисленныхъ оленей и закабаливая иногда ихъ самихъ въ пастухи къ собственнымъ стадамъ.

Впрочемъ, между зырянами далеко не всѣ отличаются подобными наклонностями. Отъ соприкосновенія съ русскими и ихъ культурою, многіе изъ зырянъ нѣсколько измѣнились не только по характеру, но и по наружности. Только обитатели такихъ глухихъ мѣстностей, какъ Печерскій и Удорскій край, болѣе или менѣе сохранили въ чистотѣ первоначальный зырянскій типъ. Въ наружности истаго зырянина — какого нибудь удорца или ижемца — проглядываютъ чисто-племенные черты: средній ростъ, черный цвѣтъ жесткихъ и необыкновенно густыхъ волосъ, смуглость кожи, орлиный носъ, нѣсколько выдавшіяся скулы и узкіе черные или каріе глаза, смотрящія бойко и обличающіе смѣтку и энергію въ ихъ обладателѣ. Зыряне же, живущіе вблизи большихъ людныхъ дорогъ и смѣшавшіеся съ русскими, имѣютъ волосы, большею частію, русые, глаза свѣтлые, ростъ средний, тѣло бѣлое и ровный, живой, открытый нравъ.

Но уметвенныя способности вообще у всѣхъ зырянъ болѣе или менѣе одинаковы и, нужно замѣтить, весьма замѣчательныя. Они остроумны, находчивы, всегда обдуманно приступаютъ къ дѣлу и не любятъ необдуманно приводить его въ исполненіе. Зырянскіе мальчики, при поступленіи въ школу, очень скоро выучиваются чтенію и

письму, а особенно бойкому счисленію и разговорной русской рѣчи. Многие изъ зырянъ славятся также, какъ искусные рабочіе на петербургскихъ и московскихъ фабрикахъ. Но главнымъ образомъ ихъ способности и дарованія направлены, какъ мы уже упоминали выше, на охотничьи и рыболовные промыслы, въ умѣньи вести которые зырянинъ не имѣетъ себѣ соперниковъ.

Къ занятію охотою, лѣсованьемъ, чрезвычайно остроумно приспособленъ даже костюмъ зырянина. Зырянскій охотникъ одѣвается въ короткій, по колѣно кафтанъ изъ бѣлаго грубого сукна, съ пришитыми къ рукавамъ рукавицами изъ оленьей кожи; на плечи надѣваетъ «лузанъ» — родъ кофты безъ рукавовъ — изъ полосатаго зырянскаго сукна, съ наплечниками и карманами. На широкомъ ремнѣ надѣтомъ поверхъ кафтана, виситъ длинный охотничій ножъ; къ спинѣ, къ лузану, особою скобкою прикрѣпленъ топоръ; въ рукахъ: въ одной — винтовка, въ другой — лопатка съ загнутымъ концомъ, съ помощью которой онъ обиваетъ въ лѣсу снѣгъ съ вѣтвей и спускается съ кручей овраговъ. На головѣ носитъ четырехугольную шапку изъ бѣлаго же сукна, прикрѣпленную къ воротнику лузана, чтобы она не могла слетѣть съ головы, когда онъ помчится на лыжахъ по снѣжной равнинѣ... У него и чулки и портянки принаровлены къ этому способу передвиженія; на ноги надѣваетъ онъ легкіе башмаки «чутъ-колъ», изъ невыдѣланной кожи, съ заостренными носками, прикрѣпленные къ ступнѣ шнурками.

Зырянскіе же крестьяне носятъ бѣлую холщевую рубаху съ большимъ воротникомъ, застегнутымъ иногда на мѣдную пуговицу. Рубаха опоясывается узкимъ шерстянымъ поясомъ, къ которому спереди привѣшивается маленькій кожаный кошелекъ. Въ него вкладывается суконный мѣшечекъ съ нѣсколькими отдѣленіями для храненія огнива, трута, сѣрныхъ спичекъ, иголки съ нитками. Принадлежность эта («бив авотлукъ») необходима для предусмотрительнаго зырянина. — Штаны носитъ онъ холщевые, какъ и у русскихъ; на

ногахъ — коты изъ телячьей шкуры, шерстью вверхъ, пропитываемые отъ мокроты смолою. Сверху надѣваютъ лѣтомъ холщевый же кафтанъ, подпоясываемый кожанымъ поясомъ, а зимою — овчинный полушубокъ и на немъ суконный азямъ.

Нѣкоторые изъ зырянъ носятъ зимою поверхъ всего еще «малицу» — длинную мѣшкообразную одежду, сшитую изъ оленьей шкуры шерстью внизъ, съ прикрѣпленными къ рукавамъ ея рукавицами, а къ воротнику — шапкою. Зырянина, одѣтаго въ эту «малицу», не можетъ пробрать никакой холодъ.

Женскій зырянскій костюмъ почти весь русскій: холщевая рубашка съ ситцевыми рукавами, ситцевый сарафанъ, а на головѣ повойникъ, повязанный большимъ платкомъ, концы котораго спущены ниже стана.

Живутъ зыряне также какъ и русскіе — деревнями. Селенія ихъ очень рѣдкія, но большія и иногда тянутся на нѣсколько верстъ. Дома расположены почти всегда неправильно.

Избы зырянскія («керки»), — обыкновенно большія и строятся всегда изъ сосноваго лѣсу. Къ лицевой сторонѣ «керки» пристраивается крыльцо, которое ведетъ въ сѣни, раздѣляющія «керку» на двѣ половины — черную и чистую. Черная половина по своему устройству и внутреннему убранству почти ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной русской курной избы и назначается всегда для житія семейства. Другая половина устраивается нѣсколько иначе и назначается преимущественно для пріема гостей и для справленія праздниковъ. Въ ней нѣтъ поластей, печь часто голландская, окна большія, лавки иногда замѣняются стульями. Но нужно замѣтить, что «керки» вообще не отличаются опрятностью.

Къ «керкѣ» прилегаютъ, обыкновенно, дворъ и разныя хозяйственныя пристройки.

Пища зырянъ также не особенно прихотлива. Хлѣбъ у нихъ всегда ячный, каша ячная, щи (азяшидъ) съ ячневымъ же, но не-

много толченымъ зерномъ, со свиной, или дичью—въ скоромные дни, и съ рыбою—въ постные. Рыба любимая пища зырянъ, а также ячный пирогъ съ рыбою (*черинанъ*). До хлѣба же они небольшіе охотники, и въ неурожайные годы довольно равнодушно замѣняютъ его пихтовой корой, молодыми отростками ели или просто—мохомъ. Любимый же напитокъ ихъ—пиво (*суръ*), котораго они могутъ выпивать огромное количество.

Зыряне отличаются необыкновеннымъ гостепріимствомъ. Они растворяютъ настежъ всѣ двери, чтобы странникъ и безъ хозяина нашелъ въ домѣ и пріютъ и пищу. Зырянинъ не отпуститъ его, не накормивъ всемъ, что у него есть лучшаго, и никогда не возьметъ за это платы.

Вообще зыряне далеко не лишены и чувства человѣколюбія и нѣкотораго добродушія. Многіе приводятъ примѣръ, что если сгоритъ у зырянина домъ, то владѣлецъ его не будетъ отчаяваться выстроить новый, будучи вполнѣ увѣренъ, что сосѣди помогутъ ему обзавестись новымъ. При этомъ зыряне отличаются еще честностью, по истинѣ патріархальною. Въ глухихъ мѣстахъ зырянскаго края до сихъ поръ всемъ и не знаютъ что такое замки. Если хозяинъ дома почему либо не пожелаетъ, чтобы во время его отсутствія къ нему входили посторонніе, то ставитъ у дверей «пасъ», т. е. коромысло, или просто палку наискось—и это служитъ лучше всякаго замка.

Подобная патріархальность нравовъ можетъ быть зависить отчасти отъ религіозности зырянъ, которме весьма набожны. Во всякомъ, сколько нибудь значительномъ зырянскомъ селеніи, гдѣ нѣтъ церкви построены въ видѣ церквей, даже съ колокольнями, часовни, куда по праздникамъ и старый, и малый собираются слушать чтеніе и толкованіе священныхъ книгъ. На перекресткахъ дорогъ повсюду видѣются деревянные кресты. Первую убитую утку зырянинъ жертвуетъ обыкновенно священнику, а послѣ удачнаго исхода звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, извѣстная часть добычи отдается въ

церковь. Почитаніе множества чудотворныхъ иконъ и высокое благоговѣніе къ памяти своего апостола св. Стефана доказываютъ также воспріимчивость ихъ чувства вѣры. Но, разумѣется, зыряне далеко еще не освободились отъ нѣкоторой грусти въ своихъ вѣрованіяхъ и въ способахъ ихъ выраженія.

Всеѣмъ оригинальный нечистый духъ, вполнѣ уже принадлежащій зырянскому вымыслу, это—«*Ортъ*»—духъ, обитающій въ воздухѣ. Зыряне думаютъ, что у каждою человѣка есть свой собственный «ортъ». Какъ только родится человѣкъ, сейчасъ же къ нему приставляется специальный «ортъ». Предъ смертью своего брэннаго компаньона «ортъ» самъ принимаетъ видимый образъ и является тому, кого ждетъ смерть, обыкновенно за которой нибудь изъ его работъ. Если долженъ умереть, напр., мужчина, то «ортъ» является за ружьемъ, за силками съ канканомъ, или за бороною и проч.; а если ждетъ смерть женщину, то онъ берется за веретено, сковородникъ, за горшки и. т. д. Кромѣ обязанности предсказывать смерть, онъ долженъ еще обойти все мѣста, которыя при жизни посѣтилъ умершій. Поэтому зырянинъ, побывавшій вдали отъ родины, возвратясь домой, говоритъ: «Ортъ туй то тали-жо!» т. е. ну сдѣлалъ же я дорогу «Орту»!—«Ортъ» считается, впрочемъ добрымъ духомъ.

Сверхъ того, зырянамъ знакомы въ точности и такіе вымыслы русской фантазіи, какъ «порча», «оборотни», «вѣдьмы» и «колдуны». Въ особенности много въ зырянскихъ деревняхъ «колдуновъ», или, какъ говорятъ, зыряне, «еретниковъ», которыхъ они сильно побаиваются, особено при справленіи свадебъ. Зыряне думаютъ при этомъ, что мертвые колдуны гораздо хуже живыхъ. Они постоянно, по ихъ мнѣнію, покидаютъ могилы и надобѣдаютъ всемъ просьбами, чтобы о нихъ почаще служили панихиды, а въ Великой Четвертокъ «еретники» эти встаютъ изъ могилъ и грызутъ на колокольняхъ колокола, чтобы удачѣе портиль людей.

Предразсудковъ между зырянами ходитъ множество и они

почти всё заимствованы отъ русскихъ. Нѣкоторою оригинальностью отличается у нихъ слѣдующій предразсудокъ: чтобы хозяйственные дѣла въ теченіе года шли успѣшнѣе, зыряне стараются въ Великій Четвергъ переработать всё работы: женщины бросаются то къ веретену, то къ шитью, то чешутъ ленъ и т. д., а мужчины исполняютъ всё мужскія работы и считаютъ деньги.

Множество русскихъ семейныхъ обрядовъ и обычаевъ также цѣликомъ перешло къ удивительно переимчивымъ зырянамъ. Подъ осень у нихъ бывають посидѣлки — «кайтаны», на которыхъ дѣвицы прядутъ въ кругу молодежи. Святки у зырянъ сопровождаются тѣми же гаданіями и вечерами, какъ и у русскихъ.

Свадьбы свои зыряне справляютъ рѣшительно по русскимъ обычаямъ. Только на каждую свадьбу они считаютъ непремѣнною обязанностью приглашать одного или двухъ колдуновъ, чтобы предотвратить обращеніе всего свадебнаго поѣзда въ волковъ.

Похороны зырянскія проходятъ безъ всякихъ особенныхъ обрядовъ. Нужно только замѣтить, что зыряне до крайности боятся мертвыхъ и чувствуютъ къ нимъ отвращеніе. Никто изъ нихъ не рѣшится остаться въ одномъ домѣ съ покойникомъ; почему ихъ тотчасъ же послѣ смерти увозятъ въ церковь, при которой оставляють даже дровни, на которыхъ привезли гробъ.

Зырянинъ любитъ повеселиться, оттого-то можетъ быть такъ и противна ему смерть. Чтобы видѣть, какъ беззавѣтно способенъ онъ предаваться веселью, для этого нужно заглянуть въ какую нибудь зырянскую деревню въ день храмоваго праздника. Шумъ, пѣсни и драки — необходимыя принадлежности зырянскихъ праздниковъ; — такъ что даже небезопасно проѣзжать въ эти дни разгула по зырянскимъ деревнямъ. Впрочемъ, утро праздничнаго дня зыряне проводятъ чинно, за обѣдней.

Подгулявшій зырянинъ всегда бываетъ нѣсколько опасенъ вслѣдствіе вспыльчивости, подозрительности и мстительности — чертъ,

вообще свойственныхъ его характеру и составляющихъ, можетъ быть, еще неуспѣвшее изгладиться въ немъ наслѣдіе полудикой жизни пращуровъ. Впрочемъ, наслѣдіе это начинаетъ уже принимать инныя, болѣе мягкія формы, и прежняя подозрительность и мстительность проявляются теперь больше всего въ страсти зырянъ — судиться. Дѣйствительно, въ рѣдкой странѣ сутяжничество достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ зырянскомъ краѣ. Составители просьбъ здѣсь пользуются такимъ же почетомъ, какъ и колдуны. Зырянинъ, имѣющій дѣло, не смотря на то — правое оно или нѣтъ, всегда старается провести его чрезъ всё возможные инстанціи, подаетъ просьбы и жалобы всякому проѣзжему чиновнику, и вообще тянетъ его до тѣхъ поръ, пока самъ не разорится.

Вышеупомянутая-же наклонность зырянъ къ употребленію вина объясняется столько-же стремленіемъ ихъ къ веселью, сколько и суровостью и непріютностью той природы, среди которой они проводятъ всю свою жизнь. Большую часть времени года зырянина окружають длинныя зимы съ длинными ночами, снѣга, холодъ и морозы, страшныя вьюги и метели, среди которыхъ онъ проводитъ время часто на одиночной охотѣ, въ глуши лѣсовъ, оставааясь тутъ иногда по нѣсколько недѣль безъ теплаго угла и вдали отъ своей семьи. При такихъ условіяхъ жизни легко, конечно, поддастся вліянію какого-нибудь возбуждающаго или согрѣвающаго напитка, какъ это и случается съ зырянами. Но тутъ-то и высказывается снова умъ и смѣтливость этихъ сѣверянъ, не столько полагающихся въ упомянутыхъ случаяхъ на силу вина, всегда разрушительнаго, сколько на такія простыя средства, какъ баня и вѣникъ.

Нужно знать, въ самомъ дѣлѣ, то значеніе, какое имѣють эти бани въ быту зырянъ, чтобы вполне оцѣнить умѣнье ихъ принаравливаться къ суровой и грозной природѣ своего края. Баня (*мызьянъ*) это насущная потребность каждаго зырянина и главное средство у него отъ всѣхъ болѣзней, въ особенности отъ «перекрпну», т. е. отъ

того состоянія, когда человѣкъ прозябнетъ отъ мороза, что называется, до костей. Бани зырянскія топятся рѣшительно каждый день, не исключая и Свѣтлаго Христова Воскресенья. Каждый вечеръ въ зырянскихъ деревняхъ раздаются призывные крики: «пывзянь! пывзянь!» Всѣ ждутъ этого призыва и отправляются въ бани, но не мыться, а только париться.

Сперва отправляются мужчины съ вѣниками въ рукахъ, босые, хотя-бы на дворѣ стоялъ трескучій морозъ, и всегда въ однѣхъ рубахахъ, которыя снимаются у входа въ баню.

Бани, величиною отъ 1½ до 2-хъ сажени въ квадратѣ, устраиваются почти такъ-же, какъ и русскія, съ тою лишь разницею, что здѣсь полокъ бываетъ на одной высотѣ съ лавками, четверти на три отъ полу. Горячей воды вовсе не готовится, да и холодной лишь столько — сколько нужно для поддаванья. Въ каждую баню собирается человѣкъ десять. Раскаленная каменка, въ которой еще пылаютъ алые угли и надъ которою стоитъ синее облако чаду, производитъ жаръ градусовъ въ 70 и болѣе. Всѣ стоятъ: кто на полу поближе къ каменкѣ, кто на полкѣ, кто на лавкахъ, и то и дѣло поддають жару. Паренье продолжается минутъ 8 или 10. Стариковъ, любящихъ такое удовольствіе, выводятъ изъ бани силою. Домой отправляются также въ однѣхъ рубахахъ и босые, а иногда еще останавливаются на улицѣ потолковать со встрѣтившимися знакомыми. Послѣ мужчинъ идутъ въ баню женщины, и тоже босикомъ, за исключеніемъ родильницъ.

И не только въ то время, когда живутъ дома, но и на промыслахъ зыряне не могутъ обходиться безъ бани. У нихъ и по лѣсамъ вездѣ поставлены «охотничьи избушки», которыя на самомъ дѣлѣ есть ничто иное, какъ тѣ-же бани и называются «пывзянными»-же. Печерскіе зыряне, застигнутые ночью въ лѣсу вдали отъ «пывзянь», парятся на открытомъ воздухѣ, часто на трескучемъ морозѣ. Для этого они нагрѣваютъ воду и готовятъ деревянныя круглыя

на длинныхъ рукояткахъ скребницы; раздѣваются у огня, поливаютъ на себя горячую воду и скребницею очищаютъ потъ и грязь со всего тѣла, — и затѣмъ уже ложатся спать.

Устройство подобнаго ночлега въ лѣсу, на снѣгу, подъ морознымъ небомъ, вдобавокъ послѣ горячей ванны, возможно только при изобрѣтательности зырянина же. Съ этою цѣлью устраиваетъ онъ шалашъ изъ еловыхъ вѣтвей, открытый съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Затѣмъ вырубаетъ два дерева, которыя съ одной стороны выдалбливаетъ, въ видѣ корыта, и кладетъ одно на другое краями такъ, что между ними образуется пустое пространство. Полую внутренность наполняетъ раскаленными углями. Отъ этого внутренность полости не воспламеняется, а только тлѣетъ, и изъ открытыхъ концовъ ея вылетаетъ, какъ изъ трубы, горячій дымъ. Такимъ образомъ жаръ самъ собою поддерживается въ теченіе ночи, — и зырянинъ, раздѣвшись и обративъ ноги къ этому согрѣвательному снаряду, спокойно спитъ въ своемъ шалашѣ на утопанномъ и устланномъ хвоею снѣгу, между тѣмъ, какъ платье и обувь его сохнутъ, развѣшанныя надъ тлѣющими бревнами.

Вотъ къ какимъ все-таки сложнымъ средствамъ иногда приходится прибѣгать зырянину, чтобы устроить себѣ какую нибудь постель, можетъ быть, всего лишь на одну ночь. На эту борьбу съ суровою природою, хотя и искусною, но бесплодную, и уходитъ у него почти все время. Немудрено, послѣ этого, что зыряне, вообще отличающіеся по природѣ своей веселымъ нравомъ и успѣвнѣе изобрѣсти столько остроумныхъ средствъ и способовъ для борьбы съ холодомъ и непогодой, не успѣли до сихъ поръ сложить почти ни одной пѣсни, не смотря на свою любовь къ ней. За то русскія пѣсни, наряду съ русскими же обычаями и вѣрованіями, — зыряне быстро перенимаютъ, какъ бы радуясь тому, что ихъ избавляютъ отъ лишняго труда и даютъ готовое.

Почти всѣ пѣсни, какія поются зырянами, чисто русскаго про-

исхожденія, хотя и значительно исковерканы. Это все-таки не мѣшает зырянину пѣть ихъ съ истиннымъ наслажденіемъ. За смысломъ пѣсни, онъ, кажется, и не гонится особенно. Существуетъ, напримеръ, нѣсколько пѣсень чисто зырянскаго происхожденія, но зыряне успѣли затерять смыслъ и этихъ послѣднихъ.

Поэтическое чувство у зырянъ вообще сильно развито. Это въ особенности ярко высказывается въ томъ интересѣ, съ какимъ они относятся къ русскимъ сказкамъ и загадкамъ. Зыряне слушаютъ сказку, обыкновенно стоя и всегда съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто отъ конца сказки зависитъ, по крайней мѣрѣ, ихъ судьба.

Въ дѣлѣ торговли зыряне весьма смышленный народъ; они очень хорошіе купцы, ведущіе торговлю съ мѣстами весьма далекими отъ ихъ постоянного мѣста жительства. Въ этомъ отношеніи они очень далеко ушли впередъ отъ своихъ сосѣдей того же финскаго происхожденія какъ и они сами. При этомъ они не пренебрегаютъ никакими средствами и пользуются слабостью своихъ сосѣдей, чтобы съ выгодой обдѣлывать свои собственные дѣла. Лучшее всего это испытали на себѣ самоѣды, обитающіе на сосѣдней тундрѣ и занимающіеся оленеводствомъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ эти самоѣды имѣли огромныя стада оленей и были полными хозяевами своей собственности. Нынѣ же дѣла совершенно измѣнились, и самоѣды обнищали, а зыряне, на оборотъ, обогатились на счетъ самоѣдовъ. Зыряне воспользовались тѣмъ, что самоѣды страстно любятъ водку и употребляютъ ее неумѣренно. Увидя это, зыряне начали возить на тундру грѣпкіе напитки и, пользуясь слабостью самоѣдовъ, сплавляли ихъ водкою и заключали торговля едѣлки самые невыгодные для самоѣдовъ. За какойнибудь полутштофъ водки, да притомъ еще скверной, они скупали у самоѣдовъ хорошихъ лисицъ, песцовъ и оленей. Прошло такимъ образомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ — и всѣ олени перешли къ зырянамъ, а прежній хозяинъ оленей вдругъ очутился на-

емнымъ пастухомъ у стада, когда-то ему принадлежавшаго, а нынѣ перешедшаго за водку къ хитрому зырянину.

Это впрочемъ относится до зырянъ, живущихъ въ Архангельской губерніи, у которыхъ жилища чисты, а въ деревняхъ каменные церкви.

Вообще, многое въ зырянахъ доказываетъ ихъ даровитость и способность къ воспріятію высшей культуры и образованности. Но грозная природа зырянскаго края и разрозненность ихъ племени, надолго задержали умственное развитіе зырянъ. Слабые по численности и разбѣянные по громадной площади суроваго сѣверовосточнаго края Русской земли, зыряне долго и бесплодно убивали свои разрозненные силы въ борьбѣ съ природою, — пока, наконецъ, не появились среди ихъ русскіе, значительно увеличившіе собою населеніе тамошней страны и внесшіе свѣжія силы въ ряды мужественныхъ борцовъ съ сѣвѣрною природою. Безъ сомнѣнія, зыряне скоро окончательно сольются съ русскимъ народомъ и воспримутъ всю его образованность — и тогда, нужно думать, возможно будетъ окончательно побороть и суровую природу богатой печерской страны какъ нѣкогда побороть русскій столь же грозную природу на всей великой и обширной русской равнинѣ.

ХІV. ЧЕРЕМИСЫ.

Бытъ и религіозныя вѣрованія.

Черемисы занимаютъ, въ настоящее время, обширную часть Казанской губерніи и нѣкоторые уѣзды губерній Нижегородской, Вятской и Пермской. Племя это довольно многочисленно и доходитъ въ общей сложности до 200,000 душъ.

Черемисы, равно какъ и сосѣди ихъ — вотяки и мордва, принадлежатъ къ финскому племени. Они говорятъ своимъ собственнымъ языкомъ, который по филологическому составу имѣетъ близкое родство съ прочими финскими языками, хотя и подвергся значительной порчѣ еще въ отдаленныя времена влѣдствіе нѣкоторыхъ замѣствованій изъ языковъ старинныхъ сосѣдей ихъ — болгаръ и татаръ.

Самое названіе — «черемисъ» — есть слово татарское и означаетъ — «негодный». Сами же себя черемисы называютъ, подобно многимъ другимъ финскимъ народамъ, словомъ мори или мари, т. е. «человѣкъ» или «люди».

По сказанію лѣтописцевъ, племя это обитало въ древнія времена

по теченію рѣки Волги, отъ устья р. Суры до р. Камы, слѣдовательно въ нынѣшней Казанской губерніи, въ сосѣдствѣ съ древними болгарями. Черемисы того времени были народъ буйный, непокорный. Они постоянно производили набѣги на своихъ сосѣдей, въ особенности на вотяковъ; но вскорѣ, впрочемъ, сами были подчинены болгарями.

Съ конца XIII столѣтія стали появляться среди сѣверо-восточныхъ финскихъ народовъ новгородскіе выходцы «ушкуйники», которымъ удалось вскорѣ овладѣть между прочимъ черемисскимъ городкомъ *Кокшаровомъ* — нынѣ г. Котельничъ Вятской губерніи. Впрочемъ, черемисы уступили «ушкуйникамъ» только послѣ сильнаго сопротивленія, вполне обнаружившаго присущее имъ чувство собственной независимости и сознанія своего народнаго бытія. Сосѣдство русскихъ послужило даже еще къ большому сплоченію черемисъ подъ властью своихъ старшинъ или князей, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли мѣстопробываніе въ г. Уржумѣ, какъ объ этомъ говорить черемисское преданіе. Впрочемъ, имена этихъ князей и время ихъ управленія остались неизвѣстными.

Съ покореніемъ болгаръ татарами, подчинились послѣднимъ и черемисы. Ихъ зависимость отъ хановъ татарскихъ была гораздо продолжительнѣе, чѣмъ вотяковъ, которые успѣли укрыться въ сѣверныхъ лѣсахъ и огородиться съ своей стороны валами и оврагами.

Въ семью русскаго народа черемисы вступили лишь со времени покоренія Казанскаго царства. При завоеваніи Казани, послѣдній черемисскій князь Балтушъ былъ убитъ ядромъ въ битвѣ съ войскомъ царя Іоанна Грознаго, и похороненъ на горѣ, которая съ того времени называется *Балтушева гора*, что въ г. Малмыжѣ.

Но и послѣ того черемисы долго не умирались. Они принимали живѣйшее участіе въ бунтѣ казанскихъ татаръ и причиняли много вреда въ особенности торговымъ людямъ, проникнувши до пермскихъ укрѣпленій. По поводу ихъ отчаянной обороны, стойкости и неужи-

данности нападеній сложилась даже пословица: «съ одной стороны черемись, а съ другой — берегись».

И дѣйствительно, для укрощенія ихъ воинственныхъ порывовъ, правительство вынуждено было возвести цѣлый рядъ укрѣпленныхъ городковъ, какъ-то: Уржумъ, Козьмодемьянскъ, Яранскъ, Кокшайскъ, Царевококшайскъ и нѣкоторые другіе. Но и это, конечно, не могло усмирить ихъ окончательно. Въ эпоху междоусарствія черемисы хотѣли завладѣть Нижнимъ-Новгородомъ, но, разбитые подъ Свѣягою, бросились къ Вяткѣ и навели на всѣхъ ужасъ своимъ грабежомъ и разбойничествомъ. За тѣмъ, въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, они не разъ прекращали всякое сообщеніе между Казанью и Нижнимъ, подступая къ разнымъ городамъ и проникая до Арзамаса и Мурома. Въ бунтѣ Стеньки Разина, взволновавшаго многихъ инородцевъ, черемисы также принимали участіе. Воинственность отражается на нихъ и донинѣ въ ихъ смѣлой охотѣ, беззавѣтной, а нерѣдко и безсознательной храбрости.

Впрочемъ, въ настоящее время, не только характеръ, но и самый бытъ и даже наружность черемисскаго племени замѣтно уже измѣнились подъ вліяніемъ близкаго сосѣдства русскихъ.

Черемисы дѣлятся въ настоящее время на *горныхъ* (*курук-мари* — горные люди), т. е. живущихъ на правомъ берегу Волги, и на *луговыхъ*, населяющихъ низменности по лѣвой сторонѣ этой рѣки.

Горные черемисы, окруженные почти со всѣхъ сторонъ русскими переселенцами, обрусѣли въ сильной степени и приобрѣли наружность, не имѣющую почти ничего общаго съ національнымъ черемисскимъ типомъ. Роста они, по большей части, выше средняго; лицо индоевропейскаго очертанія, глаза каріе, волосы черные, иногда круто завивающіеся; носы тонкіе, вздернутые нѣсколько у кончика, скулы мало выдаются; зубы бѣлые, цвѣтъ лица смуглѣе, чѣмъ у русскихъ. Вообще наружность горныхъ черемисъ напоминаетъ нѣсколько

ко цыганскій типъ. Женская фигура съ болѣе правильными очертаніями, чѣмъ у луговыхъ черемисъ. Горные черемисы разумны, воспримчивы и работающіе и не лишены русской смѣтливости, удалы и прилежанія. По одеждѣ и образу жизни они также мало чѣмъ отличаются отъ русскихъ.

Что же касается до луговыхъ черемисъ, то они во многомъ отличаются отъ горныхъ, не говоря уже о русскихъ, съ которыми они ничего общаго не имѣютъ, что происходитъ главнымъ образомъ отъ особенностей лѣсистой мѣстности, населяемой ими, среди которой почти отсутствуетъ русскій элементъ. По наружности эти луговые черемисы роста средняго, съ виду сухіе, тощіе, блѣдные, цвѣтъ кожи грязно-желтоватый и вообще непривлекательный; глаза узкіе, полуоткрытые, носы то сильно вздернутые, какъ у всѣхъ финновъ, то совсѣмъ приплюснутые, какъ у киргизъ; уши длинныя, скулы у многихъ сильно выдаются, щеки осунувшіяся, безжизненные; волосы на головѣ черные и вѣчно всклокоченные; борода небольшая и рѣдкая. Они кажутся сонными и неповоротливыми; понятія ихъ очень ограничены и тупы. Вѣчно угрюмый нравъ, равнодушіе къ опасностямъ лѣсной и бродячей жизни, наклонность къ трубкѣ и горячимъ напиткамъ, особенная привычка къ лишеніямъ въ пищѣ и теплотѣ и скупость, доходящая до отвращенія, — суть отличительныя черты характера луговаго черемиса.

Изъ всѣхъ финскихъ племенъ едва ли есть женщины болѣе непривлекательныя, чѣмъ луговныя черемиски. Цвѣтъ лица ихъ немногимъ блѣднѣе мужскаго и отчасти рыжеватый; волосы на головѣ болѣе русые, чѣмъ черные, глаза совсѣмъ поделѣпозатые отъ постоянного пребыванія у огня; очертанія фигуры грубы и угловаты.

Черемисы между собою честны, а по отношенію къ русскимъ — скрытны, недовѣрчивы, а подъ - часъ дерзки; въ нравахъ ихъ есть что-то дикое и упорное.

Но, въ то же время, черемисы, подобно другимъ финскимъ наро-

дамъ, строго придерживаются патриархальной простоты и гостеприимства. Всякій проѣзжій, знакомый и незнакомый, можетъ идти къ нимъ прямо во дворъ, безъ всякаго спроса, и найти тамъ кормъ для лошади, ночлегъ для себя и столъ, какой только позволяетъ имѣть черемису его скупость и крайняя невзыскательность.

Занятія черемисъ вполне зависятъ отъ особенностей той природы, среди которой живутъ они; ихъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ низменная, холмистая мѣстность, изрѣзанная рѣчками и рѣчками и покрытая непроходимыми болотами и безконечными лѣсами (*ремень*), надъ которыми все лѣто носятся несмѣтными тучи мошекъ и комаровъ, и которые еще не оскудѣли ни звѣремъ, ни дичью. Немудрено поэтому, что черемисъ—безпечный, дурной и лѣнивый земледѣлецъ хозяйство содержитъ онъ грязно; пашней, сѣнокосовъ и огородовъ у него мало, едва хватаетъ на прокормленіе. За то онъ отличный и смѣлый охотникъ въ громадныхъ вѣковыхъ лѣсахъ. Звѣроловство и охота за дичью составляютъ главное занятіе почти всѣхъ луговыхъ черемисъ. По цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ бродятъ они по лѣсамъ и болотамъ, отыскивая волковъ, зайцевъ, рябчиковъ и проч.; не имѣя возможности укрыться тамъ отъ комаровъ и мошекъ, возвращаются оттуда домой съ опухшею и до нельзя изуродованной физиономіею.

Многіе черемисы, кромѣ охоты, занимаются рубкою деревьевъ, ихъ сплавомъ, выдѣлкою дугъ, колесъ, оглобелъ и рогожъ, а также гонкою смолы, бурлачествомъ, рыболовствомъ и пчеловодствомъ; но они не имѣютъ никакого понятія о тѣхъ ремеслахъ, которыя доступны болѣе цивилизованнымъ народамъ.

Женщины черемисскія также небольшія мастерицы въ рукодѣльяхъ. Прядутъ за прядками, имѣющими видъ высокой тонкой палки, а ткутъ такъ странно и безурядно, что трудно и понять.

Черемисы, подобно вотьякамъ, любятъ уединеніе и потому селятся обыкновенно въ лѣсахъ, или въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ русскихъ

поселеній. Деревни ихъ въ прежнее время строились безъ всякаго плана и соображенія, такъ что, вошедши въ одинъ дворъ, можно было обойти другими дворами всю деревню.

Черемисскія селенія состоятъ обыкновенно изъ множества околodковъ, вытянутыхъ по оврагамъ, отчего каждый изъ нихъ носитъ названіе «ангеръ» (оврагъ), съ прибавленіемъ имени стретителя или мѣстнаго предмета, въ родѣ: «Ивановки», «Сосновки», «Каменки» и проч. Нѣсколько такихъ околodковъ вмѣстѣ составляютъ уже деревню или село. Избы въ этихъ околodкахъ расположены какъ попало, какъ кому пришло на умъ.

Деревни горныхъ черемисъ болѣе схожи съ русскими, и развѣтѣмъ отличаются отъ послѣднихъ, что у горныхъ черемисъ каждый дворъ и огородъ обнесенъ частоколомъ и обсаженъ березами, весьма правильно и стройно, отчего деревни ихъ имѣютъ очень веселый видъ.

Избы луговыхъ черемисъ строятся съ двумя или тремя косящатыми окнами на улицу и по одному или по два во дворѣ, какъ у русскихъ. Внутреннее устройство этихъ избъ также немногимъ отличается отъ устройства русской крестьянской избы. Печь дѣлается изъ битой глины, иногда безъ трубы, вмѣсто которой прорѣзывается въ потолокъ надъ печью небольшое отверстіе, которое и служитъ для выхода дыма; отъ этого изба коптится и сильно нагрѣвается. На шестьѣ печки устраивается очагъ, надъ которымъ вѣшается чугунный котелъ, гдѣ варится пища. Окна въ избѣ маленькія, потолокъ набранъ изъ горбылей; кругомъ избы, съ двухъ сторонъ, широкія лавки, или просто чурбаны,—а съ третьей—нары. Въ переднемъ углу на столѣ постоянно находится большая чашка съ хлѣбомъ и жбанъ съ водою, часто перемѣняемою на свѣжую и холодную; это для дароваго угощенія проѣзжихъ и прохожихъ.

Рядомъ съ избой, черезъ сѣни, устраивается другая изба, холодная, безъ печки, потолка и полу; въ ней въ зимнее время содержатся

мелкія домашнія животныя. У нѣкоторыхъ хозяевъ клѣти дѣлаются чистыя, въ родѣ горницъ, но позади нихъ или рядомъ пристроиваются скотныя сараи.

По другую сторону двора ставится чуланъ, клѣть для лѣтняго опочиванія и чумъ (*кудо*).

«Кудо» имѣетъ видъ шалаша, построеннаго изъ бревенъ, съ отверстіемъ въ крышѣ для выхода дыма; чумъ этотъ безъ полу, ничѣмъ непроконопаченъ, съ лавками и чурбанами по сторонамъ, между которыми въ углу, противъ двери, поставленъ столъ, на которомъ всегда можно найти, какъ и въ избѣ, большой хлѣбъ и жбанъ съ водою, какъ угощеніе для посѣтителей. *Кудо* въ лѣтнее время замѣняетъ у черемисъ кухню. Посреди него надъ разведеннымъ огнемъ виситъ котелъ, привѣшанный посредствомъ длиннаго деревяннаго рычага къ крышѣ. Въ немъ готовится пища и варится пиво. Зимняя изба за все лѣтнее время остается пустою и топится только для печенія хлѣба. *Кудо* же служитъ лѣтомъ опочивальнею, не смотря на ѣдкій дымъ отъ огня, отъ котораго черемисы постоянно страдаютъ глазами болѣзнями, а нерѣдко и совсѣмъ лишаются зрѣнія.

Необходимую принадлежность каждой черемисской деревни составляетъ также баня. Она строится обыкновенно на общій счетъ, одна на всю деревню, гдѣ нибудь у ручья. Бани эти курныя, и въ нихъ черемисы не моются, а только парятся, все—отъ мала до велика.

Прочія дворовыя и домашнія принадлежности, а также земледѣльческія орудія, у черемисъ одни и тѣ же, что и у русскихъ.

Семья черемисскія большія; раздѣлы у нихъ очень рѣдки. Управляетъ домою, обыкновенно, старшій членъ въ семьѣ, что не мѣшаетъ однако всякому другому взрослому прибѣгать къ кулачной расправѣ надъ каждымъ изъ младшихъ.

Въ каждомъ семействѣ, глава его—отецъ, либо за смертію его старшій сынъ или мать, имѣютъ огромное вліяніе на всѣхъ остальныхъ,

и ихъ мнѣніе, желаніе или приговоръ принимается за законъ. Такихъ главъ, закоренѣлыхъ въ своихъ понятіяхъ, трудно убѣдить въ погрѣшимости жрецовъ, ворожей, знахарей или колдуновъ. Подъ вліяніемъ такихъ лицъ, старшіе въ семействѣ дѣйствуютъ на младшихъ убѣжденіями, разговорами и даже силою. Считаясь христианами, они никогда не постыются и примѣшиваютъ семьянину христианину втихомолку къ постному скоромное. Дѣти, въ особенности бывшія въ училищахъ, если не на работахъ, то, сидя дома, сильнѣе всего подвергаются этой передѣлочной работѣ и наконецъ для спокойствія семьи, впадаютъ въ прежнее положеніе, дѣлаются суевѣрными и за тѣмъ, какъ болѣе толковыя въ письмѣ, обращаются нерѣдко въ *карты*. Женщины имѣютъ немалое вліяніе на семейство черемиса, который самъ безпрестанно въ отлучкѣ, за то женщины всегда дома и по своей неразвитости, малой общительности и затворничеству среди такихъ же родныхъ, главныя виновницы дурнаго воспитанія и направленія дѣтей. Скупость мужа и недостаточность средствъ жены дѣлаютъ ее небрежною къ хозяйству и чрезвычайно грубою къ постороннимъ. Немытая, грязная изба, дурное и скудное пропитаніе и такое же приготовленіе кушанья вліяютъ и на здоровье дѣтей, и вотъ одна изъ причинъ, почему черемисы, сравнительно съ другими, менѣе сильны и здоровы. Рѣдкій изъ нихъ доживаетъ до 50 лѣтъ *).

Къ женщинамъ относятся мужа и нерѣдко сыновья безъ особаго уваженія. Поэтому понятно, что рекрутъ, оставляя домъ, почти открыто даетъ дозволеніе жепѣ на сожительство съ однимъ изъ родныхъ. На вопросъ напримѣръ: «Что, Марѳа, скучаешь по мужу?» можно получить въ отвѣтъ: «Развѣ у насъ мало и безъ него **). Вообще сожительство женщины съ чужимъ не слишкомъ преслѣдуется. Точно

*) Фуксъ.

***) Фуксъ.

ВОТЯКИ.

ЗЫРЯНЕ.

ЛИТОВЦЫ.

ЛАТЫШИ.

МОРДОВКА. ЧЕРЕМИСКА. ЧУВАШКА. ФИННЪ.

ЕВРЕИ: КАРАИМЫ И ТАЛМУДИСТЪ.

также женщины не имѣютъ права принимать прямого участія въ моленіяхъ, а могутъ лишь присутствовать сбоку. И это униженіе, какъ будто онѣ недостойны одинаково возносить свои молитвы, также отчасти доказываетъ ихъ положеніе въ обществѣ. Однажды мать, разсердившись на сына, отправилась на моленіе, гдѣ и встала позади всѣхъ. Въ это время пошелъ градъ столь сильный, что погасилъ жертвенникъ и произвелъ вмѣстѣ съ громомъ и молніею нѣкоторое смятеніе. Когда черемисы увидали позади себя молящуюся женщину, то все это несчастье приписали ей и вѣроятно убили бы, еслибы не защитилъ ее сынъ. Но за то какъ онъ, такъ и мать, не обошлись безъ сильныхъ побоевъ *). Кулачная семейная расправа въ черемисскихъ семьяхъ дѣло очень обыкновенное, при чемъ она можетъ быть произведена каждымъ старшимъ надъ младшимъ. Всѣ подобныя недоразумѣнія происходятъ большею частью чрезъ женъ, взрослыхъ дѣтей, и кончаются отдѣленіемъ сына, который, за непокорность и непослушаніе главѣ семейства, отцу, лишается иногда самаго необходимаго для перваго обзаведенія.

Въ тѣхъ исключительныхъ семьяхъ, гдѣ мать по отношенію своему къ мужу имѣетъ право сказать слово, тамъ женитьба, рекрутство, заработки натурою и приданое, всегда рѣшаются съ ея мнѣнія, хотя главнымъ образомъ и тутъ, гдѣ вопросъ идетъ объ участи дѣтей, рѣшаются выгода, выкупъ, деньги и скупость.

Жена, остающаяся по смерти мужа съ малолѣтними дѣтьми, либо по уходѣ его на службу, сохраняетъ права, какъ старшая и домохозяйка, но только ради дѣтей; за неимѣніемъ ихъ, отправляется въ домъ своихъ родителей, чтобы только не быть работницею.

По смерти отца, почти постоянно возникаютъ ссоры и тяжбы между братьями-крестьянами и возвращающимися со службы. Первые

*) Фуксъ.

говорятъ, что они помогали и поддерживали домъ, а вторые, что они бывалые люди въ царской службѣ. Споры эти кончаются тяжбою о дѣлѣхъ, продолжающеюся нѣсколько лѣтъ. Хозяйство въ это время приходитъ въ совершенный беспорядокъ, такъ какъ никто не желаетъ работать и поддерживать хозяйство на пользу другаго. Изба, амбары, лачуги, заборы разваливаются, растаскиваются, остается разоренное хозяйство, которое, при переходѣ къ солдату, ему не по силамъ, приходитъ еще въ худшее разорительное состояніе и наконецъ продается.

Пищу черемисы употребляютъ самую простую и грубую. Въ обыкновенные дни ѣдятъ: хлѣбъ ржаной (*кинда*) рѣшетный, недопеченный, липкій и безъ соли; щи изъ кислой капусты постныя; салму изъ овсяной муки (*ляшка*), и овсяную или гречневую кашу (*немерз*). Вообще черемисы очень неприхотливы въ ѣдѣ, въ особенности въ лѣсахъ на охотѣ, когда они, вмѣсто хлѣба, употребляютъ нерѣдко древесную кору и корни, сосновые и еловые шишки, а вмѣсто мяса — бѣлокъ, сорокъ и галокъ. Вслѣдствіе дурнаго питанія черемисъ вѣчно голоденъ, блѣденъ и безсиленъ.

О постахъ они не имѣютъ понятія, и потому во всякое время года ѣдятъ что попало: свиное мясо, заячье, лошадиное и проч. Въ праздничные дни пекутъ гречневые блины, овсяныя лепешки и ватрушки, но все это безъ вкуса и цѣряшливо.

Квасъ никогда не варятъ, а пьютъ постоянно одну воду. Въ праздники варятъ пиво (*сыра*) — непроваренное, клейкое и отвратительное на вкусъ. Но больше пьютъ водку (*рака*), до которой большіе охотники. Пьянству они предаются съ какимъ-то остервенѣніемъ, и, напившись, становятся, обыкновенно, забіяками и буянами.

Одежда черемисъ — мужчинъ состоитъ изъ бѣлой холщевой рубахи и такихъ же портовъ. Рубахи, вышитыя красною и синею шерстью около шеи, по прорѣзу на груди, по окружности внизу, и на плечахъ и рукавахъ особыми черемисскими фигурками и заплетушками, ма-

стерской выдумки, оригинального вкуса. Рубаха опоясывается въ будни — ремнемъ съ мѣдными и желѣзными пряжками, а въ праздникъ — краснымъ шерстянымъ поясомъ, съ кистями и завѣтными ремешками, вырѣзанными изъ шкуры какого нибудь жертвеннаго животнаго.

Поверхъ рубахи, въ лѣтнее время, носятъ бѣлые холщевые кафтаны съ откиднымъ воротникомъ, съ красною бумажевою оторочкою вокругъ подола и на рукавахъ. Балахонъ этотъ подпоясывается ремненнымъ поясомъ, къ которому прикрѣпляются кожаный мѣшечекъ для табаку, огнива и трута. Луговаго черемиса всегда сопровождаетъ трубка, постоянная его спутница и защитница отъ комаровъ и мошекъ. Ноги свои обертываютъ лѣтомъ бѣлыми-же холщевыми онучами, высоко-до колѣнъ, и тщательно перевязываютъ ихъ бичевою. Лапти носятъ съ узкими носками. На голову надѣваютъ войлочную шляпу, въ родѣ татарской и также бѣлаго цвѣта.

Зимою сверхъ рубахи носятъ сѣрый суконный кафтанъ, или обыкновенный овчинный полшубокъ, а на головѣ шапку. На ноги въ это время года надѣваютъ черныя суконныя онучи, также тщательно перевитыя до колѣнъ бичевками.

Женскій черемисскій костюмъ сложнѣе мужскаго и наиболѣе приближается къ старинному національному покрою.

Головной уборъ замужнихъ женщинъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: прежде всего взбиваютъ волосы, необыкновенно крѣпко, въ два пучка: одинъ на темени, а другой на затылкѣ. Зачесавши волосы, перевязываютъ ихъ *рашмакомъ* — тканюю шелкомъ тесьмою, шириною въ вершокъ. *Рашмакъ* охватываетъ голову кругомъ, повыше лба и ушей, до затылка. Затѣмъ надѣваютъ на голову *шикомаючъ*, родъ башлыка изъ холста, который широкимъ отверстиемъ надѣвается поверхъ волосъ на голову, а острымъ глухимъ концомъ спускается на спину. *Шикомаючъ* прикрѣпляется къ волосамъ жестяными пряжками и утирается въ одинъ или два ряда мѣдными бляхами, величи-

ною въ одну кошѣйку мѣди; посрединѣ *шикомаюча*, на затылкѣ, вышиваются узоры разноцвѣтными шерстями или даже шелками. Многія черемиски, вмѣсто *шикомаюча*, носятъ на головѣ *сороку*, т. е. высокую кичку, въ родѣ камилавки, значительно расширяющуюся къ верху, но сзади сплюснутую. *Сорока* обтянута темно-краснымъ сукномъ и украшена спереди, по срединѣ, бѣлымъ снуркомъ, въ видѣ скобокъ, обращенныхъ загнутыми концами внизъ.

Какъ сорока, такъ и *шикомаючъ* накрываются сверху бѣлымъ холщевымъ платкомъ, вышитымъ по краямъ красною шерстью; концы этого платка подвязываются подъ подбородкомъ.

Въ уши вдѣваются огромныя серьги, достигающія почти до плечъ и состоящія изъ мѣдныхъ витыхъ проволокъ, къ концамъ которыхъ и привѣшиваются, одна ниже другой, мѣдныя и серебряныя монеты и бусы.

Нѣкоторыя носятъ на головѣ еще *шарпанъ*, родъ полотенца, вышитаго по концамъ разноцвѣтными шерстями и шелками. *Шарпанъ* прикрываетъ голову на половину, а концы его продѣваются сквозь кольца, прикрѣпленныя около ушей, и свѣшиваются на плечи или завязываются подъ подбородкомъ.

На тѣло черемиски надѣваютъ рубахи, длиною до колѣнъ и вышитыя на груди и рукавахъ богатымъ узоромъ, разноцвѣтными шерстями. Рубашечная прорѣха застегивается на груди двумя или тремя пряжками, овальной формы, мѣдными или жестяными. Кромѣ того, на грудь надѣваютъ трехъ или четырехугольный кожаный нагрудникъ (*шаркема*), прикрѣпленный къ мѣдному кольцу, которое, въ свою очередь, пришито къ рубахѣ. *Шаркема* весь усыпанъ пришитыми къ нему старинными серебряными монетами, а нижній край его убранъ бѣлыми раковинами и змѣиными головками.

На шею надѣваются ожерелья, состоящія изъ шерстяной тесьмы, обшитой съ лицевой стороны бѣлыми перламутровыми пуговицами и

крупнымъ разноцвѣтнымъ бисеромъ, раковинами и старинными монетами.

Рубаха женская подпоясывается низко подъ животомъ шерстянымъ поясомъ, увѣшаннымъ вокругъ множествомъ кистей и бахромы. Концы пояса висятъ сбоку, либо спереди, оканчиваясь опять кисточками и бахромкою.

Черемиски, съ малолѣтства, носятъ также порты, въ обыкновенное время бѣлые холщевые, а въ праздники надѣваютъ еще сверху суконные, черного или зеленого цвѣта. Ноги высоко, до колѣнъ, обвертываютъ какъ можно толще, въ видѣ бревень, черными суконными онучами (*итырѣ*), и крѣпко перевиваютъ ихъ толстыми шерстяными веревочками. По краямъ онучъ, съ боку, въ видѣ лампаса нашивается красная или синяя тесьма, за которую привѣшиваются мѣдныя или жестиныя бляхи (*теньки*). Лапти носятъ онѣ небольшіе, съ узкими носками, сплетенные изъ мелкаго лыка и, по тонкости работы, называемые иногда *бисерными*.

Подобно мужчинамъ, и женщины надѣваютъ поверхъ рубахи холщевые балахоны или бѣлые суконные кафтаны, обшитые вокругъ подола, ворота и рукавовъ краснымъ кумачемъ. Кафтаны подпоясываются суконнымъ поясомъ, съ мѣдными пряжками; концы такого пояса спускаются до колѣнъ и украшаются привѣсками, на манеръ дудочекъ, штукъ до десяти и болѣе.

Одежда дѣвицъ только тѣмъ отличается отъ костюма замужнихъ женщинъ, что первыя не носятъ ни сорочки, ни шикомаюча, и не взбиваютъ своихъ волосъ, а заплетаютъ ихъ въ одну косу, которую спускаютъ на спину и къ концу которой привѣшиваютъ разноцвѣтные лоскутки или металлическія бляхи. Голову повязываютъ платками разныхъ цвѣтовъ.

Не смотря на всю сложность черемисскаго костюма, онъ мало доставляетъ имъ удобствъ, а всего меньше — теплоты. Черемисы объ этомъ и не заботятся. Онѣ ѣдутъ и идутъ, хотя-бы въ сильнѣйшій

холодъ, въ томъ-же лѣтаемъ балахонѣ и часто съ открытою грудью. Вообще въ одеждѣ черемисъ, какъ и во всемъ ихъ домашнемъ быту, проглядываетъ крайняя безпечность и, кромѣ того, нечистота и неопрятность. Черемисы рѣдко мѣняють бѣлье, а многіе носятъ его до тѣхъ поръ, пока оно не расплзется въ куски. Какъ сами, такъ и дѣти, всегда ходятъ въ затасканныхъ и полуизорванныхъ длинныхъ рубахахъ, поддернутыхъ на поясъ, съ неумытыми лицами и руками.

Преданіями и пѣснями племени черемисскаго, не жившее историческою жизнью, весьма бѣдно. Пѣсенъ у нихъ почти совѣмъ нѣтъ, поютъ, что придется на умъ, или что попадетъ на глаза. Если лѣсомъ ѣдетъ — воспѣваетъ лѣсъ, полемъ — поле, болотомъ — болото и т. д. При этомъ никогда не прибѣгаетъ къ рѣчамъ, а самое содержаніе пѣсни, обыкновенно чрезвычайно короткое, растягиваетъ до безконечности крайне монотонными и всегда одинаковыми припѣвами въ родѣ слѣдующаго:

Ай, ой, ай, ай! ду-ду-ду! ой, дой, дой, дой!
Аяй-турэ! до-до, турэ!.. и проч.

Кромѣ какихъ-нибудь двухъ-трехъ любовныхъ пѣсенъ, въ каждой деревнѣ имѣется еще обыкновенно пѣсня, въ которой восхваляется эта-же самая деревня, въ родѣ слѣдующей:

«Изи Малмыжъ пѣшь моторъ юдорь!» и проч.

т. е. «дѣвушки въ Малмыжѣ очень красивы».

Черемисинъ поетъ свою пѣсню заунывно, монотонно, подперши голову рукою. Поетъ, поетъ, — и заплачетъ, хотя иной разъ пѣсня веселаго содержанія.

Национальныхъ плясокъ у черемисъ также нѣтъ. Пляшутъ они подъ свои пѣсни на манеръ русскихъ: отдѣльно мужчины, отдѣльно женщины, при чемъ сходятся вмѣстѣ и расходятся, поднимая попе-

ремѣнно руки кверху, а иногда все толкутся на одномъ мѣстѣ, подѣ общее пѣніе. Замѣчательно при этомъ еще то, что, предѣ начатиѣмъ пляски, черемисы крестятся и раскланиваются на обѣ стороны, тогда какъ не придерживаются этого обычая ни въ какихъ другихъ случаяхъ.

Любопытны также, по своей патриархальной простотѣ, музыкальные инструменты черемисовъ: пузырь, барабанъ и гусли. *Пузырь* состоитъ прежде всего изъ липовой дудки, длиною вершковъ въ 6; въ середину этой дудки вставляются двѣ маленькихъ костяныхъ дудочки, длиною до 3-хъ вершковъ, съ 7-ю дырочками по одной сторонѣ; къ одному изъ концовъ большой дудки приделанъ коровій рогъ, а другой конецъ ея вставленъ въ бычачій надутый пузырь, съ боку котораго прикрѣпляется еще костяная дудочка. Эту послѣднюю пузырьчикъ беретъ въ ротъ, дуетъ въ пузырь, потомъ охватываетъ его съ обѣихъ сторонъ руками и перебираетъ пальцами по дырочкамъ, что на маленькихъ двухъ дудочкахъ. — *Барабанъ* имѣетъ видъ лукошка, дѣлается изъ лубка и обтягивается съ обоихъ концовъ телячьей кожей, по которой и ударяютъ двумя небольшими палочками. — *Гусли* имѣютъ видъ трехугольнаго ящика, на который натягивается до 10 и болѣе струнъ. На гуслихъ играютъ, кладя ихъ на колѣни и перебирая пальцами по струнамъ.

По вѣроисповѣданію почти всѣхъ черемисовъ причисляютъ къ православнымъ; но, въ дѣйствительности, только очень ограниченное число изъ нихъ — христіане. Всѣ-же остальные черемисы частью магометане, частью идолопоклонники, частью придерживаются фетишизма или шаманской вѣры. Большинство-же упорно держится собственныхъ черемисскихъ вѣрованій, общихъ у нихъ съ нѣкоторыми другими финскими племенами, какъ-то: мордвою, вотяками и пермяками.

Правда, у черемисъ нѣтъ цѣльнаго систематическаго ученія, да и быть не можетъ, такъ какъ вся ихъ религія принаровлена къ жизни

человѣка, а послѣдняя столь измѣнчива и разнообразна, что, по-неволѣ, имъ приходится многое прибавлять въ своемъ ученіи, многое отбрасывать и забывать. Но, не смотря на это, они сильно преданы своимъ вѣрованіямъ. Черемисы говорятъ: «нашу вѣру кончать, насъ кончать», и при этомъ увѣряютъ, «что отцы и дѣды ихъ съ клятвою завѣщали соблюдать все обряды и почитать боговъ, иначе черемисы должны погибнуть». Вслѣдствіе такой преданности своимъ стариннымъ вѣрованіямъ, черемисы до сихъ поръ удерживаютъ ихъ въ большей полнотѣ и съ болѣе яснымъ сознаниѣмъ, чѣмъ родственные имъ по религіи мордва и вотяки.

Необыкновенная преданность ихъ своимъ языческимъ вѣрованіямъ, можетъ быть, основывается на слѣдующемъ ихъ убѣжденіи: «Богъ одинъ, но люди вѣруютъ ему различно. Сколько языковъ на землѣ, столько и различныхъ вѣрованій. Каждый народъ имѣетъ свою вѣру, какъ каждое дерево въ лѣсу свои листья, и каждая вѣра равно угодна Богу, поэтому измѣнять своей вѣрѣ грѣшно и нельзя безъ наказанія».

Подобно всемъ восточнымъ народамъ, черемисы признаютъ собственно два начала: *доброе* и *злое*. Представитель добраго начала: *Оши-Юма* — сѣдой Богъ. Юма — благое существо, сотворившее миръ и человѣка, и управляющее вселенной. О свойствахъ Юма, по представленіямъ черемисъ, можно судить по тѣмъ названіямъ, какія они придаютъ ему; Юма называется у нихъ: *большимъ, старымъ, творцомъ, святомъ, владыкою* и *вседержителемъ*.

Впрочемъ, понятія черемисъ о свойствахъ и качествахъ Юма близко подходятъ къ ихъ собственнымъ матеріальнымъ потребностямъ и занятіямъ. Такъ они воображаютъ, что ихъ Юма живетъ на небѣ въ прекрасной избѣ, и такой же работникъ, какъ и они сами, и имѣетъ огромныя стада лошадей, коровъ и овецъ. Когда они идутъ на пастбище изъ своихъ помѣщеній, такъ передняго конца длинной вереницы давно уже не видать, а задній еще не вытя-

нулся изъ небесныхъ хлѣвовъ. Юма съ своею семьею постоянно на работѣ, какъ хорошій мужикъ. Хозяйство его, по величинѣ своей, требуетъ неусыпнаго надзора и постоянныхъ заботъ, что сильно отвлекаетъ Юма отъ земныхъ попеченій, такъ что онъ одно время совсѣмъ позабылъ о существованіи человѣчества, и вотъ по какому случаю снова вошелъ въ сношенія съ людьми. У Юма была прекрасная дочь, а жениховъ на небѣ не было; были только добрые духи. Юма былъ работающій, работниковъ не держалъ, работалъ все самъ, а дочь свою посылалъ пасти скотину. На небѣ травы нѣтъ, а потому скотину нужно было спускать на землю. Юма и спускалъ свою дочь вмѣстѣ съ скотиною: растворитъ небо, спуститъ войлокъ, чтобы онъ доставаладо земли, и спускаетъ по нему дочь свою на землю. Слѣзши, дочь закричитъ: «дохъ, дохъ, дохъ!»—и спускаются лошади. Лошади спустятся, она закричитъ коровамъ: «тируна, тирена, тирена!»—спускаются коровы. Спустятся коровы, она закричитъ овцамъ: «ста, ста, ста!»—овцы спускаются. Вечеромъ закричитъ на небо: «батюшка, спускай войлочекъ, мнѣ нужно домой, я отпала скотину!» Юма отворитъ небо, она влѣзетъ и стада идутъ назадъ. Дочь Юмы пасла-пасла скотину, спускалась, спускалась на землю а жениховъ все нѣтъ, какъ нѣтъ. Но разъ спустилась на лугъ и увидала молодца, поговорила съ нимъ и дала ему платокъ. При этомъ сказала жениху: «смотри, у меня отецъ-то Юма, онъ не отдастъ меня за тебя; ты лучше подбери товарищей и увези меня, а я возьму другой платокъ и повѣшу его гдѣ нибудь на колѣ. Отецъ увидитъ дтотъ платокъ и будетъ тутъ искать меня, не найдетъ и скажетъ: знать умерла!» Такъ и сдѣлалось. Черезъ два года они пришли къ отцу на небо и сказали ему всю правду, помирились, а Юма задалъ большой пиръ. Приданого за дочьрью далъ много. Съ этихъ поръ только Юма и сталъ знакомъ съ людьми.

Представителемъ зла черемисы признають *Кереметя*. Кереметь—страшное, злое существо, но также вѣчное и собезначальное Юмѣ,

только меньшій братъ его. По понятіямъ черемисъ, Кереметь былъ прежде такимъ же добрымъ существомъ, какъ и Юма, которому онъ долженъ былъ повиноваться; но за гордость и непослушаніе Юма свергнулъ его съ небесъ.

Впрочемъ, черемисскія вѣрованія не даютъ яснаго понятія о богахъ ихъ, и самое происхожденіе Кереметя и отношенія добраго начала къ злему какъ-то неясны и объясняются у нихъ различно. Такъ, по одному преданію, Кереметь появился на свѣтъ только предъ началомъ міра и Юма сотворилъ его во гнѣвѣ своемъ. Когда не было еще ни неба, ни земли, а была только одна вода, Юма плавалъ на поверхности ея, сидя на бревнѣ, и задумалъ разъ сотворить міръ и человѣка. Но ему не съ кѣмъ было посовѣтываться объ этомъ дѣлѣ, отчего ему стало скучно, и онъ плюнулъ съ досады ва воду. Изъ слюны его, на томъ мѣстѣ, куда она попала, образовалась высокая волна, которая сама собою подкатилась къ Юмѣ, и изъ нея вышелъ Кереметь, въ видѣ селезня, и спросилъ Юма, не хочетъ ли онъ имѣть его своимъ братомъ? Юма не согласился назвать Кереметя братомъ, а предложилъ ему быть лишь товарищемъ. Сильно желая сотворить сушу, Юма тутъ же приказалъ Кереметю-селезню нырнуть въ воду и достать изъ подъ нея земли, что тотъ и исполнилъ. Но, обидѣвшись на то, что его не хотѣли признать братомъ, Кереметь захотѣлъ самъ сдѣлать тоже, что и Юма, т. е. сотворить изъ принесенной земли сушу; но, не будучи равенъ Юмѣ силами, успѣлъ только исказить его твореніе. Нырнувши въ воду, Кереметь-селезень набралъ въ ротъ земли и отдалъ Юмѣ лишь часть ея, а остальную утаилъ у себя во рту. Когда Юма дунулъ на полученную частичку земли, то надъ водою распростерлась гладь и сушь, а Кереметь въ это время сталъ выплевывать на сушу оставшуюся во рту землю, отчего образовались на ней горы и овраги. Послѣ этого Юма началъ творить человѣка, а Кереметь, изъ зависти къ товарищу, сталъ мѣшать ему. Однакоже Юма добился своего, и когда тѣло человѣка

было уже готово, то приставилъ къ нему для караула собаку, которая въ то время была совершенно голая, безъ шерсти; самъ же отправился на небо за душою. Тѣмъ временемъ Кереметь, желая испортить новое твореніе Юма, подошелъ къ сотворенному тѣлу и сталъ уговаривать собаку подпустить его поближе къ нему, обѣщая ей за это шубу отъ холода и непогоды, и для большей убѣдительности своихъ увѣщаній, напустилъ на нее вѣтру и морозу. Голая собака по необходимости согласилась на предложеніе Керемета, и получила за это шубу. Кереметь же, подойдя къ тѣлу человѣка, охаркалъ его и тѣмъ положилъ зародышъ болѣзнямъ и безобразію людей. Когда Юма вернулся назадъ съ душою, то нашелъ свое дѣло испорченнымъ и долженъ былъ выворотить сотворенное тѣло на изнанку, отчего внутренность человѣка и понинѣ остается поганою. Послѣ этого Юма, за гордость и неповиновеніе Керемета, свергнулъ его съ небесъ.

По другой черемисской легендѣ, причина гнѣва Юмы на Керемета объясняется нѣсколько иначе. По понятіямъ черемисъ, кромѣ Юмы для различныхъ народовъ существуютъ и разные боги, которые часто враждуютъ между собою. Разъ Юма разсердился на зазорныхъ боговъ и потребовалъ ихъ къ себѣ на судъ. Русскій богъ явился первымъ и оправдался. За нимъ пришелъ татарскій богъ, и, сваливши вину на другихъ, также вышелъ правымъ. Черемисскій же богъ — Кереметь, оставшись послѣднимъ, не хотѣлъ идти къ Юмѣ оправдываться, за что тотъ разсердился на него, прогналъ съ неба и велѣлъ жить въ лѣсахъ.

Происхожденіе же своей вѣры въ Керемета и служеніе ему черемисы объясняютъ такъ: когда люди размножились, то Юма сталъ раздавать имъ вѣру, для чего созвалъ къ себѣ вѣхъ родоначальниковъ. Пошелъ къ нему и черемисскій старшина; но на дорогѣ попался ему Кереметь, который нарочно вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и до того оба заболтались, что черемисъ пришелъ къ Юмѣ къ шапоч-

ному разбору. Озадаченный и испуганный этимъ, онъ спросилъ Юму, кому же ему кланяться, и получилъ въ отвѣтъ: за то, что забылъ мое приказаніе и болталъ въ это время о пустякахъ, кланяйся Керемету. Послѣдній, услыхавъ это, тотчасъ же слетѣлъ съ березы и предложилъ черемису свои услуги.

По представленіямъ черемисъ, Кереметь самое коварное, злое и страшное существо. Они считаютъ его причиною всякаго зла, впрочемъ только физическаго, а не нравственнаго, о которомъ они не имѣютъ понятія. Заболѣлъ черемисъ, — значитъ «Кереметь схватилъ»; падеть скотина, это — Кереметь ее душитъ; случится неурожай, — опять Кереметь виноватъ, и проч. Поэтому черемисъ, при каждомъ несчастіи, всегда спрашиваетъ, не Кереметь-ли устроилъ ему бѣду? Вообще Кереметь, по ихъ понятіямъ, есть начало разрушенія и смерти; онъ и живетъ большею частію около старыхъ деревьевъ и пней въ лѣсу.

Вредить людямъ онъ можетъ безпрепятственно и невозбранно. Въ этомъ ему никто не мѣшаетъ. Юма — представитель добраго начала — не вмѣшивается въ дѣла Керемета и не ведетъ съ нимъ борьбы. Нестѣсняемый никѣмъ и ничѣмъ, Кереметь можетъ причинить страшный вредъ человѣку, и потому вліяніе его на воображеніе черемисъ — весьма сильное. «Кереметь больна сердита: она корцятъ, морить су скотина и домъ концаетъ». Страхъ предъ Кереметемъ до того вооренился въ нѣкоторыхъ, что при одномъ только представленіи его присутствія и гнѣва, съ ними дѣлаются совершенно естественные, вовсе не напускные припадки, подергиванія лица и. т. под. Черемисъ, проходя мимо рощи, посвященной Керемету, прибавляетъ шагу и потупляетъ глаза въ землю.

Подобно Юмѣ, черемисы и Керемета представляютъ въ образѣ человѣческомъ и, согласно своимъ житейскимъ понятіямъ, воображаютъ его въ видѣ какого нибудь провинціальнаго начальства, въ родѣ становаго. Онъ щеголяетъ, по ихъ мнѣнію, въ зеленомъ кам-

золѣ и красной шапкѣ и разбѣгаетъ по своей дистанціи въ серебряной колесницѣ, на тройкѣ воронныхъ. Къ усерднымъ черемисамъ заворачиваетъ иногда въ избу, но не чрезъ ворота, а въ трубу, и тутъ проситъ его оставить на время колесницу въ домѣ. Когда Кереметь проходитъ по лѣсу, то деревья кланяются ему до земли, птицы поютъ ему пѣсни, а дикіе звѣри со страхомъ разступаются передъ нимъ.

Главный богъ имѣетъ у себя множество помощниковъ, завѣдующихъ каждый своею спеціальною частью въ управленіи міромъ. Старшимъ помощникомъ его считается *Сандамыкамъ-кученъ-урдаша* управляющій вселенною. Второй помощникъ Юмы *Пильвилъаль-Юма*, богъ неба, управляющій ктати и облаками. За нимъ слѣдуютъ разные другіе боги. Есть множество еще болѣе мелкихъ боговъ, какъ-то: богъ моря, богъ вѣтровъ (охотникъ вышитъ), богъ скота мороза, цвѣтовъ, правосудія и даже молока, и проч.

Каждый изъ второстепенныхъ боговъ имѣетъ по два помощника: *сакча*, — докладчика черемисскихъ просьбъ и молитвъ, и *пуракша*, — раздавателя божеской помощи черемисамъ по ихъ молитвамъ. Нѣкоторые изъ черемисъ этимъ послѣднимъ божествамъ даютъ названія болѣе отвѣчающія житейскимъ понятіямъ: одного называютъ *новаромъ*, а другаго — *ямицкомъ*.

Богъ зла — Кереметь — также имѣетъ у себя несмѣтное число помощниковъ, которые состояли при немъ еще въ то время, когда онъ былъ добрымъ существомъ и жилъ на небѣ. Онъ былъ свергнутъ оттуда со всею своею семьей и слугами. При этомъ-то сверженіи нѣкоторые изъ семьи Керемети упали на гору; другіе въ лѣса, болота, овраги, рѣки и въ разныя урочища, вслѣдствіе чего появились второстепенные Керемети, подъ названіемъ *шайтановъ* и *водышей* — злыхъ духовъ, которые поставлены въ подчиненіе главному Керемети, такъ какъ онъ хозяйничаетъ на землѣ.

Въ водышей — слугъ его — могутъ обращаться по смерти и злые люди.

Почти о каждомъ изъ боговъ у черемисъ существуетъ, обыкновенно, какая нибудь легенда, объясняющая или происхожденіе бога, или его свойства и качества, или его названіе и. т. под.

Почти всѣ черемисы, даже некрещенные, особенно почитаютъ нѣкоторыхъ изъ христіанскихъ святыхъ. Такъ святителя Николая они называютъ *Миколь-Юма*, считая его богомъ свѣта, вѣроятно потому, что видятъ около иконъ его много зажженныхъ свѣчей; а нѣкоторые молятся какой-то *Кузьмъ-денгъ* — кузьминой теткѣ, покровительницѣ полевыхъ работъ, вѣроятно получившей свое названіе отъ христіанскихъ именъ — Кузьмы и Дамьяна. Государя и Государыню черемисы также обоготворяютъ, называя ихъ: *Кружанъ-Юма* и *Куружанъ-Юманъ-авожа* и признавая также пророка ихъ — *Куружанъ-юманъ-пильбара*.

Черемисы вѣруютъ въ будущую загробную жизнь; но о раѣ понятія не имѣютъ. Вѣрятъ только, что по смерти они должны явиться на судъ къ адекому судѣ *Кіяматъ-тюре*, который заставитъ ихъ проходить по тонкихъ жердочкамъ, проложеннымъ надъ кипящею въ котлѣ смолою. Не сдѣлавшій зла на семъ свѣтѣ пройдетъ свободно, а злодѣй непременно поскользнется, свалится въ котель и будетъ терпѣть страшную муку.

Жертвоприношенія богамъ у черемисъ совершаются очень часто и почти всегда изъ практическихъ расчетовъ. По понятіямъ черемисъ, доброе божество дѣлается злымъ, если ему не принести жертву. Злому-же богу и подавно нужно приносить жертву, чтобы отвлечь отъ себя его злобу. Дѣло въ томъ, что какъ злые, такъ и добрые боги имѣютъ тѣ-же потребности, какъ и люди, а удовлетворить этимъ потребностямъ на небѣ — нечѣмъ. Поэтому всѣ боги постоянно нуждаются во всякой пищѣ, въ пивѣ, винѣ, нуждаются въ одеждѣ, скотинѣ, въ лошадяхъ для ѣзды и проч. Поѣздки у боговъ

частыя и дальнія: тамъ нужно исправить, здѣсь пособить, въ другомъ мѣстѣ наказать кого-нибудь, вездѣ нужны глаза... Когда долго не бываетъ дождя, или случится что-нибудь въ этомъ родѣ,—черемисы говорятъ, что у котораго-нибудь Юмы коней не стало, всѣ извѣздились или ноги себѣ исшаркали, что, слѣдовательно, нужно принести ему жертву изъ коней. Если-же эта жертва не будетъ принесена, то богъ непременно будетъ раздраженъ и постарается причинить вредъ человѣку, все равно — злой этотъ богъ или добрый. Поэтому черемисы выбиваются изъ силъ, чтобы быть какъ можно аккуратнѣе въ отбываніи небесныхъ повинностей и не медлить долго съ жертвами.

Почти для каждаго бога опредѣлена у нихъ особая жертва. Такъ, самому Юмѣ они приносятъ жеребенка, преимущественно бѣлаго. Главному его помощнику — жеребца; остальнымъ помощникамъ—по лошади; матерямъ—по коровѣ; болѣе мелкимъ богамъ—по гусю или уткѣ; нѣкоторымъ-же богамъ приносятъ плоды, лепешки, водку и т. п.

Главныя заботы устремлены, разумѣется, на умилостивленіе злыхъ боговъ и преимущественно Керемета. Черемисъ разбираетъ каждый свой шагъ, чтобы не обидѣть это опасное божество, толкуетъ каждый свой сонъ, каждую примѣту, совѣтуется со своими знахарями, чтобы только узнать, чѣмъ можно угодить Керемету, какую жертву принести ему. Обожаніе Керемета и составляетъ сущность всей ихъ религіи.

Кереметь принимаетъ въ жертву все, за исключеніемъ нѣгихъ животныхъ и свиней, которыхъ почему-то не долюбиваетъ.

Жертвы ему вообще обходятся дорого. Отъ него рѣдко можно отдѣлаться пивомъ, водкою или нѣсколькими лепешками. Онъ требуетъ по большей части лошади или коровы, а овецъ по нѣскольку штукъ за разъ. Вотъ какая жертва необходима въ крайнихъ случаяхъ этому злему богу: двѣ лошади, двѣ бычачьихъ головы, два барана,

четыре селезня и двѣ утки, шесть восковыхъ свѣчей, шесть ватрушекъ, шесть орѣховъ, двѣнадцать стерлядей, полштофъ сладкой водки и полштофъ простой, непременно за печатью, а то Кереметь не приметъ,—такъ что жертва Керемету обходится иногда одному черемису (отдѣльно взятому) рублей въ 50.

Назначеніе жертвы и исполненіе самаго обряда жертвоприношенія зависятъ отъ выборныхъ старшинъ, называемыхъ—*картами*, а у горныхъ черемисъ—*мужанами*. Карты—это представители божества, играющіе роль жрецовъ или священниковъ. Они назначаютъ родъ жертвы, читаютъ молитву на общественныхъ моленіяхъ, закалываютъ жертвенныхъ животныхъ, совершаютъ у некрещеныхъ черемисовъ браки и похороны, толкуютъ сны, гадаютъ и предсказываютъ удачи и неудачи. Карты получаютъ свое званіе не по наследству, а по выбору. На ихъ должность выбираются старики лѣтъ подлѣ 60, отличающіеся опытностью и знаніемъ всѣхъ религіозныхъ вѣрованій, примѣтъ, обрядовъ, таинственныхъ дѣйствій, симпатическихъ средствъ отъ болѣзней и т. п. Строгая, степенная жизнь также должна составлять ихъ достоинство. Кромѣ того, картъ долженъ быть ловокъ, находчивъ, боекъ на языкъ, умѣть и наружностью, и поступками, и рѣчью озадачивать толпу и внушать къ себѣ безграничное довѣріе.

Выбранный картъ и по одеждѣ отличается отъ прочихъ черемисъ. Онъ надѣваетъ бѣлый длинный балахонъ, безъ сборокъ, съ красною нашивкою на груди изъ кумача, а назадъ—съ черною изъ сукна, вершка въ три шириною и четверти въ полторы длиною. На голову надѣваетъ высокую молитвенную шапку изъ бересты, въ рукахъ держитъ рабиновый посохъ, составляющій необходимую его принадлежность.

Онъ входитъ въ близкія сношенія съ божествомъ и потому имѣетъ возможность въ точности знать его волю и желанія, а слѣдовательно можетъ также безошибочно опредѣлить, какой оно требуетъ себѣ

МОРДВА, ЧУВАШИ, ЧЕРЕМИСЫ.

ЗЫРЯНЕ.

жертвы. Свои откровения от боговъ получаетъ большею частью посредствомъ вѣщихъ сновъ, вѣра въ которые очень сильно развита между черемисами. Иногда-же онъ прибѣгаетъ для узнанія воли божества къ гаданію. Беретъ 40 или больше камушковъ, ставитъ ихъ кучками или дѣлаетъ изъ нихъ дорожки, и по этимъ кучкамъ и дорожкамъ объясняетъ пришедшему пути къ тому или другому божеству, распредѣляя въ угодность ему разныя жертвы, или опускаетъ въ чашку, наполненную водою, мѣдныя или серебряныя монеты, и объясняетъ черемису, безмолвно слушающему, какая жертва угодна извѣстному богу. Особенно проницательныя карты гадаютъ, въ этомъ случаѣ, на полушкѣ, стертой съ обѣихъ сторонъ и, по ихъ увѣренію, ниспосланной съ неба. Полушку эту кладутъ на столъ и начинаютъ читать какъ по писанному. Въ новолуніе эти гадатели обѣдуются и входятъ уже въ непосредственныя сношенія съ богами.

Черемисы питаютъ безусловную вѣру во всемогущую силу своего карта. Если карта обидѣтъ, то онъ можетъ испортить всякаго. Онъ возьметъ у человѣка, на котораго сердитъ, какую-нибудь вещь, лосятъ отъ одежды, онучу, лапоть, что попадется ему подъ руку, и снесетъ въ лѣсъ; тамъ заткнетъ эту вещь въ дупло дерева, гдѣ живетъ Кереметь, или закопаетъ въ землю, и человѣкъ начнетъ хворать, мучиться и чахнуть, такъ и изведется, если не умолитъ карта помочь ему или снять съ него порчу. На основаніи этой увѣренности въ чародѣйной силѣ картовъ, черемисы оказываютъ имъ безграничное уваженіе и исполняютъ безпрекословно, хотя и не съ особенною точностью, всѣ ихъ произвольныя назначенія жертвъ.

Мѣстомъ для жертвоприношеній служатъ небольшія липовыя, дубовыя или березовыя рощи, называемыя *кюстами*, которыхъ почти при каждомъ черемисскомъ селеніи имѣется обыкновенно до четырехъ. Рощи эти посвящаются разнымъ богамъ и на разныя случаи жизни, и всѣ содержатся съ особенною заботливостью и постоянно

въ исправности, и въ чистотѣ, и почитаются священнымъ и неприкосновеннымъ мѣстомъ. Никто не смѣетъ срубить тамъ даже сучка съ дерева. Если кто-нибудь изъ шалости срубитъ въ кюсотѣ липу или березку, то черемисы сосѣдней деревни тотчасъ-же собираются въ этой рошѣ, приносятъ съ собою живаго гуся или утку, вырѣзываютъ у ней задъ и замучиваютъ ее до смерти. Ощипавши перья, кладутъ ее въ котель, поварятъ немного, потомъ вынутъ и вмѣстѣ съ прѣсными лепешками бросятъ въ огонь. Сами-же встанутъ на колѣна и произносятъ проклятіе на того, кто испортилъ рошу, говоря: «кто срубилъ то дерево, того найди и предай смерти, какъ эту утку или гуся», — и затѣмъ расходятся по домамъ. Иноплеменники могутъ посѣщать кюсоты только съ нѣкоторыми предосторожностями. Если случится по какой-нибудь надобности быть въ подобной рошѣ русскому, то онъ долженъ одѣться въ черемисское платье, чтобы Кереметь не могъ узнать его и отличить отъ черемиса, иначе всѣ присутствующіе закричатъ пришедшему: «Не ходи сюда, бачка, мринь; эта нашъ вѣра». Разговоръ на русскомъ языкѣ также считается великимъ грѣхомъ; поэтому черемисъ, подходя къ кюсоту, старается еще издали заговорить по-черемиски, чтобы Кереметь зналъ уже, что идетъ свой человѣкъ.

Жертвоприношенія бывають общественныя и частныя. Общественныя — имѣютъ своимъ предметомъ: урожай, народное здравіе, охраненіе деревень отъ пожаровъ, отъ скотскаго падежа и т. п. случаи, касающіеся цѣлаго общества или даже всего черемисскаго народа. На эти моленія сходятся въ одинъ кюсотъ жители всей деревни или же обитатели нѣсколькихъ селеній, даже уѣздовъ, хотя-бы разныхъ губерній, какъ напримѣръ — изъ смежныхъ уѣздовъ Вятской и Казанской губерній. Въ послѣднемъ случаѣ въ одинъ кюсотъ набирается отъ двухъ до пяти тысячъ человѣкъ. Но такія многочисленныя собранія черемисовъ бывають, обыкновенно, не болѣе одного раза въ годъ, а иногда даже чрезъ два, три или четыре года. Боль-

шею-же частью на общественныхъ моленіяхъ присутствуютъ только жители двухъ или трехъ сосѣднихъ деревень.

Обряды и обычаи при общественныхъ жертвоприношеніяхъ заключаются въ слѣдующемъ: за недѣлю или за двѣ до моленія сходятся всѣ старики изъ нѣсколькихъ селеній въ одно, гдѣ уговариваются между собою объ общемъ жертвоприношеніи. Выбираютъ изъ среды себя картовъ и назначаютъ время и рошу, куда долженъ собраться народъ для моленія. Выбраннымъ картамъ даются деревянные значки или *бирки*, на которыхъ посредствомъ зарубокъ обозначается потребное количество съ cadaго селенія рогатаго скота, лошадей и проч. для принесенія въ жертву. Эти бирки передаются изъ одного селенія въ другое такъ скрытно, чтобы русскіе не узнали. Тамъ бирки переходятъ къ особымъ сборщикамъ, которые собираютъ по нимъ деньги, каждый съ своего селенія, на покупку скота для жертвы.

Въ назначенный день, и непременно въ пятницу, какъ день праздничный у черемисъ, они снова сходятся изъ разныхъ селеній въ избранное мѣсто и приводятъ съ собою на продажу скотъ и птицъ. При покупкѣ дѣлается испытаніе скотинѣ: льютъ на спину ей холодную воду, и если при этомъ животное вздрогнетъ, то его тотчасъ покупаютъ; если-же нѣтъ, то оставляютъ въ сторонѣ, какъ неприятное богомъ.

Когда животныя уже накуплены въ потребномъ числѣ, тогда начинають приготовляться къ самому обряду жертвоприношенія. Въ назначенный для моленія день, съ утра, каждый черемисъ надѣваетъ чистое бѣлье, лучший кафтанъ и новыя лапти, берестовый колпакъ, беретъ съ собою палку, восковую свѣчу и сумку съ тремя овсяными лепешками, съ чашкою и ложкою, и отправляется на моленіе въ кюсотъ. Туда-же идутъ и карты и приводятъ съ собою жертвенныхъ животныхъ. На послѣднихъ надѣваютъ личные уздечки и привязываютъ каждое къ завѣтному дереву — дубу или березѣ. Во время

самыхъ многочисленныхъ собраній, случающихся черезъ годъ или рѣже, въ кюсотъ на всеобщее моленіе приводится огромное количество жертвеннаго скота: головъ 80 одиѣхъ лошадей, 50 — коровъ, 100 — быковъ и телятъ, 150 — барановъ, 300 утокъ и проч. На обыкновенное-же общественное моленіе, самыхъ крупныхъ животныхъ приводятъ только по одной головѣ, болѣе мелкихъ — по парѣ, самыхъ-же мелкихъ — по двѣ пары и больше.

Размѣстивъ животныхъ подъ завѣтными деревьями, карты разстилаютъ посрединѣ кюсота бѣлую кошму, на которую ставятъ бутракъ пива, каравай хлѣба, нѣсколько кучекъ овсяныхъ лепешекъ и другіе съѣстные припасы, и предъ каждымъ изъ этихъ предметовъ зажигаютъ восковыя свѣчи.

Публика становится предъ кошмою, лицомъ къ востоку. Женщины обыкновенно не принимаютъ прямого участія въ моленіи, а могутъ присутствовать лишь сбоку, въ качествѣ благоговѣйныхъ свидѣтельницахъ высокой набожности своихъ мужей.

Когда все готово, карты надѣваетъ шапку и произноситъ слѣдующую молитву во всеуслышаніе: «Вольшой хлѣбъ, мірское пиво приготовлены; золотая свѣча зажжена; подъ деревомъ предъ тобою стоитъ лошадь жемчужной шерсти, на шелковую узду пойманная, съ которой стороны тебѣ поставили ее, съ той съ удовольствіемъ потрепи ее и невозвратно прими».

По прочтеніи этой молитвы, карты, а за нимъ и всѣ присутствующіе — обливаютъ каждое животное, начиная отъ головы до хвоста, холодною водою, приговаривая: «встрепли скотину». Если животное при этомъ вздрагиваетъ, то его, какъ угодное Юму, тотчасъ же кладутъ на землю, закалываютъ ножомъ, кровь выпускаютъ въ чашку изъ которой карты кропятъ завѣтное дерево, трижды говоря: «на, возьми золотую кровь!»

Затѣмъ, разводять нѣсколько костровъ, изъ которыхъ каждый посвящается особому богу; надъ кострами вѣшаютъ котлы, въ ко-

торыхъ варятъ жертвенныхъ животныхъ. Въ это время всѣ присутствующіе произносятъ молитву, призывая Юму по разному, смотря по тому, какъ кому укажетъ картъ. Одинъ бормочетъ: «Сотня-кого-Юма, сотня-ханъ-кого Юма, сотня-пудерша!» А другой: «Тэмень-кого-Юма, тэмень-ханъ-кого-Юма, тэмень-пудерша!» и т. д. «Дай намъ богатство, славу, честь, здоровье, намъ и скоту, обиліе во всемъ, веселье и радость, чтобы намъ жить въ довольствѣ, играть и смѣяться».

Сваривши мясо, часть его брасаютъ въ огонь, говоря: «Прими любезно!» послѣ чего картъ три раза обходитъ вокругъ огня, постукивая при этомъ обухомъ ножа объ обухъ топора. Всѣ присутствующіе становятся на колѣни. Тогда главный картъ кладетъ ножъ и топоръ, и произноситъ слѣдующую молитву: «Кто богу принесъ жертву, тому спасеніе дай. Родившимся дѣтямъ—въ хлѣбѣ, пчелахъ, скотѣ и въ деньгахъ — счастье дай. Чтобы пчелы въ новый годъ рои пускали, а когда рои пустятъ, то и въ меду спорынье дай. Птицъ и звѣрей ловить—счастье дай. Дай богъ счастье взять тройную цѣну за товаръ. Всѣ сокровища, какія есть на землѣ и во всемъ свѣтѣ, получить счастье дай. Помоги, боже, государственныя подати заплатить. Когда придетъ весенняя пора, трехъ сортовъ скотину въ три дороги выпустить помоги; отъ глубокой грязи, медвѣдей, волковъ и отъ воровъ ее помилуй. Какъ хмѣль пухлявъ и полонъ, такъ насъ жить сподоби и здравіемъ награди. Какъ воскъ ровно садится, такъ намъ постоянно жить счастье даруй».

Въ молитву эту часто вставляется слово «аминь». Кромѣ того, въ ней поименовывается иногда подробно, чего и сколько именно просить у бога: столько-то ржи, столько-то овса, ячменя, лошадокъ, коровъ, овецъ и проч.

По окончаніи молитвы всѣ присутствующіе пьютъ и ѣдятъ до отвалу, а остатки дѣлятъ между собою поровну и уносятъ домой.

Частныя жертвоприношенія совершаются въ особыхъ кюсотахъ,

отдѣльными семьями или частнымъ лицомъ по случаю какого-нибудь семейнаго несчастья, болѣзни и т. п. Обряды при этомъ соблюдаются тѣ же, что и при общественныхъ жертвоприношеніяхъ, съ тою лишь разницею, что здѣсь молятся одному какому-нибудь богу и въ жертву приносится одно какое-нибудь животное, или совсѣмъ мелкіе предметы, какъ наприимѣръ: мука, кости, яйца, перья и проч.

Особенно часто приносятся жертвы по причинѣ болѣзни, и не только въ кюсотахъ, но и на дому. Въ случаѣ болѣзни, черемисъ посылаетъ кого-нибудь изъ домашнихъ къ карту — узнать, кто его мучитъ: *Тумбулатъ* или *Кереметь*? Картъ, послѣ исполненія различныхъ фокусовъ и хитростей, говоритъ посланному, что больного мучитъ какой-то злой богъ. Посланный возвращается къ больному, затапливаетъ печку, приноситъ въ ковшѣ ржаной муки и бросаетъ въ огонь три щепотки ея; потомъ обращается къ помощнику злаго бога и говоритъ ему: «*Тулбодымъ-толмазе*, у тебя ноги долги, самъ ты тоненькій, языкъ у тебя бойкій, поди скорѣе къ Кереметю и скажи ему, что я обѣщаль ему принести въ жертву лошадь, пѣмбару-корову, ширту-барана, а тебѣ — теленка». Затѣмъ, оставшюся въ ковшѣ муку ставить въ клѣтъ — въ такое мѣсто, гдѣ бы никто ее не шевелилъ; это въ знакъ того, что данное Кереметю обѣщаніе непременно будетъ исполнено. Если больной вскорѣ послѣ того выздоровѣетъ, то дѣйствительно приноситъ Кереметю обѣщанную жертву; если же не выздоровѣетъ, то родственникъ больного выводитъ лошадь на середину двора, и какъ бы поддразнивая ею Кереметя, подтверждаетъ свое обѣщаніе принести ее ему въ жертву, если только онъ постарается прекратить болѣзнь, и затѣмъ уводятъ лошадь обратно въ конюшню. Но когда болѣзнь и послѣ этой уловки долго не проходитъ, то варятъ пиво, сзываютъ сосѣдей, берутъ съ собою лошадь, и отправляются всѣ вмѣстѣ въ кюсотъ, гдѣ совершаютъ вышеописанный обрядъ жертвоприношенія.

Случается, что родственники больного, не смотря на все свое же-

ланіе поскорѣе помочь ему, по бѣдности, долго не могутъ приобрѣсти общанное Кереметю животное. Тогда они кладутъ въ кюсотъ въ залогъ свои сошники, косы, топоры, серпы и тому подобные необходимые въ хозяйствѣ предметы, чтобы Кереметь былъ совершенно спокоенъ насчетъ исполненія даннаго ему общанія. Другія дѣлаютъ иначе: разводятъ въ печкѣ огонь, накачиваютъ топоръ и потомъ втыкаютъ его въ верхній уголь избы, а больному кладутъ въ руку серебряную монету, цѣлковый или полтинникъ, и, обращаясь къ злему богу, приговариваютъ: «На тебѣ—жди пожалуйста». Послѣ этого, бѣдный черемись озабачивается скорѣйшимъ присканіемъ лошадки, хотя бы подешевле; случается, что и украдетъ, или купитъ за безцѣнокъ хвораго жеребенка. Кереметь не слишкомъ разборчивъ въ этомъ случаѣ, лишь бы жертва хотя немного походила на лошадь. Если же черемись не можетъ приобрѣсти и такой скотины, то приноситъ въ жертву Кереметю живаго зайца, говоря: «Вотъ тебѣ моя маленькая лошадка!» Еще чаще случается, что бѣдняки, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, приносятъ ему въ жертву вмѣсто настоящихъ лошадей—сахарныхъ коньговъ, разчитывая въ этомъ случаѣ на разсыянность Кереметя. Производствомъ подобныхъ приношеній, изображающихъ различныхъ животныхъ и называемыхъ *аргамаками*, черемисы занимаются съ упомянутою цѣлью весьма усердно.

Въ случаѣ появленія на дѣтяхъ оспы совершается особый обрядъ жертвоприношенія. Черемись покупаетъ три небольшія рыбки, печетъ три небольшія ржаныя лепешки, несетъ въ кудо, гдѣ варить все это въ котлѣ, и, вынувъ изъ него, кладетъ по рыбкѣ на каждую лепешку, общая одну *оспенному старику*, другую — *оспенной старушкѣ*, а третью—*оспенному писарю*. Изъ рыбъ вынимаетъ внутренности и перья, и бросаетъ послѣднія въ огонь. Затѣмъ хозяинъ дома говоритъ: «Оспенный старикъ, оспенная старушка и оспенный писарь! вы пришли къ моимъ ребятамъ, дѣлайте свое дѣло,

только не сдѣлайте имъ вреда. Я никогда васъ не забуду!» Затѣмъ рыбу съ лепешками съѣдаетъ все семейство.

Вообще жертвоприношенія у черемисъ весьма часты и совершаются по поводу почти всякаго мелкаго случая. Они куска не съѣдятъ безъ того, чтобы не принести какой нибудь жертвы тому или другому богу. Гдѣ бы черемись ни находился, въ дорогѣ ли, дома ли, въ лѣсу ли, на гумнѣ ли, онъ на всякомъ мѣстѣ, предъ вкушеніемъ пищи, непременно отломить часть ея и бросить на землю, и, отливъ туда-же немного пива, скажетъ: «смля!»—затѣмъ уже начнетъ ѣсть самъ. Слово «смля» означаетъ приблизительно то же, что и русское «господи, благослови». «Смля» произносится почти предъ каждымъ глоткомъ и сопровождается бросаньемъ кусочка пищи, или отливаніемъ пива—въ честь какого нибудь бога.

Праздники и обряды.

Жертвоприношенія, какъ общественныя, такъ и частныя, совершаются главнымъ образомъ по случаю праздниковъ, которыхъ у черемисъ насчитывается очень много. Наиболѣе популярнымъ недѣльнымъ праздникомъ считается у нихъ, какъ и у всѣхъ восточныхъ народовъ, пятница—*кагарня*. День этотъ, кромѣ исполненія обыкновеннаго обряда жертвоприношенія, ознаменовывается еще пирушками и попойками. Работать же въ пятницу черемисы считаютъ за большой грѣхъ. Даже сѣно лошадямъ и прочему скоту не даютъ руками, а сталкиваютъ ногами; женщины также не топятъ печей и подаютъ всякое кушанье холоднымъ.

Годовые черемискіе праздники справляются также по пятницамъ, хотя бы они по настоящему-то приходились немного позже или раньше этого дня. Одинъ изъ такихъ праздниковъ происходитъ весною, предъ посѣвомъ хлѣбовъ и называется *Ага-Паремъ*. Онъ

собственно продолжается три дня, но такъ, чтобы главный средній день приходился все-таки на пятницу. Празднованіе начинается такимъ образомъ съ четверга. Наваривъ предварительно пива и приготовивъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, черемисы идутъ въ этотъ день сперва въ баню, гдѣ моются и надѣваютъ чистое бѣлье, затѣмъ все черемисское населеніе выходитъ на яровое поле, обставляетъ его восковыми свѣчами, раскладываетъ по немъ съѣстные припасы и разводитъ тутъ же нѣсколько костровъ. Послѣ этого совершаютъ обрядъ общественного моленія, по окончаніи котораго всѣ присутствующіе принимаются угощать другъ друга и веселиться, забавляясь разными играми. Между прочимъ, черемисы любятъ разыгрывать при этомъ импровизированныя комедіи, въ которыхъ представляютъ исправника, судью, становаго и прочихъ извѣстныхъ имъ провинціальныхъ властей, а также воровъ, пьяницъ и тому подобныхъ личностей, которыхъ упомянутыя власти тащатъ въ судъ и судятъ, затѣмъ приводятъ въ исполненіе свой приговоръ и, шутя, наказываютъ виновнаго. Другіе черемисы, не участвующіе въ представленіи, смотрятъ и радуются отъ души, изъявляя свое удовольствіе громкимъ задумчивымъ хохотомъ. Наигравшись, напившись и наѣвшись вдоволь, расходятся по домамъ, унося съ собою остатки съѣстныхъ припасовъ. На другой день всѣ собираются пировать къ карту, а на третій день картъ самъ ходитъ пировать по всѣмъ домамъ. Этимъ праздникомъ заканчивается.

Самый большой черемисскій праздникъ, извѣстный подъ названіемъ — *сюремъ*, празднуется около Петрова дня. Начинается онъ изгнаніемъ шайтана изъ всѣхъ черемисскихъ селеній. Обычай этотъ исполняется собственно наканунѣ праздника, въ четвергъ. Въ этотъ день, съ утра, всѣ идутъ въ баню, потомъ надѣваютъ чистое бѣлье и новое платье; затѣмъ всѣ черемисы, живущіе близъ назначеннаго для всеобщаго моленія кюсота, собираются верхами на лошадяхъ въ одно какое нибудь селеніе, заходятъ съ конца его, и съ шумомъ,

въ страшномъ изступленіи, какъ бы опоенные опиумомъ, начинаютъ бить рябиновыми палками по стѣнамъ крайней избы, и при этомъ кричать что есть силы, надѣясь заставить шайтана очистить осажденный ими дворъ. По окончаніи этой продѣлки, заходятъ въ избу, отдыхаютъ, съѣдаютъ и выпиваютъ заранѣе приготовленное имъ угощеніе, и отправляются къ слѣдующей избѣ, гдѣ повторяютъ все вышесказанное, затѣмъ идутъ къ третьей и т. д., пока не обойдутъ всей деревни. Изъ нея уѣзжаютъ въ сосѣднее селеніе и тамъ, соединившись съ его жителями, продѣлываютъ то же самое. Выпроводивъ, такимъ образомъ, шайтана изъ своихъ деревень, черемисы раскладываютъ гдѣ нибудь въ полѣ костеръ, молятся ему и потомъ перепрыгиваютъ черезъ него, отряхая одежду, чтобы выжить изъ нея нечистую силу. Послѣ этого берутъ изъ костра горящую головню и втыкаютъ ее въ землю, воображая, что пронзаютъ ею сердце шайтана. Затѣмъ бросаютъ на деревья яйца, думая этимъ удовлетворить надолго злаго *сюрема*, т. е. шайтана, такъ чтобы ему уже не зачѣмъ было возвращаться въ деревню. Если при этомъ яйцо ударится въ вершину дерева, то полагаютъ, что жертва дѣйствительно принята. По окончаніи всѣхъ подобныхъ продѣлокъ, расходятся по домамъ, и пируютъ на радостяхъ, что всѣ шайтаны прогнаны.

На другое утро идутъ въ кюсотъ на всеобщее моленіе, въ которомъ, какъ уже было сказано, участвуютъ одновременно жители нѣсколькихъ деревень и даже нѣсколькихъ уѣздовъ. По окончаніи моленія начинаютъ угощать другъ друга, что также было упомянуто, жертвеннымъ мясомъ и другими съѣстными припасами, а также пивомъ и водкою. Ъдутъ въ этомъ случаѣ чрезвычайно скоро, будучи увѣрены, что тотъ, кто скорѣе поѣстъ, скорѣе всѣхъ управится и съ сѣнокосомъ. Попировавъ, въ кюсотѣ вдоволь, расходятся подвечеръ по домамъ.

На слѣдующій день запрягаютъ лошадей въ кибитки и телѣги, берутъ съ собою напитки и съѣстныхъ припасовъ, и ѣдутъ въ по-

ле, на лугъ. Совершивши тамъ обычный обрядъ моленія, начинаютъ справлять праздникъ *сабантуй*, состоящій главнымъ образомъ въ скачкѣ на лошадахъ. Отличившіеся при этомъ особеннымъ удалствомъ, получаютъ въ награду отъ молодыхъ женщинъ носовые платки. Праздникъ этотъ продолжается еще дня два или три.

До окончанія полевыхъ работъ справляютъ праздникъ — *У-ну-гумуиз* — «новая каша». Приготовивъ, по обыкновенію, пива и вина и сваривъ побольше овсяной каши, сзываютъ сосѣдей. Хозяинъ дома, разставивъ все приготовленное на столѣ, надѣваетъ шапку и произноситъ молитву. Затѣмъ начинается угощеніе. Пока гости пьютъ и ѣдятъ, хозяинъ выходитъ на крыльцо и трубитъ въ деревянный рогъ, обвитый берестой. Этимъ онъ какъ бы даетъ знать кому-то, что уже отвѣдалъ новой каши, и съ этого времени до Михайлова дня каждый изъ черемисъ и утромъ, и вечеромъ трубитъ въ рогъ.

Въ Михайловъ день (8 ноября) справляютъ *кишлямъ-паремъ* — «праздникъ киселя». Въ этотъ день сосѣди сходятся въ одну избу, приносятъ съ собою каждый свои припасы и совершаютъ обрядъ поминовенія умершихъ, который будетъ описанъ ниже. По совершеніи этого обряда, принимаются за угощеніе, причемъ наблюдается слѣдующій порядокъ: сначала угощаетъ старшій всѣхъ и каждого по очереди, потомъ другой, третій и т. д. до послѣдняго, принесшаго свои припасы. Подъ вечеръ молодежь ходитъ изъ дома въ домъ съ съ пѣснями и плясками.

Наканунъ Новаго года у черемисъ бываетъ праздникъ *шарокъ-іолъ* — «овечья нога». Въ этотъ день, по совершеніи домашняго моленія, молодежь опять ходитъ толпами изъ двора во дворъ. Войдя въ избу, парни и дѣвушки разбрасываютъ по полу орѣхи и кричатъ хозяину, чтобы у него было столько же овецъ и ягнятъ, сколько орѣховъ. Затѣмъ идутъ въ хлѣвъ и хватаютъ за заднія ноги овецъ, какія попадутся въ темнотѣ, произнося «Юма, дай годовалыхъ ягнятъ». Послѣ этого хозяинъ угощаетъ пришедшую молодежь. На пиръ схо-

дятся иногда и друзья хозяина, и дарятъ его кушакомъ или возжами, которыми, по ихъ понятію, они могутъ вытащить его изъ ада. Въ ночь того же дня дѣвицы и парни ходятъ на гумно, дѣлаютъ изъ сѣна бугорки и смотрятъ на слѣдующее утро, чей бугорокъ разнесло вѣтромъ: тому значить недолго жить, или та выйдетъ въ этотъ годъ замужъ.

Во время святокъ справляется собственно дѣвичій праздникъ — *Васли-кугуза*. Парни и дѣвицы сходятся въ одну избу и играютъ въ разныя игры, а пожилые пьютъ и ѣдятъ и любятъ на забавы молодежи. Подъ вечеръ кто-нибудь наряжается *старикомъ Васи-ліемъ* (Васли-кугуза) и *старухой* (куза), и, войдя въ избу, гдѣ пируетъ молодежь, предугадываютъ каждому спрашивающему судьбу его.

Отпраздновавъ русскую масляницу — *эрню*, черемисы принимаются справлять свою на первой недѣли поста. Въ это время въ молитвахъ своихъ они просятъ, чтобы богъ далъ черемисамъ лѣтъ и конопель долгихъ, а русскимъ — покороче.

Черемисы почитаютъ и нѣкоторые изъ христіанскихъ праздниковъ, но съ соблюденіемъ своихъ обрядовъ. Такъ, въ первый день Пасхи, рано утромъ, мужчины идутъ въ баню мыться, а женщины тѣмъ временемъ принимаются за стряпню и разставляютъ все приготовленное на столѣ. Возвратясь изъ бани, хозяинъ дома читаетъ молитву: «Юма, дай здоровья, дай ѣсть и пить хорошенько, дай много хлѣба». Затѣмъ бросаетъ на полъ кусочекъ хлѣба и отливаетъ туда-же часть пива, послѣ чего всѣ присутствующіе, сказавъ «смля», принимаются ѣсть и пить. Все это происходитъ такъ быстро, что пока православные стоятъ еще за обѣдней, а черемисы ужъ пируютъ, покуривая да попивая и покачиваясь изъ стороны въ сторону. На другой день Пасхи они всѣ уже работаютъ.

Рождество Христово празднуютъ шумно и весело, и непременно въ пятницу. Если при этомъ Рождество Христово случится дня за

два или за три до пятницы, то такой годъ считается у нихъ неблагопріятнымъ, потому-что русакъ прежде ихъ празднуетъ; если-же оно приходится на другой или на третій день послѣ пятницы, тогда они считаютъ себя счастливые.

Всѣ праздники у черемисовъ сопровождаются сильнымъ разгуломъ. Пиво и вино во всѣхъ домахъ лютя рѣкою, не смотря на то, что многимъ поѣсть нечего. Подгулявшіе старики и старухи, молодые мужчины и женщины, и даже дѣвушки и дѣти заканчиваютъ праздникъ, обыкновенно, пѣніемъ и пляскою.

Семейныя торжества у черемисовъ также не обходятся безъ кутежа и пирушки и сопровождаются множествомъ обрядовъ, часто нелѣпныхъ и давно уже утратившихъ свой смыслъ. Такъ, при рожденіи младенца, черемисы приглашаютъ нѣсколько бабъ-повитухъ; одна изъ нихъ, если родится мальчикъ, беретъ топоръ, кладетъ пуповину на полѣно и рубитъ ее, приговаривая: «Будь трудолюбивъ, будь трудолюбивъ!» и тутъ-же даетъ имя младенцу. Если-же родилась дѣвочка, то пуповина отрѣзывается на прялкѣ, со словами: «Будь прилежна до пряжи». Чтобы младенецъ былъ всегда здоровъ, отецъ его беретъ непочатый каравай хлѣба, отрѣзываетъ отъ него небольшой ломоть и кладетъ въ люльку, говоря: «Будь здоровъ, какъ этотъ хлѣбъ». Если послѣ этого младенецъ все-таки плачетъ постоянно, то отецъ беретъ его на руки и качаетъ, перебирая при этомъ разныя имена, до тѣхъ поръ, пока тотъ не замоленеть, и тогда даетъ поворожденному то имя, на которомъ онъ остановился плакать, предполагая, что настоящее-то имя и должно быть это, а не прежде, отъ назначенія котораго онъ будто-бы и плакалъ. Если же и это не помогаетъ, то приглашаютъ для нареченія новаго имени младенцу самаго карта, который принимается высѣкать огонь изъ кремня, произнося при этомъ также разныя имена и, наконецъ, даетъ младенцу то имя, въ моментъ произнесенія котораго высѣ-

чется первая искра. Послѣ этого, по ихъ понятію, младенецъ уже непременно почувствуетъ себя прекрасно.

Затѣмъ, жизнь черемиса, до наступленія совершеннолѣтія, проходитъ почти безъ переменъ и ни разу не сопровождается какими-нибудь особенными обрядами. Но какъ только стукнетъ черемисину лѣтъ 16 или 17, отецъ или близкій родственникъ его немедленно отправляется въ тотъ домъ, гдѣ ему понравилась дѣвица, сватаетъ ее за сына и условливается съ ея родителями о днѣ рукобитія.

Въ назначенный срокъ отецъ жениха съ сыномъ и другими родственниками отправляется въ домъ невесты и стоваривается съ родителями ея о калымѣ и приданомъ. Послѣ этого выводятъ къ поѣтителямъ невесту, наряженную въ праздничную одежду, и спрашиваютъ ея согласія. Затѣмъ, сватья, ударивъ по рукамъ, садятся за столъ, а нареченную чету ставятъ передъ собою. Отецъ жениха отрѣзываетъ отъ каравая ломоть хлѣба, кладетъ на него ватрушку, и, откусивъ отъ нихъ по кусочку, подаетъ родителямъ невесты, которые также откусываютъ по кусочку, въ знакъ начавшагося родства, и передаютъ обратно. Послѣ этого, отецъ жениха наливаетъ два деревянные ковша водки и подаетъ ихъ снова родителямъ невесты, которые, принявъ ковши, поздравляютъ свата съ началомъ дѣла и выпиваютъ предложенную имъ водку. Затѣмъ пьютъ и отецъ жениха со своими товарищами. Наконецъ передаютъ ломоть хлѣба съ ватрушкою жениху, который, откусивъ кусочекъ, отдаетъ своей невестѣ. По окончаніи этого обряда, нареченная чета подноситъ по ковшу водки всѣмъ присутствующимъ, послѣ чего невеста отправляется на рѣку за свѣжею водою, варитъ въ котлѣ *лишку* (овсяную салму) и ставитъ ее на столъ. Исполнивши все это, она поручаетъ своей подругѣ налить водки въ ковшъ, на черенокъ котораго навѣшиваетъ полотенце, ею самую сотканное, и подаетъ будущему свекру. Тотъ выпиваетъ водку, а полотенце прячетъ себѣ за пазуху. Потомъ невеста угощаетъ водкою жениха. Затѣмъ, пріѣзжіе го-

сти, покушавъ *ляшки* и поблагодаривъ новую родню за угощеніе, ѣзжаютъ домой.

Спустя недѣли двѣ, послѣ нѣсколькихъ новыхъ пирушекъ, братъ жениха, или самъ отецъ собираетъ наконецъ всю свою родню и выбираетъ изъ среды ея «тысяцкаго», «большаго карта», «меньшаго карта», «старшаго боярина», «средняго боярина», «младшаго боярина», дружку, свахъ, челоуѣкъ 10 или 30 поѣзжанъ и въ заключеніе музыкантовъ: пузырищиковъ, гуслиаръ и барабанщиковъ. Угостивъ всѣхъ ихъ *ляшкою*, пивомъ и водкою, онъ отправляется съ ними въ путь, съ музыкою, пѣніемъ и пляскою,—за невѣстою.

Но по дорогѣ заѣзжаютъ сначала къ одному какому-нибудь родственнику жениха, у котораго нѣсколько времени пируютъ; потомъ—къ другому, у котораго тоже происходитъ пирушка; затѣмъ — къ третьему, четвертому и такъ объѣзжаютъ всю деревню; иногда заворачиваютъ еще въ сосѣднія селенія, гдѣ продолжаютъ пировать безъ конца. Переѣздъ изъ деревни въ деревню совершается верхами на лошадахъ, при чемъ каждый притворяется напившимся до нелязя, качаются во всѣ стороны, поютъ, орутъ во все горло подъ нестройные звуки барабановъ, гуслей и пузырей. Объѣхавши такъ нѣсколько селеній, добираются, наконецъ, и до невѣсты.

Приблизившись къ дому ея, весь поѣздъ останавливается на улицѣ предъ воротами, а дружка идетъ извѣщать хозяина о прибытіи свадебнаго кортежа. Вслѣдъ за этимъ всѣ поѣзжане устремляются во дворъ, сходятъ съ лошадей и съ шумомъ, пѣніемъ и пляскою подходятъ къ крыльцу. На встрѣчу имъ выходитъ отецъ невѣсты съ двумя кожаными сумками, въ которыя положены: курица, каравай хлѣба, двѣ лепешки и ватрушка, и отдаетъ сумки свату. Послѣдній выкладываетъ изъ нихъ все на столъ и передаетъ «большому карту» водку, для угощенія пріѣзжихъ. Пока «большой картъ» обноситъ всѣхъ водкою и пивомъ, «меньшой картъ» въ это время отрѣзываетъ отъ каравайа ломоть хлѣба, кладетъ на него ватрушку

и подноситъ дружкѣ. Этотъ отрѣзываетъ отъ нихъ по кусочку и передаетъ каждому изъ поѣзжанъ, которые повторяютъ то же самое.

Наконецъ всѣ усаживаются за столъ, ѣдятъ приготовленныя кушанья и затѣмъ идетъ пиръ съ музыкою и пляскою до тѣхъ поръ, пока отецъ невѣсты не скажетъ отцу жениха: «Ну свать! я велѣлъ веселиться; теперь вели невѣстѣ сварить салму и отправляйтесь!» Вслѣдъ затѣмъ отецъ благословляетъ невѣсту *палкою*, которую она должна впослѣдствіи воткнуть въ землю въ чумѣ или шалашѣ и хранить ее какъ святыню; палка эта будетъ разыгрывать роль шалашеваго Керемета. По благословеніи невѣсты, свать беретъ ее за руку и усаживаетъ за столъ, и подчуетъ водкою и масломъ. Затѣмъ снова беретъ ее за руку и отдаетъ сыну, говоря: «Возьми дѣвицу въ свое семейство!» Послѣ этого женихъ уводитъ ее изъ избы, а за нимъ выходятъ и всѣ поѣзжане съ шумомъ и криками.

На дворѣ женихъ усаживаетъ невѣсту въ телѣгу, при чемъ она подаетъ ему полотенце, придерживая одинъ конецъ его пальцами. Вырвавъ полотенце, женихъ затыкаетъ его за поясъ и, прежде чѣмъ сѣсть на козлы, слегка стегаетъ свою нареченную три раза нагайкою, приговаривая: «Не зови съ собою Керемета!» Въ заключеніе весь поѣздъ отправляется въ домъ жениха. Впереди ѣдетъ дружка, за нимъ тысяцкій, далѣе карты, бояре и въ концѣ уже невѣста съ поѣзжанами. Женихъ сидитъ на козлахъ, обвѣшанный, какъ и всѣ поѣзжане, разными подарками отъ невѣсты, преимущественно полотенцами.

Подѣхавъ къ воротамъ избы съ прежнимъ шумомъ и крикомъ, поѣздъ останавливается, а дружка беретъ у невѣсты иголку, три раза проводитъ ею предъ воротами и, наконецъ, втыкаетъ ее въ верхушку воротнаго столба. Затѣмъ, по вѣздѣ всѣхъ во дворъ, дружка вбѣгаетъ въ избу, и, найдя тамъ женихова отца, хватаетъ его за ухо и говоритъ: «Я привезъ съ собою жемчугъ, который безъ

выкупу не отдается; что даришь?» Сначала отецъ общается ягненка, потомъ—теленка и т. д., о чемъ дружка каждый разъ докладываетъ невѣстѣ, которая не выходитъ изъ телѣги до тѣхъ поръ, пока не услышитъ, что ей дарятъ хорошаго жеребенка. Затѣмъ всѣ поѣзжане входятъ въ избу, съ пѣснями и пляскою. Здѣсь, по предложенію отца жениха, всѣ до послѣдняго откусываютъ по кусочку отъ хлѣба и ватрушки. Молодыхъ усаживаютъ за столъ, при чемъ женихъ садится на полу невѣстиной одежды, а если онъ не сполна внесъ выкупъ тестю за невѣсту, то долженъ еще сидѣть при этомъ непремѣнно въ шапкѣ. Дружка угощаетъ молодыхъ водкою, пивомъ и блинами.

Послѣ этого свать уводитъ невѣсту въ клѣтъ, гдѣ ей взбиваютъ волосы по бабѣ, въ два пука, поверхъ которыхъ надѣваютъ «шикомающъ».

Наконецъ, ведутъ невѣсту, въ сопровожденіи всѣхъ поѣзжанъ на дворъ или на гумно; тамъ становится она на колѣни, а всѣ присутствующіе обходятъ вокругъ нея три раза, при чемъ карть бросаетъ вверхъ—на клѣтъ или на овинъ—кусочки съѣстныхъ припасовъ, произнося слѣдующую молитву: «Юма, сохрани и благополучіе подай, дай избытокъ и богатство, дай семь сыновей и семь дочерей; сколько нитокъ въ полотенцѣ, сколько листьевъ въ лѣсу, столько лѣтъ дай жить, играть и смѣяться». Затѣмъ всѣ пьютъ пиво и возвращаются въ избу.

Войдя въ комнату, молодые подносятъ отцу и матери по ковшу пива, поклонившись имъ въ ноги, послѣ чего женихъ угощаетъ всѣхъ мужчинъ, а невѣста—всѣхъ женщинъ. Потомъ, невѣста идетъ опять на рѣку, за свѣжею водою, снова варитъ салму и подчуетъ ею всѣхъ, начиная отъ свекра и свекрови.

Наконецъ всѣ усаживаются за столъ. Въ это время тысяцкій подноситъ самимъ молодымъ ковшъ пива, которое они выпиваютъ исподоволь, передавая другъ другу послѣ cadaго глотка. Послѣ

этого женихъ опять встаетъ изъ-за стола и идетъ трепать по плечу всѣхъ сидящихъ, начиная съ отца, приговаривая: «до смерти буду звать тебя отцомъ», а подходя къ брату: «до смерти буду звать тебя братомъ». То-же самое повторяетъ по его примѣру и невѣста. Затѣмъ молодые падаютъ въ ноги и лежатъ до тѣхъ поръ, пока всѣ родственники не выпьютъ по ковшу пива. Вставши, одаряютъ всѣхъ, кого рубахою, кого полотенцемъ, кого кафтаномъ или холстомъ, при чемъ не забываютъ и музыкантовъ—пузырщиковъ, гуслиаръ и барабанщиковъ. Послѣ этого начинается уже настоящій свадебный пиръ.

Въ брачномъ пиршествѣ обыкновенно принимаетъ участіе все населеніе деревни, безъ исключенія, отъ мала до велика. Всѣ идутъ сюда съ раннего утра, и каждый несетъ съ собою свой буракъ съ пивомъ и своей каравай хлѣба. И тѣмъ и другимъ они подчуютъ другъ друга, сверхъ свадебнаго угощенія отъ самихъ хозяевъ, которые варятъ къ этому дню 6 или 7 печей пива, по 12 ведеръ съ печки, и покупаютъ 2 или 3 ведра воды, и все это количество напитковъ уберется до-чиста въ однѣ сутки.

Задолго еще до конца брачнаго пира всякій порядокъ исчезаетъ. Тутъ, по пословицѣ, «все идетъ по черемисски»: кто виновникъ торжества, кто почетнѣе изъ гостей, кто хозяинъ, кто молодые—разобрать трудно. Всѣ ходятъ, бурлятъ, шумятъ, стучатъ.

Кромѣ гостей, сидящихъ вокругъ стола, стоятъ еще между столомъ и печкою плотною кучею бабы и дѣвушки, въ ожиданіи очереднаго стакана пива и куска ѣды. Остальное пространство избы биткомъ набито зваными и незваными посѣтителями разнаго пола и возраста. Многіе стоятъ еще по лавкамъ и, въ виду невообразимой толкотни, для большей устойчивости, держатся за шесты, привѣшанные къ потолку. Палаты и печь также полны гостей, безцеремонно лежащихъ чуть не другъ на другѣ; между ними преобладаютъ по численности мальчишки. Однимъ словомъ, въ избѣ, грязной до

нельзя и улитой пивомъ, пошевельнуться негдѣ, жара и духота невыносима! Но вотъ раздаются нестройные звука музыки и среди всеобщей толкотни и давки начинается пляска, сопровождаемая общимъ хлопаньемъ въ ладоши. При этомъ каждый затыгиваетъ, кто во что гораздъ, пѣсню, начинающуюся съ звуковъ: «ой, ай, ой» и оканчивающуюся тѣми-же самыми звуками. Что тутъ происходитъ, трудно вообразить! Иному охмѣлевшему черемису вдругъ придетъ въ голову, среди самаго разгара пиршества, мысль о гнѣвѣ Кереметя, и онъ, въ уничиженіе его, тотчасъ-же плеснетъ изъ стакана пивомъ въ потолокъ, откуда летятъ струи и брызги на головы всей компаніи, за нимъ повторяетъ то-же самое другой и третій, но раскураженной публикѣ совершенно нѣтъ до этого дѣла, и она своимъ чередомъ продолжаетъ пѣть, пить, ѣсть, смѣяться и плясать.

Бражничество продолжается цѣлый день и всю ночь до тѣхъ поръ, пока не покажутъ всей компаніи *гвоздя отъ бочки* — это значитъ, что пиво уже все выпито. Тогда черемисы говорятъ торжественно: «Сита-пита-рень!», т. е. «довольно, все кончено!» — и затѣмъ расходятся по домамъ.

На другой день, молодая несетъ въ избу новый буракъ пива, моетъ столъ, мететъ полы, вездѣ все прибираетъ, и затѣмъ снова собираются гости и пируютъ «до гвоздя».

У крещенныхъ черемисовъ свадьбы справляются по той-же программѣ, съ тѣмъ лишь отступленіемъ отъ нея, что изъ дома невесты поѣздъ отправляется не прямо къ жениху, а заѣзжаетъ предварительно въ церковь, гдѣ и совершается обрядъ вѣнчанія. Все-же остальное изъ вышеописаннаго выполняется всѣми и повсюду съ нѣкоторыми лишь измѣненіями или пропусками.

Браки у черемисовъ не всегда бываютъ прочны. Разводъ несогласныхъ между собою супруговъ совершается даже съ особенною торжественностью. Объ этомъ заявляютъ прежде всего мѣстному начальству, при шести свидѣтеляхъ или, какъ говорятъ черемисы,

«при шести глазахъ». Потомъ супруговъ связываютъ спинами вмѣстѣ посредствомъ опояски. Спустя нѣсколько времени, поясъ разрывается, и супруги разбѣгаются въ противоположныя стороны, при чемъ нерѣдко одинъ изъ нихъ наровитъ толкнуть ногою другаго, приговаривая: «Если-де я тебѣ нехорошъ, такъ поди, ищи себѣ другаго!»

Особенно любопытны обряды, сопровождающіе смерть черемиса. Похоронные обряды ихъ основаны на томъ предположеніи, что мертвецъ имѣетъ тѣ-же потребности, какъ и живые люди, и что онъ и тѣломъ живъ, «только-де-невидно его». А такъ какъ смерть, по понятіямъ черемисовъ, является дѣломъ Кереметя, вслѣдствіе чего человекъ умершій вступаетъ во власть злаго начала и самъ дѣлается страшнымъ и опаснымъ для живыхъ, то послѣдніе всячески стараются удовлетворить покойника всѣми средствами. Забравшая его изъ всѣхъ силъ, они чувствуютъ передъ нимъ такой-же страхъ, какъ предъ самимъ Кереметемъ. На черемиса находить ужасъ, когда ему приснится во-снѣ покойникъ: послѣ этого онъ начинаетъ приносить богамъ жертвы, идетъ къ колдуну, чтобы какъ-нибудь оградить себя отъ мертвеца заклинаніями и волшебствомъ. По причинѣ этой боязни покойниковъ, черемисы стараются какъ можно скорѣе хоронить ихъ.

Еще при жизни больного, какъ скоро онъ почувствуетъ приближеніе смерти, сынъ его или родственникъ тотчасъ-же приноситъ ведро свѣжей воды, набираетъ ея немного въ ротъ и вспрыскиваетъ ею умирающаго, приговаривая: «Вода! выкуши больного и возьми себѣ на руки».

Лишь только больной испуститъ послѣдній вздохъ, сейчасъ-же кто-нибудь изъ его семьи идетъ уже сзывать сосѣдей для снаряженія его въ путь, но не входитъ къ нимъ въ домъ, а кличетъ подъ окнами. Тѣ собираются, плетутъ пивные лапти, сколачиваютъ «домовище» (гробъ), и выносятъ покойника на дворъ на лубкѣ; тамъ обмы-

вают его водою, обрѣзываютъ ногти у рукъ и ногъ, надѣваютъ на него рубаху, порты и балахонъ, обуваютъ въ бѣлыя онучи и въ новыя лапти, опоясываютъ ремнемъ, къ которому съ правой стороны придѣлана желѣзная скобка для вкладки топора, а съ лѣвой—ножны для охотничьяго ножа; на руки надѣваютъ рукавицы или вареги, а на голову — шапку или шляпу, смотря по времени года. Затѣмъ опять вносятъ покойника на томъ-же лубкѣ въ избу, гдѣ кладутъ его въ передній уголъ на лавку и накрываютъ новиною.

Пока одни одѣваютъ покойника, другіе между тѣмъ пекутъ блины, и кончивъ это занятіе, ставятъ ихъ на лавку, поближе къ лицу покойника.

Когда всѣ будутъ въ сборѣ, старшій членъ семейства приносятъ нѣсколько восковыхъ свѣчъ, налѣпляютъ ихъ воеругъ полѣна и ставятъ его на лавку. Окончивши это, зажигаетъ свѣчи, надѣваетъ шапку, становится у стола на колѣни и читаетъ молитву, прося Чембулата (повелителя ада) умиловаться надъ умершимъ и помѣстить его въ свѣтлое мѣсто, а не въ темное. По совершеніи молитвы, наскоро ѣдятъ блины и затѣмъ выносятъ умершаго, все на томъ же лубкѣ, во дворъ, гдѣ опускаютъ его въ поставленный уже въ сани или телѣгу гробъ, на постланный въ немъ войлокъ и подушку. Послѣ этого въ пазуху покойнику кладутъ *азрекинды* — «смертныя лепешки» изъ сдобнаго тѣста, а въ карманъ — кошелекъ съ деньгами, говоря: «Откупи кровь свою отъ смерти». Сбоку — умершему кладутъ въ гробъ: мужчинѣ — трубку, ножъ, лыко, кочедыкъ, все это для работы, а женщинѣ — иголку, нитки и скроенную рубашку, чтобы и ей было чѣмъ заниматься на томъ свѣтѣ; съ другаго боку помѣщаютъ пару бѣлыя на перемѣну, и розги, чтобы отгонять нечистыхъ духовъ. Кромѣ того, дѣлаютъ въ гробу, подлѣ головы покойника, маленькую дырочку, чтобы онъ могъ видѣть наружу. Наконецъ, одѣваютъ умершаго сверхъ всего кафтаномъ и закрываютъ гробъ крышкою. При этомъ никто не плачетъ и не прощается съ покойникомъ.

Прежде чѣмъ выѣхать со двора, сынъ или родственникъ скончавшагося берется за задокъ саней или телѣги и дергаетъ ихъ три раза, приговаривая: «Оставь свое счастье мнѣ и нашему дому!» Затѣмъ ѣдутъ на кладбище, причемъ никто не оглядывается, чтобы не вызвать новаго покойника. Прибывши на могилу, тотъ же родственникъ умершаго бросаетъ въ нее монету и говоритъ: «На, купи на эти деньги земли!» а каждый изъ провожающихъ кладетъ на гробъ блинъ, говоря: «Это тебѣ пригодится».

Предъ опущеніемъ гроба въ могилу, еще разъ вскрываютъ крышку его, открываютъ лицо покойнику и говорятъ: «Погляди еще на бѣлый свѣтъ» — и затѣмъ всеѣмъ уже заколачичаютъ крышку, спускаютъ гробъ въ могилу и зарываютъ. Послѣ этого зажигаютъ на ней три свѣчи, въ честь какихъ-то трехъ святыхъ братьевъ, а картъ читаетъ молитву, прося боговъ, чтобы они успокоили умершаго, чтобы онъ не шатался по свѣту и не мѣшалъ живымъ. Наконецъ, всѣ возвращаются въ деревню, и, вымывшись въ банѣ, расходятся по домамъ.

Оставшееся послѣ покойника платье, щепы отъ гроба, лубокъ и проч., какъ нечистое, выносятъ въ поле, бросаютъ тамъ или сожигаютъ.

Поминовеніе умершихъ совершается у черемисъ на седьмой и сороковой день по смерти, въ *Шолоковъ день* — на Страстной недѣлѣ, въ Радоницу, на Семязъ и дома во всякое время.

Наканунѣ седьмаго дня, въ домѣ покойнаго варятъ пиво и заготавливаютъ водку, а въ самый день поминовенія приготавливаютъ разныя съѣстные припасы.

Къ вечеру седьмаго дня собираются родственники и знакомые, каждый съ своими припасами и съ своею восковою свѣчею. Всѣ припасы ставятъ у двери на лавку, надъ которою придѣлываютъ полку. На послѣднюю налѣпляютъ восковыя свѣчи, каждый смотря по количеству умершихъ въ его домѣ. Всѣ свѣчи зажигаются, и

по яркости ихъ пламени узнають, каково родителямъ на томъ свѣтѣ. Если свѣчи обтекають, это знакъ того, что покойникамъ плохо и они плачутъ.

Когда все готово, сынъ умершаго или родственникъ его беретъ штофъ водки, буракъ пива и ватрушку; закладываетъ лошадь въ телѣгу или сани, разстилаетъ въ нихъ войлокъ и подушку, и отправляется на кладбище приглашать покойника. Подѣхавъ къ могилѣ, зоветъ усопшаго домой въ гости говоря: *Нелештунъ-кинемъ!* т. е. «вставай, поминки тебѣ!» Затѣмъ льетъ на могилу часть пива и водки, а остатки самъ выпиваетъ; ватрушку кладетъ также на могилу, приговаривая: *кочъ, кочъ, кочъ!* т. е. «ѣшь, ѣшь, ѣшь!» Послѣ этого произноситъ слѣдующую молитву: «При свѣтѣ ходи; ой батько! На чужую сторону ушелъ! Будь у тебя хлѣба и соли вдоволь, съ пріятели дружно живи. Мы остались сирь и млады! рукъ отъ работы не отнимай; скотину не мучь, семейства не разстроивай. Вотъ тебѣ свѣчка! всегда при свѣтѣ ходи. Для тебя напекли ватрушекъ, ячницъ и блиновъ. Прими мое угощеніе: ѣшь, пей, да пѣсенки распѣвай!» По прочтеніи молитвы, возвращается домой, сидя на козлахъ и воображая, что позади его въ телѣгѣ или саяхъ сидитъ самъ покойникъ.

Всѣ домашніе и гости выходятъ встрѣчать умершаго, воображая также, что онъ входитъ съ ними въ избу. Сынъ умершаго или распорядитель поминокъ становится на колѣна, передъ полкою съ зажженными свѣчами, и читаетъ молитву, прося Чамбулата предоста-вить покойному свѣтлое мѣсто и избавить его отъ всякихъ мученій. Послѣ этого каждый изъ присутствующихъ откладываетъ часть свѣтныхъ припасовъ въ особую чашку, говоря: «Шожо» т. е. пусть дойдетъ по назначенію». «Вамъ темно въ землѣ — пусть свѣтло будетъ! пусть лежащая надъ вами земля будетъ легкою! живите въ обилии и сытости, не пивши, не ѣвши не ходите; сытно наѣвшись — гуляйте съ пѣнями и плясками, чтобы было шумно и весело вамъ!»

Затѣмъ, всѣ оставшіеся припасы съѣдаютъ сами, а чашку съ положенными въ нее бусками выносятъ на дворъ или на улицу и разбираютъ собакамъ, которыя собираются на поминки по чутью огромными стаями. Если при этомъ собаки будутъ ѣсть тихо и мирно, то замѣчаютъ, что покойнику «скучна жить»; а если собаки раздерутся и станутъ сильно грызться одна съ другою, то съ восторгомъ говорятъ, что «ему тамъ весело жить».

Возвратившись въ избу, всѣ начинаютъ пить и пировать, при чемъ сынъ или родственникъ умершаго надѣваетъ оставшуюся послѣ покойнаго одежду: рубаху, балахонъ, рукавицы и шапку и садится въ передній уголъ, изображая самаго усопшаго. Домашніе начинаютъ звать наряженнаго именемъ умершаго, отцомъ или братомъ, съ колѣнопреклоненіемъ подносятъ ему ватрушку и стараются угостить его какъ можно лучше. Будучи на-веселѣ, мнимо-умершій начинаетъ рассказывать окружающимъ разную небылицу о томъ, какъ онъ по смерти живетъ хорошо, видится со всѣми до него умершими, о себѣ же не велитъ тужить, а почаще поминать. Наконецъ, загробный гость напивается до того, что пускается въ пляску, во всей одеждѣ покойнаго, подѣ игру пузырчика и стукъ барабана, при чемъ всѣ гости прихлонываютъ ему въ ладоши. Пиръ продолжается далеко за полночь. Каждый пируетъ до тѣхъ поръ, пока не догоритъ принесенная имъ свѣча; но если и послѣ этого идти домой все таки не хочется, то приносятъ новую свѣчу, — и такимъ образомъ продолжаютъ пировать «до гвоздя».

Упившись до нельзя, гости расходятся по домамъ, мнимо-умершій раздѣвается, а остатки отъ пиршества выбрасываютъ на лѣстницу, для непоминаемыхъ никѣмъ покойниковъ, со словами: «Это голодному, заблону, бродячему».

На другой день мнимо-умершій, ту одежду, которую надѣвалъ наканунѣ, изображая отца или брата, тщательно стряхиваетъ, и, взявъ съ собою пива и свѣтныхъ припасовъ, отправляется прово-

жать покойника на кладбище: но, не доѣзжая до половины дороги, выпиваетъ все пиво, припасы разбрасываетъ и возвращается домой,

Любопытно также общее поминовение умершихъ въ «Щелоковъ» день.—Во вторникъ, на Страстной недѣлѣ, который называется у черемисъ *пель-конъ-кече*, «скануть щелокова дня», они раскладываютъ на огородахъ огни, чтобы умершіе родственники руки погрѣли. Затѣмъ пекутъ блины, готовятъ изъ золы щелокъ, и все это ставятъ въ баню, воображая, что покойники въ эту ночь придутъ сюда мыться. На другой день, въ среду, черемисы сами пьютъ тамъ пиво, а блины еще не трогаютъ, въ томъ предположеніи, что можетъ быть, кто нибудь изъ покойниковъ вздумаетъ во второй разъ помыться.

Настоящее поминовение начинается собственно въ Великій четвергъ, который называется у нихъ *варъ-конъ-кече*—«злой Щелоковъ день». Въ этотъ день опять пекутъ блины, готовятъ лепешки, ватрушки, дѣлаютъ яичницу и налѣпляютъ восковья свѣчи вокругъ полѣна, которое, вмѣстѣ съ съѣстными припасами, кладутъ на лавку. На столѣ разстилаютъ рубаху, оставшуюся послѣ покойнаго, и ставятъ подлѣ нея, для угощенія умершаго, одинъ стаканъ съ пивомъ, другой съ водкой и ватрушку, приговаривая: *кочъ. кочъ кочъ*, т. е. «ѣшь, ѣшь, ѣшь».

Помянувъ каждый своихъ покойниковъ домашнимъ образомъ, всѣ собираются потомъ въ одну чью либо избу, въ которой выбранный картъ зажигаетъ множество восковыхъ свѣчей и, ставши на колѣна, приглашаетъ мысленно всѣхъ покойниковъ принять участіе въ званомъ пиру, и затѣмъ громко произноситъ молитву, подобно той, какая читается при поминовеніи въ седьмой день. Послѣ этого всѣ принимаютъ ѣсть и пить, а оставшееся выбрасываютъ собакамъ, говоря «и вы собаки, помяните родителей». За тѣмъ идутъ всѣ поминать въ другой домъ, оттуда—въ третій и т. д., пока не обойдутъ всей деревни.

Вообще черемисы охотники повеселится, попить, поѣсть, а вѣрованія ихъ представляютъ къ этому множество случаевъ.

Признавая особыхъ боговъ почти для каждого мелкаго предмета въ природѣ и жизни, они чрезъ это имѣютъ возможность обращать въ праздники такія обыденныя явленія въ хозяйствахъ, какъ случай отеленія коровы. Такъ, по поводу этого событія, хозяйка пять дней собираетъ молоко для угощенія, а на шестой день самъ хозяинъ беретъ ковшъ воды и плещетъ изъ него въ печку, прося коровьяго бога—*Виногъ-шачахтша*, чтобы теленокъ выросъ съ печь, чтобы корова была суха и давала побольше молока; послѣ этого приноситъ въ жертву кашу съ масломъ и проситъ, чтобы у него было столько скота, сколько у коровы шерсти и чтобы одинъ конецъ стада былъ «въ оврагѣ, а другой—въ сараѣ».

Осенью, ежегодно, черемисы варятъ въ честь домоваго кашу изъ пива и крупы, пекутъ блины, и ставятъ все это въ подполье, прося дѣдушку сдѣлать домъ ихъ счастливымъ, а дворъ—на удивленіе прочимъ.

Вѣра въ нечистую злую силу между черемисами сильно развита. Они не только производятъ отъ Керемета безчисленное множество злыхъ духовъ и обращаютъ въ подчиненіе имъ всѣхъ умершихъ людей, но переносятъ злую силу и на нѣкоторыхъ изъ живыхъ людей, называемыхъ *локтызями*, т. е. колдунами. Черемисы увѣряютъ, что колдунъ можетъ въ одну ночь, не смотря на ея краткость, пройти до 50 верстъ. Локтызь можетъ пустить порчу по вѣтру; попадетъ она въ человѣка—онъ заболѣетъ, въ скотину—падетъ, въ дугу—она сломается. Есть только одно хорошее средство противъ колдовства—рябина. Къ локтызю обращаются даже вмѣсто карта за совѣтомъ относительно жертвы какому нибудь богу, и по случаю всякихъ болѣзней, отъ которыхъ онъ лечитъ больныхъ разными травами.

Ворожбою занимаются и женщины. Онѣ гадаютъ по разному;

нѣкоторыя шупаютъ пульсъ, другія смотрятъ въ глаза, третьи смотрятъ въ воду, болтая при этомъ разный вздоръ. Между прочимъ гадаютъ и на иглахъ. Для этого берутъ четырёхугольную продолговатую дощечку; на одномъ концѣ ея кладутъ камешекъ, а на другомъ—кусочекъ угля. Потомъ привѣшиваютъ на нить иголку, и, держа ее за нитку надъ дощечкою, начинаютъ слегка раскачивать, между камешкомъ и углемъ. При этомъ предсказываютъ удачу или неудачу, смотря по тому, обо что ударится игла—о камешекъ или объ уголь.

По понятіямъ черемисъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, злою силою можетъ обладать каждый изъ нихъ, безъ исключенія. Такъ, если черемисъ имѣетъ на кого нибудь злобу, то онъ старается *испортить* врага; но это дѣлаетъ не самъ, а проситъ Керемета, обѣщая ему принести за это въ жертву лошадь или другое животное. При этомъ самъ печетъ три лепешки, коптитъ надъ огнемъ мѣдный грошъ, который и подбрасываетъ къ дому того, на кого имѣетъ злобу, говоря: «у меня нѣтъ скотины, у него много, отними ее!»—Чтобы нанести ущербъ сосѣду, черемисинъ прибѣгаетъ еще къ слѣдующей продѣлкѣ: весною надѣваетъ рубаху, порты и балахонъ на изнанку лапти обуваетъ пятками впередъ, и такъ приходитъ въ полѣ къ своей пашнѣ, выкапываетъ съ корнемъ часть озимаго, и проситъ

ширта, обѣщая ему что нибудь, чтобы растеніе въ его поляхъ было лучше, а у прочихъ хуже.

Злая сила призывается также *черезъ присягу*, къ которой приводитъ черемисъ ихъ собственный картъ. Онъ кладетъ на полъ старую высохшую лутошку, отрѣзываетъ кусочекъ хлѣба и посыпаетъ его солью; потомъ ставитъ присягающаго на колѣна предъ лутошкою и говоритъ: «Юму и Кугужу боишься-ли? жену, дѣтей, скоть имѣть желаешь-ли? жить на свѣтѣ хочешь-ли? Послѣ утвердительныхъ отвѣтовъ со стороны присягающаго на всѣ эти вопросы, картъ говоритъ ему: «о чемъ будутъ спрашивать, долженъ показывать правду!» и даетъ присягающему кусочекъ хлѣба съ ножа такъ, чтобы онъ съѣлъ не касаясь. Затѣмъ картъ переводитъ его черезъ лутошку, послѣ чего ломаетъ ее чрезъ колѣно, приговаривая: «если покажешь неправду, сердце каменное у тебя будетъ, худо тебѣ будетъ, изсохнешь, какъ эта лутошка!»—Споры объ имуществѣ, скотѣ и проч. рѣшаются слѣдующимъ образомъ: спорящіе уходятъ на могилу; тамъ истецъ смѣриваетъ ростъ отвѣтника и длину могилы, и становится на колѣна, послѣ чего слѣдуетъ повтореніе всѣхъ вышеприведенныхъ вопросовъ съ одной стороны и отвѣтовъ съ другой. Солгавшій при этомъ, по ихъ мнѣнію, непременно умретъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

П Е Р М Я К И.

Пермяки, когда-то весьма многочисленное племя, нынѣ считается въ числѣ не болѣе 60,000 душъ, живущихъ въ Пермской и частью въ Вятской губерніяхъ.

Новгородцы были первыми изъ русскихъ, познакомившихся съ Пермскою страной или Біармією, богатою солью, металлами и пушнымъ звѣремъ. Въ XII вѣкѣ новгородцы обложили пермяковъ данью и построили въ ихъ землѣ городъ Вятку. До конца XV вѣка пермская земля оставалась полусвободною и продолжала торговать съ Русью. Іоаннъ III смѣстилъ послѣдняго пермскаго царя и послалъ для управленія своего намѣстника. Въ христіанство они были обращены въ XIV вѣкѣ св. Стефаномъ пермскимъ.

Живя отдѣльными группами и составляя совершенно отдѣльныя общины, они тѣмъ не менѣе уже совершенно обрусѣли и русскій элементъ въ нихъ совершенно преобладаетъ надъ первобытнымъ. Небольшіе остатки и признаки самобытности племени исчезаютъ весьма замѣтно, и уже очень недалеко то время, когда долженъ исчезнуть и послѣдній слѣдъ. Когда-то рослое и сильное племя, нынѣ пермяки едва достигаютъ средняго роста и обладаютъ почти ничтожною

физическою силою. Пауль, въ своемъ сочиненіи «Les peuples de la Russie» приводитъ одинъ весьма замѣчательный примѣръ силы и долговѣчности одного семейства пермяковъ, которое сохранило свою кровь въ чистотѣ безъ всякой примѣси. Одинъ изъ членовъ этого семейства поднималъ тельгу съ тяжестью 25 пудовъ муки и ставилъ ее на другую; онъ дожилъ до 115 лѣтъ, а отецъ его умеръ 112 лѣтъ.

Широкія плечи, короткая и тонкая шея, плоская грудь, короткія ноги, толстыя руки и широкая ступня придаютъ пермяку довольно безобразный видъ. Голова обыкновенно бываетъ маленькая и угловатая, а лобъ плоскій и крѣпкій. Замѣчательный контрастъ составляютъ жесткія руки, которыя по большей части тонки и съ хорошими пальцами.

Между пермяками довольно рѣзко различаются два типа. Одинъ съ свѣтлорусыми волосами съ рыжимъ оттѣнкомъ, широкое желтоватое лицо, сѣрые глаза, широкій приплюснутый носъ, толстыя губы и грубый подбородокъ. Другой типъ имѣетъ каштановые съ чернымъ оттѣнкомъ волосы, продолговатое смуглаго цвѣта лице, каріе или черные глаза, прямой тонкій носъ, тонкія губы и острый подбородокъ.

Вообще, какъ мужскіе, такъ и женскіе типы не красивы; полуоткрытые глаза лишены всякаго выраженія, и только страсть или вообще какое нибудь виѣшнее впечатлѣніе придаетъ имъ на минуту жизнь. Прочія черты лица въ совокупности выражаютъ умственную ограниченность, чувственность и упрямство.

Въ молодыхъ лѣтахъ глаза пермяковъ имѣютъ болѣе живое выраженіе, но женщины почти лишены бровей и имѣютъ слабо развитую грудь. Головной уборъ у женщинъ тотъ же, что и у русскихъ; замужнія носятъ два гребня; незамужнія же одинъ.

Праздничная рубаха пермяковъ дѣлается изъ бѣлаго холста и

бумажнаго или шерстянаго воротника, вышитаго красными узорами; штаны изъ той же матеріи со складками на бедрахъ и чаще всего голубаго цвѣта. Въ холодное время носится обыкновенный бѣлый армякъ. Женщины по большей части носятъ русскій костюмъ, а въ торжественные дни надѣваютъ сарафаны и повойники. Одежда содержится дурно и не отличается чистотою. Вообще пермяки живутъ очень бѣдно и грязно.

Относительно здоровья слѣдуетъ замѣтить, что они довольно здоровы и легко переносятъ какъ суровый климатъ, такъ и тяжелыя работы, которыми занимаются. Господствующая болѣзнь у нихъ—скорбутъ происходящая отъ дурнаго питанія, а также разныя другія болѣзни, происходящія отъ дымныхъ и грязныхъ жилищъ, въ которыхъ живутъ пермяки.

Правственность какъ мужчинъ, такъ женщинъ и дѣвушекъ стоитъ на самой низкой степени.

Ограниченный въ своихъ умственныхъ способностяхъ, пермякъ отличается сварливостью, злостью и мстительностью между своими земляками, и въ то же время робостью съ посторонними.

Упрямство, настойчивость, скрытность и недоувѣрчивость, при чрезвычайной тупости, составляютъ не маловажные недостатки пермяковъ. Люди съ свѣтлымъ здравымъ умомъ между ними рѣдки, но на разныя плутни есть много способности. Грамотности между ними почти не существуетъ вовсе. Въ пермскихъ имѣніяхъ гр. Строгонова едва 4 мужчины на 1000 человекъ и 2 женщины на 2000 человекъ грамотные.

Говорить пермякъ вообще мало, очень суевѣренъ, предается чувственности, пьянству и вообще всякой невоздержности, что замѣчается одинаково какъ между мужчинами, такъ и женщинами.

Повѣрья и предрасудки и другіе обряды у пермяковъ главнымъ образомъ почти тѣ же, что и у русскихъ. Мы немного остановимся

на тѣхъ, которыя встрѣчаются исключительно только у однихъ пермяковъ. Такъ лѣшій, по мнѣнію пермяковъ, очень любитъ русскій листовою табакъ; чтобы задобрить его, стоитъ только снести, пачку табаку въ ближайшій лѣсъ и положить гдѣ нибудь на пень.

Когда кто нибудь въ домѣ умретъ, то его кладутъ не на столъ что считается большимъ грѣхомъ, а на лавку. Гробъ дѣлаютъ не иначе, какъ на улицѣ, и всѣ щепки и остатки дерева сжигаются. Когда покойникъ уже положенъ въ гробъ, ему кладутъ въ руки нѣсколько мѣдныхъ монетъ, а сверху на гробъ кладутъ красныя поясочки, мочало и хлѣбъ или рыбный пирогъ. Провожающіе покойника садятся на его гробъ и поютъ разныя пѣсни, особеннымъ печальнымъ тономъ. Поясочки и другія вещи, лежащія на гробѣ, раздаютъ встрѣчнымъ на дорогѣ. Милостыню подаютъ не иначе какъ черезъ гробъ, а покойника какъ лѣтомъ, такъ и зимою отвозятъ на могилу не иначе какъ въ саняхъ, которыя бросаются на могилѣ; брать ихъ домой—значить будетъ еще покойникъ.

Поминки совершаются на могилахъ также, какъ и у русскихъ, съ тою только разницею, что обыкновенно на томъ мѣстѣ, гдѣ приходится голова покойника, вырываютъ ямку, наливаютъ въ нее брагу, приговаривая: «пей, пей, какъ ты прежде пивалъ».

Знахари играютъ ту же роль, что и у великоруссовъ; но у здѣшнихъ знахарей существуетъ особый родъ знахарства *«черъ эшванъ»* (вѣшать топоръ).

Заболѣвшій пермякъ, отправляясь къ знахарѣ, беретъ съ собою въ узелокъ воскъ, мѣдные деньги и шишку хмѣля. Колдунъ или колдунья свѣчу ставитъ къ образамъ, вынимаетъ нѣсколько каленыхъ угольковъ изъ печи, растираетъ хмѣль въ порошокъ, снимаетъ съ себя крестъ, беретъ топоръ, и вѣшаетъ его подобно безмѣну на снурокъ. Приведа его въ равновѣсіе, знахарка начинаетъ перебирать имена святыхъ, въ честь которыхъ находятся въ околѣдѣ

церкви, и наблюдаетъ при имени какого святаго топоръ выидеть изъ равновѣсія. Положивъ топоръ на мѣсто и посмотрѣвъ на хмѣль и носкъ, знахарка объявляетъ посѣтителю какимъ средствомъ онъ можетъ получить желаемое, т. е. совѣтуетъ ему сходить въ церковь и поставить святому свѣчу величиною въ руку, въ цѣлый ростъ, смотря по тому, весь-ли человекъ болѣнъ, болятъ-ли у него руки или ноги, или велитъ отслужить по комъ нибудь панихиду.

Черъ-эшванныя свѣчи, приготовляемыя кругами въ видѣ веревочки, можно видѣть передъ образами во всѣхъ почти церквахъ, находящихся въ пермяцкихъ селеніяхъ.

Вообще въ религиозномъ отношеніи пермяки представляютъ уродливое подражаніе христіанамъ. Въ церковь они ходятъ очень рѣдко отговариваясь недосугомъ; многіе бывали въ церкви въ продолженіе всей своей жизни только два раза: одинъ при крещеніи, другой во время свадьбы. Говѣютъ и исповѣдываются весьма немногіе, а приобщаются еще менѣе. Посты же, напротивъ, соблюдаютъ весьма строго, особенно старики и старухи. Молитвы знаютъ только самыя краткія, да и то читаютъ ихъ неправильно, искажая чуть ли не каждое

слово. Вообще понятія ихъ о вѣрѣ самыя шаткія и темныя, почему не удивительно, что между ними не встрѣчается раскольниковъ.

Но если пермяки отстали отъ русскаго взгляда въ религиозномъ отношеніи, то далеко превзошли его своимъ суевѣріемъ, Нигдѣ въ Великоросіи колдуны, знахары и разныя другіе шарлатаны не пользуются такимъ довѣріемъ какъ между пермяками.

Сами себя пермяки называютъ, также какъ и зыряне, коми; названіе же пермяковъ дано имъ русскими. Языкъ есть одна изъ отраслей чюдскаго или финскаго и вообще бѣденъ; одно и то же выраженіе перѣдко имѣетъ множество значеній; а многія русскія слова, вошедшія въ языкъ пермяковъ, приняли форму туземнаго языка. Такъ напримѣръ русское слово думать измѣнилось въ *думайтны*; баять, т. е. говорить—въ *баятны* и проч. По неимѣнію родовъ и по недостатку многихъ глаголовъ, пермяки вмѣсто мужскаго рода употребляютъ женскій и наоборотъ: *Мой баба пропавъ*, говорить напримѣръ пермякъ съ случаѣ смерти своей жены. Вообще же всѣ они понимаютъ русскій языкъ и почти всѣ говорятъ на немъ.

XVI. ВОГУЛЫ.

Вогулы принадлежатъ къ той отрасли финскаго племени, которая называется *урскою*, заключающею въ себѣ и остяковъ, и родственною съ мадьярами или венграми. Они живутъ главнымъ образомъ въ Сибири, въ Тобольской губерніи, но часть ихъ есть и по сю сторону Уральскаго хребта въ Пермской губерніи.

Когда-то дикіе и безпокойные вогулы нынѣ отличаются мирнымъ и спокойнымъ характеромъ, хотя не лишеннымъ многихъ недостатковъ, какъ-то: жестокости и упрямства. Наиболѣе цивилизованные изъ вогуловъ отличаются ото всѣхъ прочихъ финскихъ племенъ веселостію и живостію характера. Они впрочемъ постепенно утрачиваютъ свой видовой типъ и смѣшиваются съ другими племенами.

Не ища никакого труда или работы, вогуль въ то же время и не боится ихъ. По природѣ своей онъ охотникъ, и зимнее время, время охоты — для него настоящій праздникъ. Онъ преслѣдуетъ звѣря по цѣлымъ днямъ и, убивъ его, удовлетворяетъ имъ только свою потребность, а остальное прячетъ и продолжаетъ охоту, возвращаясь къ спрятанной добычѣ только по окончаніи. Лѣтомъ вогуль предпочитаетъ ничего не дѣлать, и только крайняя необходимость сущест-

вованія заставляеть его переходить къ берегамъ рѣкъ для рыбной ловли и охоты на птицъ.

У вогуловъ нѣтъ ни пашень, ни огородовъ, и только немногіе изъ нихъ занимаются скотоводствомъ. Звѣриною же ловлею они занимаются со страстью, употребляя для охоты ружья, луки, стрѣлы и рогатины.

Вогулы, живущіе по р. Кондѣ въ Сибири ведутъ совершенно осѣдлую жизнь и до того обрусѣли, что ихъ нельзя отличить отъ русскихъ крестьянъ: тѣ же дома, та же одежда и рѣчь, и вся разница замѣчается только въ томъ, что, умѣя говорить по русски, эти вогулы не забыли и свой родной языкъ.

Въ Пермской губерніи тоже приучаютъ вогуловъ къ осѣдлой жизни и земледѣлію, но не имѣютъ успѣха: дремучіе лѣса и охота привлекаютъ вогула гораздо болѣе чѣмъ хлѣбопашество.

Вогуль молчаливъ, и на лицѣ его рѣдко можно подмѣтить знаки удовольствія; даже во время танцевъ и возбужденія табакомъ и водкою его фizioномія сохраняетъ свое обычное спокойствіе и угрюмость. Въ то же время вогуль, въ противоположность остяку и самоѣду, почти никогда не жалуется ни на что; его сжатые губы, глубокій и мрачный взглядъ рѣзко выражаютъ непреклонный характеръ.

Наиболѣе сохранили свой наружный типъ вогулы, живущіе въ Верхотурскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ Пермской губерніи. Эти вогулы роста болѣе средняго, цвѣтомъ лица походятъ на сибирскихъ инородцевъ; волосы имѣютъ черные, часто кудрявые, узкіе глаза, небольшой, нѣсколько приплюснутый носъ, и значительно выдающіяся скулы. Нѣкоторые не имѣютъ ни бороды, ни усовъ, у другихъ небольшіе усы, но борода такъ мала, что едва прикрываетъ подбородокъ или состоитъ изъ нѣсколькихъ волосковъ.

Одежда вогуловъ почти не отличается отъ платья русскаго крестьянина, а пища крайне не взыскательна; нѣкоторые изъ вогуловъ и нынѣ еще ѣдятъ козину. Приготавливается же пища чрезвычайно

неопратно. Рыбу напримѣръ варятъ они вмѣстѣ съ внутренностями и чешуей въ котлахъ, которые никогда не моютъ. Сначала ѣдятъ наваръ, а потомъ грязными руками и рыбу.

Жилища ихъ также крайне неопратны. Оригинальна бываетъ дѣтская колыбель, устраиваемая слѣдующимъ образомъ: берутъ большую бересту длиною около аршина, а шириною около двухъ четвертей, закругляютъ края, перегибаютъ по срединѣ почти подъ прямымъ угломъ и подвѣшиваютъ къ потолку. Посадивъ въ эту корзину ребенка, привязываютъ его къ ней по рукамъ и ногамъ, и ребенокъ спитъ въ сидячемъ положеніи.

Въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ вогулы стоятъ очень низко. Живя въ отдаленіи отъ большихъ селеній, гдѣ есть церкви, и занимаясь рыбною ловлею и звѣриною охотою, они не имѣютъ возможности посѣщать церкви и исполнять христіанскія обязанности. Многіе донныя предаются шаманству и до сихъ поръ сохранили обряды этой религіи и между прочимъ принесеніе въ жертву богамъ лошадей.

Лѣдность вогуловъ составляетъ главную причину ихъ бѣдности, а равнодушіе къ своему положенію поразительно. Часто случается, что въ семействѣ нечего ѣсть, а вогуль куритъ себѣ трубку и играетъ въ карты.

При всѣхъ недостаткахъ у вогула есть и нѣкоторыя хорошія черты, между которыми выдаются состраданіе и гостепримство. Передъ начальствомъ вогулы боязливы, между собою тихи, а съ промышленниками, пріѣзжающими къ нимъ за мѣхами и рыбою, даже хитры. Такъ, вогуль съ разу не покажетъ промышленнику всего своего товара, а дѣлаетъ это постепенно, чтобы подзадорить покупателя. Но за то какъ только отвѣдаетъ онъ водки, то вся хитрость его тотчасъ же исчезаетъ, твердость пропадаетъ, онъ дѣлается мягкимъ и сговорчивымъ. Тутъ онъ выкладываетъ передъ покупате-

лемъ все свое богатство и изъ за лишняго боченка водки продаетъ за безцѣнокъ дорогіе товары.

Въ жизни ихъ нѣтъ ничего выдающагося; свадебные обряды они совершаютъ безъ всякихъ церемоній, просто платя за жену отъ 10 до 30 рублей, а умершихъ погребаютъ въ лѣсахъ, кладя вмѣстѣ съ покойникомъ ножъ, огниво, табакъ, его лукъ и стрѣлы. Музыкальный инструментъ ихъ нѣчто въ родѣ балалайки съ шестью металлическими струнами. Подъ звукъ этого инструмента вогулы распѣваютъ свои пѣсни, въ которыхъ воспѣваютъ медвѣдя. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ изъ ихъ пѣсенъ сохранились героическія преданія, въ которыхъ воспоминается о бывшемъ могуществѣ вогуловъ и ихъ прошедшемъ величіи.

И дѣйствительно, вогулы были нѣкогда сильнымъ племенемъ, которое вело войны съ сосѣдями и упорнѣе другихъ инородцевъ сопротивлялась русской власти. Они жгли русскіе города и села, уводили въ плѣнъ жителей, а перваго проповѣдника христіанства епископа Питерима, замучили до смерти. Только съ устройствомъ Цельмекскаго острога въ 1593 году, обращеннаго въ 1693 году въ городъ, вогулы усмирились.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что вогулы, которые быстро идутъ къ полному исчезновенію, не были первобытными жителями занимаемой ими нынѣ земли. По всей вѣроятности, другой народъ, болѣе образованный, жилъ здѣсь въ городахъ, и что вогулы и остяки пришли сюда уже позже, и весьма можетъ быть, что они явились сюда изъ мѣстъ, занятыхъ нынѣ башкирами.

Общее число вагуловъ доходитъ въ 3,000 душъ.

Въ заключеніе сюда же, къ финскому племени принадлежать еще лопари и самоѣды но о лопаряхъ будетъ говорено далѣе, когда мы будемъ описывать жителей тундръ.

СЕМИТИЧЕСКОЕ ПЛЕМЯ.

XVII. ЕВРЕИ.

Историческія черты; характеръ и домашній бытъ.

Евреи разселены по всему пространству Россіи какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи; наиболѣе же всего они сосредоточены въ Привислянскомъ краѣ, сѣверо-и югозападныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Общее число ихъ доходитъ до 2.330,000 душъ обоюга пола. Евреи одинъ изъ самыхъ любопытныхъ народовъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ они служатъ представителями самаго древнѣйшаго типа. Они постоянно чуждались смѣшенія съ другими народами, а потому главнѣйшія, типическія черты сохранились между ними во всей цѣлости. Но цѣлостъ типа не спасла его отъ измельчанія. Евреи пережили много тяжелыхъ столѣтій, гнетъ которыхъ положилъ свой роковой отпечатокъ на все ихъ существо, какъ физическое, такъ и духовное. Въ эпоху земной жизни Спасителя, Иудея находилась подъ властью римскихъ императоровъ, которые управляли ею посредствомъ своихъ прокураторовъ или намѣстниковъ. Положеніе

евреевъ было очень бѣдственное. Корыстолюбивые и деспотическіе прокураторы угнетали народъ до такой степени, что иногда содержали даже шайки убійцъ и разбойниковъ, которые дѣлили съ ними добычу. Нерѣдко вспыхивали народныя возстанія, но они были подавляемы, и евреи переселялись толпами въ отдаленныя земли. Последній римскій намѣстникъ, Гессій Флоръ, превзошелъ въ жестокости всѣхъ своихъ предшественниковъ и, доведенные до отчаянія евреи въ Палестинѣ, взяли за оружіе. Императоръ Неронъ послалъ для усмиренія возставшихъ войско подъ предводительствомъ Веспасіана, знаменитаго полководца того времени; но Веспасіанъ вскорѣ возвратился въ Римъ для того, чтобы принять самому императорскую корону, и поручилъ начальство надъ войскомъ сыну своему Титу. Титъ началъ осаду Иерусалима въ 70 году, во время праздника Пасхи, когда въ столицу Иудеи собралась со всѣхъ сторонъ громадная масса евреевъ. Осада эта сопровождалась всѣми ужасами голода. Кровли домовъ были покрыты умирающими отъ голода женщинами и дѣтьми, а на улицахъ находили каждое утро до 500 челоувѣкъ, умершихъ голодною смертію. Только въ одинъ городскій ворота вынесли въ продолженіе шести недѣль 115,088 мертвыхъ, не считая тѣхъ, которые были похоронены своими родственниками.

Евреи, защищавшіеся со всѣмъ мужествомъ отчаянія, рѣшились спасти храмъ Соломоновъ или погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Тысячи ихъ пали при защитѣ своей святыни. Римляне, приведенные въ ярость упорною защитою евреевъ, зажгли ворота, которыя вели во внутрь храма и, не смотря на желаніе Тита спасти великолѣпное зданіе, оно обратилось въ груды пепла и развалинъ. Множество евреевъ сами бросались на мечъ побѣдителей, не желая пережить паденія своего святилища и гибели народа. Въ продолженіе этой кровопролитной войны погибло болѣе милліона евреевъ отъ меча, голода и пламени; 67,000 оставшихся въ живыхъ были взяты въ плѣнъ. Нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ избрали для триумфальной процес-

сін Тита, другихъ заковали въ цѣпи и послали въ Египетъ для работы въ рудникахъ. Многихъ также разослали въ разныя римскія провинціи для боевыхъ игръ съ дикими звѣрьми. Послѣ паденія Іерусалима, евреи разсѣялись по всей землѣ, какъ въ христіанскихъ, такъ въ мусульманскихъ земляхъ, и начались ихъ непрерывныя, вѣковыя страданія. Нѣсколько разъ еще пытались они завоевать свою гражданскую независимость; но такъ какъ всѣ ихъ усилія ни къ чему не привели, то они старались уже только духовными средствами соединить всѣхъ разсѣянныхъ членовъ въ одно религіозное общество. Они раздѣлились на западныхъ и восточныхъ.

Западные — избрали себѣ духовнымъ главою патріарха, подъ названіемъ Nasi; глава же восточныхъ евреевъ носилъ названіе Решъ-Гелута. Евреи твердо вѣрятъ еще и донинѣ, что Богъ возвратитъ ихъ когда нибудь въ отечество и что ихъ потомки возстановятъ храмъ Соломона.

Отсюда протекаетъ ихъ приверженность къ нравамъ, привычкамъ, часто даже къ мѣстнымъ обычаямъ ихъ отечества, которыя они принимаютъ за религіозныя законы. Опасеніе, чтобы не позабылось что нибудь изъ еврейскихъ религіозныхъ постановленій, побудило раввиновъ составить Талмудъ, который оконченъ около 425 года. По мѣрѣ того, какъ христіанство распространялось между народами, евреи терпѣли все большія преслѣдованія. Особенно времена крестовыхъ походовъ были самою грустною эпохою въ ихъ исторіи. Такъ, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ ихъ преслѣдовали сильнѣе чѣмъ въ другихъ странахъ, евреи въ праздничные дни не должны были открывать своихъ лавокъ. Во время Страстной недѣли не смѣли показываться на улицахъ, чтобы не встрѣчать христіанъ. Похороны, свадьбы и другія публичныя церемоніи евреи должны были отправлять такъ, чтобы этого не замѣчали христіане; въ христіанскіе посты они не должны были покупать говядины; даже гражданскій законъ запрещалъ христіанамъ ѣсть, пить, купаться и пр. вмѣстѣ съ

евреями, подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви. Они должны были носить одежду только изъ грубаго сукна, а изъ мѣховъ могли устрелять только телячью шкуру. Они не должны были играть въ кости и давать пирушки больше чѣмъ на двѣнадцать человекъ. Имъ запрещалось носить оружіе, и не только обиду, причиненную еврею, но даже убійство его можно было искупить небольшою суммою денегъ.

Богатство ихъ, наживаемое торговлею, возбуждало зависть, и многіе сильные пользовались ихъ положеніемъ для удовлетворенія своего корыстолюбія.

Въ Германіи, Конрадъ IV велѣлъ арестовать многихъ богатыхъ евреевъ; Венцеславъ простилъ всѣ долги христіанъ евреямъ, если должники, смотря по состоянію, внесутъ ему отъ 15 до 30 процентовъ. Во Франціи, въ 1182 году, отняли у евреевъ все имущество и совершенно изгнали ихъ изъ страны. Филиппъ - Августъ, имѣя надобность въ деньгахъ для крестовыхъ походовъ, опять призвалъ ихъ во Францію, а при Людовикѣ IX ихъ, какъ товаръ, перепродовали изъ рукъ въ руки.

Въ Англіи положеніе ихъ было также не менѣе тяжелое. Они были обложены тамъ огромными налогами, для храненія которыхъ было даже устроено особое присутственное мѣсто, подъ названіемъ сокровищницы евреевъ. Эдуардъ I захватилъ въ свои руки всѣ имущества евреевъ и велѣлъ имъ вслѣдъ затѣмъ оставить страну. 16,000 евреевъ покинули Англію, чтобы искать пріюта въ другихъ государствахъ, гдѣ подверглись новымъ преслѣдованіямъ.

Не менѣе страдали евреи изъ за своихъ религіозныхъ убѣжденій. Религіозный фанатизмъ особенно преслѣдовалъ ихъ въ Испаніи. Въ 1391 году, въ Севильѣ толпа черни, возбужденная проповѣдями архіепископа Небла, умертвила около 7,000 еврейскихъ семействъ, принудивъ другихъ отречься отъ своей религіи. То же самое повторялось и въ другихъ испанскихъ городахъ. 200,000 евреевъ пере-

шли дѣйствительно въ христіанство, но только наружно. Фердинандъ, учредивъ страшный инквизиціонный судъ, придавъ видъ законности конечному истребленію всѣхъ не-христіанъ, особенно евреевъ, такъ какъ богатства осужденныхъ инквизиціею конфисковали въ пользу казны,—и для евреевъ настала самая мрачная эпоха, которую можно назвать эпохою еврейскаго мученичества. Она окончилась катастрофою, единственною въ своемъ родѣ: въ 1492 году, Фердинандъ и Изабелла издали повелѣніе, чтобъ всѣ испанскіе евреи, въ числѣ 500,000 человекъ, оставили страну.

Въ восточной Европѣ евреи появились во время крестовыхъ походовъ и преимущественно въ Литвѣ и Польшѣ. Нѣкоторые изъ литовскихъ князей давали евреямъ даже многія льготы. Цвѣтущее время для нихъ было царствованіе Сигизмунда-Августа, который испрашивалъ для евреевъ льготы даже у сосѣднихъ государей. Такъ въ 1549 году онъ просилъ царя Ивана Васильевича о дозволеніи литовскимъ евреямъ свободно торговать въ Россіи, на что царь отвѣчалъ, что онъ и слышать не хочетъ о народѣ, который привозилъ въ Россію отраву для души и тѣла, продавалъ смертельный порошокъ, злословилъ противъ христіанъ и проч.

Впоследствии, съ присоединеніемъ къ Россіи Литвы и Польши, въ составъ различныхъ національностей Россіи вошли значительною массою и евреи.

Были, впрочемъ, монархи, которые относились къ евреямъ человѣколюбивѣе и, подъ ихъ правленіемъ, евреи отдыхали отъ своихъ страданій. Но это было только временнымъ облегченіемъ. Гораздо чаще евреи владели самымъ жалкимъ существованіемъ.

Съ реформаціею положеніе евреевъ нѣсколько облегчилось: такъ какъ Лютеръ, не смотря на свое нерасположеніе къ евреямъ, проповѣдовалъ въ отношеніи ихъ терпимость. Впрочемъ положеніе евреевъ улучшалось очень медленно и не во всѣхъ странахъ.

Въ XVIII вѣкѣ, евреевъ хотя не истребляли уже огнемъ и ме-

чемъ, но положеніе ихъ все-таки было плачевно. Въ нѣкоторыхъ городахъ и селеніяхъ имъ даже запрещалось оставаться на ночь; было множество общинъ, въ которыхъ имъ не позволяли сидѣть, и множество недоступныхъ еще для нихъ занятій и ремеслъ. Кромѣ того, еврей публично и безнаказанно подвергался всякаго рода насмѣшкамъ и оскорбленіямъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока цивилизація между христіанами развилась на столько, что нашла нужнымъ взять этотъ несчастный народъ подъ свою могучую защиту. Лессингъ, Кругъ, фонъ - Ульменштейнъ и другіе писатели были первыми проповѣдниками человѣческихъ и гражданскихъ правъ евреевъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія объ эмансипаціи евреевъ появилось до 500 сочиненій, обратившихъ общее вниманіе на этотъ вопросъ. Парижскій университетъ предложилъ премію за лучшее сочиненіе объ улучшеніи положенія евреевъ, и три сочиненія удостоились этой преміи.

Поощренные заступничествомъ христіанъ, евреи подавали просьбу въ Національное Собраніе, во время засѣданія 4-го августа 1780 года, объ уравненіи ихъ правъ съ другими гражданами. Виконтъ Ноайль и герцогъ Монмаронси побудили Національное Собраніе принять эту просьбу, и съ тѣхъ поръ всѣ ограниченія и стѣсненія евреевъ исчезли во Франціи.

Наполеонъ I, 30 мая 1806 года, созвалъ собраніе еврейскихъ депутатовъ, для того чтобы лучше ознакомить массу французскаго народа съ религіозными началами евреевъ. Отвѣты депутатовъ чрезвычайно расположили императора и народъ въ пользу евреевъ,— и съ тѣхъ поръ евреи, поддерживаемые правительствомъ, занимаются тамъ земледѣліемъ, ремеслами, промышленностью, искусствами и военнымъ дѣломъ. Въѣстѣ съ войнами и побѣдами Наполеона распространились и въ другихъ странахъ начала терпимости и свободы евреевъ.

Съ другой стороны, распространеніе образованія между евреями не мало способствовало также къ уничтоженію вѣковыхъ преградъ между ними и другими народами.

Въ этомъ отношеніи оказалъ громадную заслугу своимъ соплеменникамъ еврейскій ученый, Моисей Мельдельсонъ, р. въ Дессау въ 1729 году и ум. въ Берлинѣ въ 1786. Онъ имѣлъ громадное вліяніе на своихъ единовѣрцевъ, освободилъ духъ ихъ отъ обветшалыхъ вѣрованій, пробудилъ въ нихъ любовь къ научнымъ интересамъ и указалъ путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Чтобы содѣйствовать болѣе разумному пониманію религиозныхъ источниковъ, онъ старался сдѣлать священное писаніе общедоступнымъ. Такъ онъ перевелъ съ древне-еврейскаго на нѣмецкій языкъ Пятикнижіе Моисея, Псалмы и Пѣснь-пѣсней.

Переводъ этотъ произвелъ сильное дѣйствіе на евреевъ не только въ Германіи, но и въ Бельгіи, Голландіи, Франціи, Испаніи и даже Польшѣ. Старые раввины предали Мендельсона анаемѣ, но это не помѣшало успѣху его переводовъ. Евреи прозвали Мендельсона третьимъ Моисеемъ, за то, что онъ освободилъ ихъ отъ гнета отсталыхъ понятій, внушилъ христіанамъ лучшее мнѣніе о нихъ и проложилъ путь къ ихъ сближенію съ другими народами.

Одинъ изъ послѣдователей Мендельсоновой школы, еврей Якобсонъ, преобразовалъ еврейское богослуженіе, введя въ него нѣмецкую проповѣдь, молитвы и хоральное пѣніе.

Онъ много заботился объ училищномъ преподаваніи и, въ 1809 году устроилъ въ Касселѣ нѣмецкую школу для дѣтей и еврейскую педагогическую семинарію. Также пожертвовалъ онъ 100,000 талеровъ на учрежденіе училища, куда принимали питомцевъ безъ различія вѣроисповѣданій.

Такимъ образомъ, наступилъ періодъ *образованныхъ* раввиновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ началась война между ними и представителями

старого раввинизма. Борьба эта еще не окончена, но уже принесла свои плоды. Многія несовременныя, обрядовыя формы потеряли всякое значеніе у германскихъ евреевъ и они все болѣе и болѣе проникаются сознаньемъ, что конечная цѣль и единственное стремленіе ихъ религіи должны быть—преданность Богу и дѣятельная любовь къ человѣчеству. Вѣковая тьма, тяготѣвшая надъ еврейскимъ народомъ, разсѣялась, и можно надѣяться, что съ дальнѣйшимъ распространѣнѣмъ образованія между евреями, исчезнутъ окончательно всѣ предрассудки относительно этого народа и презрѣніе къ нему, которое такъ унижительно для человѣческаго достоинства.

Продолжительное жалкое существованіе еврейскаго народа не могло не принести своихъ роковыхъ плодовъ и въ современномъ намъ еврей, — щедрымъ, одареннымъ скуднымъ запасомъ тѣлесныхъ силъ и подверженномъ разнымъ наслѣдственнымъ болѣзнямъ, трудно представить себѣ потомка современниковъ Авраама и другихъ патриарховъ, которые вели здоровую, патриархальную жизнь, среди благословенной природы ихъ родины.

Физиономія евреевъ вообще красива. Черные волосы, умные черные глаза, скорѣе съ мягкимъ чѣмъ съ блестящимъ взглядомъ, носъ орлиный или иногда правильный, — чрезвычайно бѣлые зубы и смуглый, матовоблѣдный цвѣтъ лица: вотъ отличительные признаки ихъ наружности. Но еврей узнается съ разу, изъ цѣлой толпы иноплеменниковъ, не по этимъ признакамъ, а по какому-то исключительному, ему свойственному, неуловимому, типическому отпечатку, которымъ проникнуто все его существо. Этотъ отпечатокъ встрѣчается какъ между образованными, такъ и между необразованными евреями, между богатыми и между бѣдными и во всѣхъ странахъ. Выраженіе лица еврея, осанка, каждая черта въ немъ дышетъ чѣмъ-

то робкимъ, мягкимъ, часто занескивающимъ и униженнымъ. Сквозь эту мягкость пробивается его врожденная страстность, обнаруживающаяся въ подвижности физиономіи, въ сильной жестикуляціи въ рѣзкихъ перемѣнахъ интонацій голоса и во взглядѣ, который, не смотря на его бархатистые переливы, способенъ иногда метать молніи.

Относительно наружности евреевъ слѣдуетъ, впрочемъ замѣтить что щедриность ихъ и слабость тѣлесныхъ силъ происходитъ не отъ одного историческаго вліянія, но также и отъ разныхъ, уже отъ нихъ самихъ зависящихъ, условій ихъ быта. Къ главнѣйшимъ изъ нихъ принадлежитъ то обстоятельство, что еврей женится рано и почти всегда бывають обременены многочисленною семьею. Грудныхъ дѣтей выкармливають сами матери, что рано истощаетъ ихъ силы и отзывается неблагопріятно на меньшихъ дѣтяхъ. Кромѣ того еврейскихъ мальчиковъ рано начинаютъ учить грамотѣ и всей еврейской книжной премудрости. Чуть только ребенокъ достигнетъ того возраста, когда станетъ способнымъ къ ученю, ему начинаютъ вбивать въ голову Талмудъ *), и онъ проеживаетъ въ школѣ надъ уче-

*) Талмудомъ называется богословская книга евреевъ, составленная учеными раввинами. Послѣ разрушенія Иерусалимскаго храма, раввинъ Іегуда, опасаясь чтобы при увеличивающемся разсѣяніи евреевъ устный законъ, переданный имъ предками, не искажился и не пріемъ въ забвеніе, списалъ законы, существующіе по преданію. Онъ назвалъ трудъ свой Мисина. Но краткость Мисины сдѣлала ее вскорѣ недостаточною и текстъ ея допускалъ различныя толкованія. Ученые раввины прибавили къ ней свои поясненія, изданія, подъ названіемъ Гемара (заключеніе). Мисина и Гемара составляютъ Талмудъ. Гемара заключаетъ въ себѣ толкованіе текста Мисины, разсужденія объ отдѣльныхъ постановленіяхъ, аллегорическіе разсказы и изреченія, замѣчанія о философіи, медицинѣ, естественныхъ наукахъ и географіи, анекдоты и характеристическіе очерки. вмѣстѣ съ тѣмъ, Гемара составляетъ какъ бы протоколъ того, что раввины говорили и дѣлали въ кругу своихъ знакомыхъ, и друзей, и того чему учили въ школахъ. Встрѣчаемые въ Талмудѣ мнѣнія ученыхъ, не относящіеся до законовъ, называются Гагада (сказаніе); собственно же законодательная часть известна подъ названіемъ Галаха.

нємъ по цѣлымъ днямъ, такъ что наконецъ корпѣнье надъ книгами превращается у него въ привычку. Отъ этого развиваются различныя болѣзни, какъ напримѣръ: геморой, золотуха, чахотка и глазныя, которыя передаются евреями по наслѣдству ихъ дальнѣйшимъ потомкамъ. Всѣ тѣлесныя упражненія, способствующія къ укрѣпленію тѣла, какъ напр. верховая ѣзда, охота и т. п., не только не въ обычаѣ между ними, но даже считаются неприличными.

Пища евреевъ, подверженная разнымъ религіознымъ ограниченіямъ и у бѣдныхъ часто не довольно питательная, также имѣетъ неблагопріятное вліяніе на развитіе ихъ физическихъ силъ.

У насъ, въ Россіи, въ отношеніи тѣлосложенія и здоровья, евреи разнятся по климатамъ. Малороссійскіе евреи не высоки ростомъ, но крѣпкаго сложенія и многими физическими чертами похожи на малоросовъ. Евреи, живущіе въ Новороссійскомъ краѣ и въ Бессарабіи, также крѣпкаго сложенія, но ростомъ выше малороссійскихъ. Волынскіе и польскіе евреи отличаются здоровымъ сложеніемъ, легкостью и красотою. Въ Вѣлоруссіи и Литвѣ, напротивъ, они щедриче тѣмъ гдѣ либо и мѣшковатѣе.

Перейдемъ теперь къ духовной сторонѣ евреевъ. И здѣсь, какъ въ отношеніи наружности, рѣзко сказались тѣ черты, которыми народъ этотъ обязанъ своему тяжкому прошлому.

Еврей вездѣ были пришельцами и гоненія часто заставляли ихъ переселяться изъ одной страны въ другую. Они постоянно должны были трепетать за свою жизнь или имущество.

Большинство евреевъ считаютъ Талмудъ настоящею энциклопедіею всякой премудрости. Но онъ изобилуетъ запутанными умствованіями, неразрѣшенными дилеммами и нелѣпостями. Когда талмудисты запутаются въ своей схоластикѣ такъ, что не въ состояніи разрѣшить противорѣчащихъ талмудическихъ задачъ, то разсѣкаютъ Гордіевъ узелъ словомъ: «тейку», что означаетъ: «надо подождать до прибытія пророка Іліи».

При такомъ тяжеломъ положеніи, всѣ ихъ духовныя силы были устремлены главнымъ образомъ на защиту себя отъ притѣсненій и на спасеніе своей жизни.

Понятно, что въ ихъ духовномъ существѣ отразился недостатокъ тѣхъ вліяній, которыя имѣютъ такое громадное значеніе въ духовномъ развитіи другихъ, болѣе счастливыхъ народовъ. Это замѣтно даже въ направленіи ихъ умственной дѣятельности.

Никто не станетъ отрицать, что евреи — народъ щедро одаренный умомъ, способностями къ различнымъ наукамъ. Но «у всѣхъ евреевъ одинаковый сехель», (умъ) говоритъ еврейско-нѣмецкая поговорка. И дѣйствительно, ихъ умственная дѣятельность однообразна. Главная черта ихъ ума, практичность, заставляла ихъ всегда предпочитать такія науки, которыя могли быть имъ полезны въ ихъ положеніи. Такъ медицина была всегда въ рукахъ ихъ могучимъ орудіемъ.

Въ средніе вѣка уважали только ремесленника, къ научной же дѣятельности относились почти съ презрѣніемъ. Христіанскихъ врачей было мало, да и познанія ихъ были не обширны. Вѣчно угнетенный и презираемый, еврей вѣрно рассчитывалъ, что его медицинскія свѣдѣнія могутъ сдѣлать его необходимымъ для его гонителей и схватился за медицину какъ за спасительную силу. Этимъ объясняется предпочтеніе евреевъ и развившаяся въ нихъ способность къ этой наукѣ. Она давала имъ власть и значеніе даже при дворахъ королей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность благодѣтельнаго вліянія на участь ихъ соплеменниковъ. Такъ, еще во времена Саладина въ Египтѣ, еврей Майлюида былъ лейбъ-медикомъ при его дворѣ. Еврей Элій Монтальто, лейбъ-медикъ королевы Маріи Медичи, былъ въ дружбѣ съ Генрихомъ IV. Даже папа Бонифацій IV имѣлъ лейбъ-медикомъ еврея Эгила де Монтальто, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ его домашнимъ другомъ. Въ Россіи, при дворѣ царя Алексѣя Михайловича былъ также врачъ изъ евреевъ Даниель. Если же въ

настоящее время евреи перестали предпочитать эту научную отрасль другимъ, то это потому, что «другія времена — другіе нравы». Они не имѣютъ болѣе надобности въ томъ орудіи, которое прежде служило имъ могущественнымъ средствомъ къ защитѣ. Способность евреевъ къ математикѣ и математическимъ наукамъ также обуславливается отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что они постоянно вынуждены были заниматься торговлею. Изощряя постоянно умъ свой надъ коммерческими комбинаціями, они выработали въ себѣ талантъ къ математикѣ, который переходилъ и переходитъ по наслѣдству къ ихъ потомкамъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что между евреями, какъ и другими народами, были также извѣстные философы, астрономы, географы и другіе ученые. Замѣчательно однако то обстоятельство, что практичный еврейскій умъ рѣдко достигаетъ гениальности. Между евреями очень много талантливыхъ, людей но очень мало гениальныхъ.

Своей разсѣянности по всему міру и отчасти также религіознымъ условіямъ обязаны евреи всѣмъ извѣтною способностью ихъ къ языкамъ. Кромѣ искаженного древне-нѣмецкаго языка, который употребителенъ между ними въ житейскомъ быту, — каждый еврей необходимо долженъ знать еще языкъ той страны, гдѣ живетъ. Мало-мальски-же образованный еврей изучаетъ еще древній еврейскій или библейскій языкъ, на которомъ читаются молитвы и написаны еврейскія религіозныя книги.

Характеръ евреевъ, какъ и умственное развитіе, представляетъ продуктъ тѣхъ-же печальныхъ историческихъ данныхъ. Уже цѣлыя столѣтія тяготѣютъ надъ ними обвиненія въ различныхъ дурныхъ свойствахъ, и самые ревностные защитники этого несчастнаго народа не рѣшаются отрицать этихъ свойствъ. Постараемся-же разсмотрѣть почему и откуда привились они и вкоренились въ цѣломъ народѣ.

Дѣло въ томъ, что взглядъ евреевъ на этотъ предметъ, разрабо-

танный вѣковыми страданіями, совершенно расходится съ нашимъ. Все то, что мы называемъ дурнымъ въ еврей, потому-что оно дѣйствительно дурно, — въ его глазахъ почти равняется добродѣтелямъ; этимъ-то самымъ дурнымъ свойствамъ обязанъ онъ главнымъ образомъ сохраненіемъ своего существованія и національности. Они помогали ему бороться съ тѣми, кто угнеталъ его; они тысячи разъ избавляли его отъ страданія и выручали отъ тяжкихъ бѣдъ, и онъ привыкъ цѣнить ихъ въ себѣ, какъ необходимыя орудія для борьбы. Начнемъ хотя съ извѣстной всѣмъ изворотливости еврейскаго ума. Еврей вообще высоко цѣнить умъ. «Только тотъ бѣденъ, у кого недостаетъ ума» (Медоринъ 41), гласитъ талмудическое изреченіе. «Гдѣ дуракъ сидѣлъ — тамъ надо вытереть ступль», говоритъ еврейско-нѣмецкая поговорка. Въ библіи слово «глупый» (кеиль) имѣетъ такое-же значеніе, какъ и «нравственно злой», а слово умный — тождественно съ словомъ «нравственно добрый». Но преобладающая черта еврейскаго ума — острота. Самый скупой еврей скорѣе рѣшится подать милостыню, чѣмъ отказаться отъ остраго словца. Изученіе Талмуда, вызывающее на разъясненія различныхъ темныхъ мѣстъ и запутанныхъ вопросовъ, еще болѣе развиваетъ эту остроту ума, которую обстоятельства, среди которыхъ жили евреи, превратили въ изворотливость и ни съ чѣмъ несравнимую гибкость. Кому случилось имѣть какія-нибудь дѣла съ евреемъ, тотъ непремѣнно испыталъ на себѣ эти черты еврейскаго характера. Еврей такъ увертливъ въ дѣлахъ и словахъ, что вы видите ясно, какъ день, что онъ проводитъ васъ и, все-таки, онъ ускользнетъ какъ угорь, и, какъ говорится, выйдетъ сухъ изъ воды. Для насъ эта изворотливость и уклончивость — противны. Но еврей видитъ въ нихъ орудіе ума, — орудіе, которое спасало его предковъ отъ важныхъ бѣдъ и которымъ потому онъ почти гордится.

Настойчивость и терпѣніе евреевъ въ преслѣдованіи ихъ цѣлей — изумительны. Еврей готовъ перенести всякія униженія, чтобы добыть-

ся желаемого: онъ будетъ кланяться, низкопоклонничать, льстить, переносить презрѣніе, даже оскорбленія — но все это вовсе не потому, чтобы онъ былъ такъ глубоко развращенъ нравственно и лишенъ всякаго самолюбія. Напротивъ, еврей самолюбивѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ. Униженіе еврея происходитъ отъ того, что, съ одной стороны, онъ считаетъ себя — «потомка избраннаго Богомъ народа» — до такой степени выше христіанина, что никакія оскорбленія со стороны послѣдняго не въ состояніи умалить его достоинства; съ другой стороны, онъ считаетъ достиженіе цѣли великимъ умственнымъ торжествомъ; но убѣжденъ, что, въ концѣ концовъ, когда восторжествуетъ надъ вами, окажется тѣмъ самымъ умнѣе и, слѣдовательно, по его понятіямъ, выше васъ: «когда лисица въ случаѣ, ей должно кланяться» (месулла 16), говоритъ опять-таки талмудическое изреченіе, и еврей, кланяясь лисицѣ и унижаясь предъ нею, въ то же время хохочетъ надъ нею въ душѣ, въ полной увѣренности, что будетъ, какъ говорится, и на его улицѣ праздникъ.

Относительно знаменитаго сребролюбія евреевъ — ясно, что оно вытекаетъ прямо изъ ихъ исключительнаго положенія. Народъ этотъ, всегда лишенный самостоятельности, гражданскаго и политическаго развитія, родины, правъ, словомъ всего, что краситъ жизнь другихъ народовъ, и вѣчно нуждающійся въ средствахъ къ оборонѣ отъ притѣснителей, — привыкъ видѣть въ презрѣнномъ металлѣ сильное орудіе и возлагать на него все свое упованіе*). Не мудрено, если въ нихъ развилась страсть къ наживѣ. Еврей любитъ деньги не только за то, что онѣ часто выручаютъ изъ бѣдъ и доставляютъ всѣ житейскія блага, но и за то, что видѣ ихъ радуетъ его сердце.

Надо прибавить къ этому, что еврей тщеславенъ и хвастливъ, не чужды высокомѣрія и надменности. Всѣ евреи страстно любятъ по-

*) И дѣйствительно, богатство евреевъ не разъ спасало имъ жизнь и доставляло имъ разрѣшеніе поселиться въ какой-нибудь странѣ.

хвалы, въ особенности отъ христіанъ, и, не смотря на то, что считаютъ себя лучше ихъ, стараются во многомъ подражать имъ.

Вообще, въ характерѣ евреевъ много противоположностей, какъ это часто видимъ мы и въ характерѣ отдѣльнаго лица, когда его духовное развитіе, вслѣдствіе какихъ-нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, шло ненормальнымъ путемъ. Обвиняютъ также евреевъ въ трусости. Не беремся рѣшить, на сколько справедливо это обвиненіе. Извѣстно только, что народъ этотъ всегда былъ поставленъ въ такое положеніе, что не имѣлъ возможности выработать въ себѣ геройскаго духа. Въ средніе вѣка евреямъ запрещалось даже носить оружіе. Впрочемъ, въ исторіи встрѣчаются не разъ примѣры ихъ храбрости, какъ напр.: въ VI вѣкѣ, они отстаивали Неаполь противъ осаждавшаго его Велисарія. Въ X столѣтіи евреи помогли христіанамъ изгнать богемскихъ разбойниковъ и за то получили право построить синагогу въ Прагѣ. Въ концѣ XIII вѣка во французской арміи было около 30,000 евреевъ. При осадѣ Праги шведами, въ 1648 году, евреи также отличились своею храбростью, и старая синагога ихъ въ Прагѣ еще донынѣ украшена знаменами, взятыми ими при этомъ случаѣ.

Въ новѣйшее время, при Наполеонѣ, евреи были даже генералами, полковыми командирами, кавалерами Почетнаго Легіона и т. п. Въ сраженіи при Ватерлоо, въ англійскомъ войскѣ отличились, по свидѣтельству Веллингтона, многіе еврейскіе офицеры.

Справедливость требуетъ замѣтить, что всѣ дурныя черты, приписываемыя евреямъ, развиты только въ несобразованной средѣ. Въ отношеніи-же образованныхъ евреевъ, цивилизація сдѣлала свое дѣло, и они въ нравственномъ отношеніи стоятъ не только не ниже развитыхъ людей другихъ націй, но нерѣдко даже выше ихъ, тѣмъ болѣе, что, не смотря на вѣковыя угнетенія, въ еврейскомъ народѣ сохранилось много и свѣтлыхъ сторонъ, унаслѣдованныхъ ими отъ отдаленныхъ предковъ.

Къ числу ихъ надо отнести глубокую религіозность, которая всегда соединяла этотъ народъ крѣпкими узами въ одно цѣлое, чему онъ главнымъ образомъ обязанъ сохраненіемъ своей національности, не смотря на разсеянность по всему земному шару между другими народами. Другую свѣтлую сторону еврейскаго характера составляетъ ихъ семейное чувство. Идеаль еврея — домашній очагъ, жена и дѣти, тихое семейное счастье и четыре аршина земли возлѣ отца и матери.

Даже самая страсть къ наживѣ сопряжена у нихъ, главнымъ образомъ, съ желаніемъ не только обезпечить существованіе своей семьи, но и доставить ей обиліе и роскошь. Семейство всегда было для еврея обильнымъ источникомъ его радостей и наслажденій. Еврейскіе родители нерѣдко отказываютъ себѣ въ самомъ необходимомъ лишь-бы ни въ чемъ не отказывать своимъ дѣтямъ, и не страшатся никакой жертвы, лишь-бы доставить имъ лучшее положеніе въ жизни. Евреи рѣдко посылаютъ своихъ дѣтей работать на фабрики, гдѣ они чахнутъ. О маленькомъ ребенкѣ еврейская пословица говоритъ, что «это брилліантъ въ домѣ», а о матери говорится, — что «она должна имѣть широкій передникъ, для того, чтобы закрывать ошибки своихъ дѣтей». Любовь евреевъ къ своимъ дѣтямъ грѣшитъ только тѣмъ, что не всегда знаетъ мѣру, отчего еврейская молодежь бываетъ часто избалована и изнѣжена.

Въ добротѣ и милосердіи евреевъ можетъ убѣдиться всякой, кто захочетъ подробно изучить этотъ народъ и безпристрастно отнестись къ нему.

Въ каждомъ еврейскомъ обществѣ существуетъ много благотворительныхъ учрежденій на счетъ обязательныхъ взносовъ, и развѣ только самый бѣдный еврей уклонится отъ своей обязанности въ этомъ случаѣ. Состоятельные-же евреи всегда помогаютъ не только своимъ бѣднымъ родственникамъ, но и чужимъ. Сердце еврея отъ природы очень впечатлительно, мягко, кратко и сострадательно. Въ

евреѣ легко возбудить участіе къ чужому горю, и надо сказать, что въ этомъ случаѣ онъ не обращаетъ вниманія на различіе національностей. «Кто не смиляется надъ ближними, тотъ навѣрное не происходитъ отъ праотца Авраама» (Талмудъ, тракт. Бецуа 32). Состраданіе евреевъ распространяется не только на людей, но и на животныхъ. Законъ предписываетъ имъ умерщвлять дозволенныхъ въ пищу животныхъ такимъ образомъ, чтобы они какъ можно меньше страдали. Достаточно обратиться къ еврейскому выраженію: это *цааръ баале хаимъ* (мученіе живаго существа), чтобы удержать его отъ жестокаго обращенія съ животными. Пословица «не бросай камень въ колодезь, изъ котораго ты пилъ воду» — доказываетъ, что еврей умѣетъ помнить сдѣланное ему добро. Талмудъ караетъ неблагодарность въ сильныхъ выраженіяхъ, и у еврейскихъ летописцевъ встрѣчаются часто очень иперболическія выраженія благодарности, когда они говорятъ о монархахъ, извѣстныхъ своимъ расположеніемъ къ евреямъ.

Умѣренность составляетъ также одну изъ добродѣтелей евреевъ. Между ними вовсе нѣтъ пьянства. «Живи въ субботу такъ же просто, какъ и въ будни, чтобы тебѣ не нужно было обращаться къ чужой помощи» — гласитъ очень распространенная талмудическая поговорка, и евреи и въ послѣобѣденной молитвѣ молятъ Бога, чтобы онъ предохранилъ ихъ отъ необходимости поддерживать свою жизнь чужою благотворительностью.

Трудолюбіе евреевъ также не подлежитъ сомнѣнію, и они считаютъ трудъ почетнымъ.

Между ними много хорошихъ ремесленниковъ, хотя отчасти, съ одной стороны, привычка и надежда на болѣе скорое обогащеніе, съ другой — можетъ быть слабость тѣлесныхъ силъ заставляютъ ихъ предпочитать всякому другому занятію торговлю.

Надо упомянуть еще объ одномъ чудномъ дарѣ, который евреи унаслѣдовали отъ предковъ и сохранили какъ драгоценный перлъ,

не смотря на всю грязь и кровь, сквозь которыя прошло ихъ существованіе въ теченіи долгихъ вѣковъ. Мы говоримъ объ ихъ музыкальной способности. Между ними мало пѣвцовъ и пѣвицъ, вѣроятно, вслѣдствіе ихъ слабаго сложенія, но много отличныхъ музыкантовъ, и въ новѣйшее время появились извѣстные композиторы.

Скажемъ въ заключеніе, что всѣ дурныя свойства евреевъ, какъ мы видѣли, обусловливаются, главнымъ образомъ, вынесенными ими бѣдствіями, которыя не могли бы не исказить нравственной стороны и всякаго другаго народа. По этому можно смѣло сказать, что съ окончательнымъ освобожденіемъ евреевъ изъ-подъ гнета, тяготящаго надъ ними въ теченіе столѣтій, многія дурныя свойства ихъ характера должны постепенно исчезнуть сами собою, и этотъ умный, талантливый народъ займетъ въ средѣ образованныхъ народовъ такое же мѣсто, какъ и другіе, тѣмъ болѣе, что евреи очень способны къ акклиматизаціи и прогрессу.

Указавъ въ общихъ чертахъ на типическія стороны характера еврейскаго народа, перейдемъ къ описанію его домашняго быта.

Жилища евреевъ, въ главныхъ чертахъ, ничѣмъ не отличаются отъ мѣстныхъ въ томъ краѣ, гдѣ они живутъ. Обыкновенно, помещеніе ихъ разгорожено на нѣсколько отдѣльныхъ коморокъ и у бѣдныхъ евреевъ довольно грязно. На стѣнахъ иногда висятъ плоскія картины, изображающія сцены изъ библейской исторіи, рукописныя молитвы, украшенныя бордюрами, портреты знаменитыхъ раввиновъ и замѣчательныхъ лицъ изъ евреевъ.

Такъ какъ храмъ Іерусалимскій находится на востокѣ, то евреи часто вѣшаютъ на восточной сторонѣ своихъ домовъ, вставленный въ рамку и подъ стекломъ листъ бумаги — *мизрахъ*, исписанный текстами изъ Св. Писанія и украшенный эмблемами: щитомъ Давида, состоящимъ изъ двухъ перекрещивающихся трехугольниковъ, львами, столбами и коронами. Евреи, во время молитвы, всегда становятся лицомъ къ этой сторонѣ. Впрочемъ, мизрахъ вѣшаютъ на

стѣну не потому, чтобы это предписывалъ законъ, но влѣдствіе обычая. На дверяхъ же, форточкахъ и воротахъ своихъ домовъ евреи прибавляютъ пергаментные листы (мезуза) съ главами изъ Св. Писанія о единствѣ Божіемъ, что составляетъ уже предписаніе закона. Набожные евреи, при отдѣлкѣ домовъ своихъ, оставляютъ небѣленое и некрашенное пространство, величиною въ квадратный аршинъ, въ воспоминаніе разрушенія Іерусалима и храма.

Въ домахъ богатыхъ евреевъ бываетъ особая комната для празднованія праздника *скинониія* или *кущей*. Такъ какъ въ этотъ праздникъ законъ запрещаетъ евреямъ ѣсть и пить подъ кровлею, то потолокъ въ этой комнатѣ и кровля надъ нею устроены такъ, что во время праздника ихъ снимаютъ и замѣняютъ дранками, переплетенными ельникомъ и другою зеленью. Не только богатые, но и бѣдные евреи имѣютъ много посуды, такъ какъ законъ запрещаетъ имъ готовить мясное кушанье въ той посудѣ, гдѣ варилось молочное, и наоборотъ.

У богатыхъ евреевъ есть еще особая посуда для праздника пасхи, потому что въ этотъ праздникъ они не могутъ употреблять ту посуду, въ которой готовилось что либо кислое. Бѣдные евреи обходятся въ этомъ случаѣ кое-какъ, чинятъ старую посуду, докупаютъ что-нибудь изъ новой и т. п.

Ни у одного народа пища не подчинена въ такой степени религиознымъ предписаніямъ какъ у евреевъ. Законъ запрещаетъ имъ ѣсть многихъ животныхъ, которыхъ называютъ нечистыми. Безъ сомнѣнія, Моисей, установивъ этотъ законъ, имѣлъ главнымъ образомъ въ виду гигиеническую цѣль, сообразно съ понятіями его времени. Такъ мы видимъ, что онъ, какъ и впоследствии Магометъ, запретилъ употребленіе свинины, пищи очень тяжелой для желудка и въ особенности вредной въ жаркомъ климатѣ. Вообще же, чистыми животными считаются только тѣ, у которыхъ раздвоенное ко-

пыто и которыя пережевываютъ пищу, а именно: коровы, быки, олени, козы, овцы и пр.

Изъ птицъ дозволены только однѣ ручныя: куры, гуси, утки, индѣйки, голуби, воробьи и пр., всѣ же дикія запрещены безъ исключенія.

Изъ рыбъ евреи могутъ ѣсть только тѣхъ, которыя покрыты чешуею и имѣютъ плавники, какъ напр. щуки, лещи, лососи, семга и др. Тѣ же, у которыхъ гладкая кожа или у которыхъ нѣтъ плавниковъ, запрещены.

Запрещены также всѣ земноводныя, пресмыкающіяся и насѣкомыя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ видовъ саранчи. Поэтому, евреи не только не ѣдятъ раковъ и устрицъ, но когда готовятъ что нибудь изъ овощей, внимательно перебираютъ каждый листочекъ, чтобы не попало какихъ либо червяковъ или насѣкомыхъ. На томъ же основаніи не ѣдятъ они и нѣкоторыхъ сортовъ грибовъ. Если лѣтомъ въ мукѣ или крупѣ заведется моль, то ее выбрасываютъ. Животныхъ, употребляемыхъ въ пищу, закалываютъ въ горло гладкимъ и очень остро наточеннымъ ножомъ. Операнія должны быть совершены очень быстро, чтобы животное какъ можно меньше страдало, въ противномъ случаѣ оно считается падалью и запрещеннымъ. У евреевъ существуютъ особые рѣзники, которые учатся этому искусству и получаютъ свидѣтельство отъ раввиновъ. Зарѣзавъ животное, рѣзникъ разсматриваетъ его внутренности, особенно легкія, чтобы удостовѣриться, что оно не имѣло опасной болѣзни. Если же найдетъ признаки, доказывающіе, что не могло бы прожить года, считаетъ его не позволительнымъ, какъ падаль. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ обращается къ раввину.

Внутренности птицъ разсматриваетъ стряпуха, и если замѣтитъ какіе-нибудь признаки болѣзни, относитъ птицу къ раввину, который запрещаетъ или разрѣшаетъ употребленіе ее, по правиламъ, изложеннымъ въ законоучительныхъ книгахъ.

Запрещено также употреблять жиры изъ животнаго и нѣкотора части жира; это вниманіе жиръ требуетъ особаго искусства и тамъ, гдѣ нѣтъ лицъ знающихъ это дѣло, вовсе не употребляютъ задней части животнаго, въ которой находятся эти жиры. Мясо моютъ до тѣхъ поръ, пока оно совершенно очистится отъ крови и солятъ, такъ какъ употребленіе крови, хотя-бы въ самомъ маломъ приемѣ, строго запрещено самимъ Моисеемъ. Привычка никогда не употреблять крови произвела въ евреевъ такое сильное отвращеніе къ ней, что одинъ видъ ея невыносимъ для нихъ.

Моисей, желая искоренить всѣ языческіе обычаи, которыми заразились евреи во времена египетскаго рабства, между прочимъ, запретилъ «варить козленка въ молокъ его матери», такъ какъ язычники приносили въ жертву своимъ идоламъ такое блюдо. Талмудисты, не понимая настоящаго смысла Моисеева закона, со свойственною имъ строгостью, запретили на этомъ основаніи всякое смѣшеніе молочнаго съ мяснымъ. Постановленія Талмуда въ этомъ отношеніи доходятъ до нелѣпой мелочности; такъ, ежели напр., во время стряпни, молочное какъ нибудь попадетъ въ мясное, то кушанье считается уже не дозволеннымъ къ употребленію и выбрасывается. Даже посуда, въ которой произошелъ такой грѣхъ, не годится уже болѣе для стряпни. Послѣ молочной пищи еврей можетъ выполоскать ротъ и ѣсть мясное; но послѣ мяснаго, онъ не можетъ ѣсть молочнаго въ теченіе шести часовъ, ерока, считавшагося достаточнымъ для сваренія пищи въ желудкѣ. Объ этомъ предметѣ существуетъ въ Талмудѣ пространный уставъ.

Напитки всѣ дозволены евреямъ кромѣ винограднаго вина, которое въ древности было главнымъ предметомъ языческаго богослуженія. Но такъ какъ нынче нѣтъ въ Европѣ вина, которое употреблялось бы при языческомъ богослуженіи, то болѣе образованные евреи не придерживаются этого постановленія.

Изъ сказаннаго видно, что пища евреевъ довольно однообразна.

Для придачи ей вкуса они употребляютъ различныя пряности, въ особенности же чеснокъ. Мужчины рѣдко занимаются стряпнею. Одинъ изъ древнихъ обычаевъ, установленный, по преданію пророкомъ Эздрую, предписываетъ евреямъ употреблять только домашній хлѣбъ, а потому всѣ еврейки отлично пекутъ его. Каждую пятницу и наканунѣ всякаго праздника еврейки готовятъ бѣлый хлѣбъ — *хала*, причѣмъ совершается особенный обрядъ и читается благословеніе.

При разныхъ праздникахъ *халы* эти имѣютъ особыя формы. Онѣ дѣлаются круглыя, въ видѣ лѣсенки, трехугольныя съ макомъ и проч. Для приварчи готовятъ также, смотря по роду праздника, то лапшу, то родъ вермишелей, то большія, круглыя клецки и т. п.

Въ субботу евреямъ не дозволено варить, а потому субботній обѣдъ стряпаютъ онѣ въ пятницу передъ вечеромъ и ставятъ въ одномъ большомъ горшкѣ въ теплую печь, гдѣ онъ остается до слѣдующаго дня.

Кушанье это, называемое *шомитъ*, состоитъ изъ самыхъ дешевыхъ припасовъ, а именно: каши, гороха, кугелей, — родъ пироговъ съ жиромъ и говядиною. Обычай готовить дешевыя кушанья на субботу заведенъ для того, чтобы въ этотъ день бѣдные не различались отъ богатыхъ. Говорятъ, будто въ старину евреямъ запретили готовить на субботу разныя кушанья, а дозволили только какое-нибудь одно; тогда евреи ухитрились помѣстить въ одномъ горшкѣ различныя кушанья, что осталось въ обычаѣ и донинѣ.

Еврейки особенно хорошо пекутъ разныя лакомства: изъ тѣста и яицъ съ медомъ, изъ рѣпы, изъ инбиря съ медомъ, также пряники изъ ржаной муки, разныя сахарники съ миндалемъ, варенье и т. п.

Праздничный обѣдъ отличается у народа отъ будничнаго тѣмъ, что въ праздникъ прибавляютъ рыбу и сладкое кушанье изъ моркови, пастернаку и другихъ огородныхъ овощей съ медомъ и мясомъ,

называемое *цимесъ*. Въ постные дни, которыхъ не много у евреевъ, они ничего не ѣдятъ и не пьютъ.

Передъ печальнымъ днемъ разрушенія храма Иерусалимскаго они цѣлую недѣлю употребляютъ только молочную пищу.

Надо замѣтить, что еврей, вообще, очень умѣренный и воздерженъ въ пищѣ. Бѣдные доходятъ въ этомъ отношеніи до невѣроятной экономіи. Кушанья готовятся въ такихъ гомеопатическихъ пропорціяхъ, которыя немыслимы для всякаго другаго не южнаго народа, а для насъ русскихъ въ особенности. Такъ напр., въ бѣдной семьѣ, состоящей изъ 4 или 5 человѣкъ, еврейка ухитрится напитать всѣхъ супомъ, свареннымъ изъ $\frac{1}{4}$ ф. мяса изъ $\frac{1}{2}$ ф. мелкой плотвы. Изъ фунта или двухъ пшеничной муки она напечетъ 6 булокъ, на 3 обѣда, и отдѣлитъ еще немного муки на пирожное. Еврей, имѣющій дохода рубль или полтора въ недѣлю, бываетъ совершенно доволенъ въ свою субботу, такъ какъ не только у него хватаетъ на праздничный обѣдъ въ этотъ день, но останется еще копѣекъ 5 на вино изъ изюма, которое употребительно при благословеніи трапезы.

Но замѣчательно то, что народъ этотъ, воздержанный въ употребленіи пищи и напитковъ,—въ отношеніи одежды, напротивъ, во все времена любилъ роскошь. Живой фантазіи евреевъ очень нравятся, какъ и вообще восточнымъ народамъ, яркія краски, пестрота, блескъ и пышность, «Достоинство Божіе—люди, достоинство людей—ихъ платье» (Дерехъ ерецъ сута, глава 10) говоритъ одно изъ изреченій Талмуда. Еврейскій языкъ выработалъ много синонимовъ для обозначенія слова платье. Виблейскіе ораторы и поэты очень часто употребляютъ метафоры, доказывающія, что воображеніе евреевъ часто увлекалось великолѣпіемъ одежды.

Еврейскій законъ предписываетъ особое платье для субботнихъ и праздничныхъ дней: Талмудъ говоритъ, что ѣсть и пить слѣдуетъ ниже своего состоянія, но одѣваться нужно по своему состоянію. Въ

другомъ мѣстѣ Талмуда говорится, что бѣднымъ должно давать платье, не освѣдомляясь нуждаются ли они въ немъ и заслуживаютъ ли это. Раввинъ Иохананъ называлъ платье «мехабдута», что значитъ придающее почетъ. Талмудъ же вмѣняетъ ученымъ въ обязанность являться между людьми всегда въ опрятномъ и приличномъ платьѣ. И надо сказать, что еврей во все времена такъ усердно слѣдовали въ этомъ отношеніи, предписаніямъ Талмуда, что проповѣдники ихъ не разъ принуждены были возставать противъ ихъ роскоши въ одеждѣ. «Относительно одежды всякій еврей играетъ роль богача», жалуется раввинъ Самуиль Эдельсъ, въ началѣ XIII столѣтія. Еврейскія общины нерѣдко старались обуздать непоумѣрную роскошь одежды строгими мѣрами.

Конечно, еврейское тщеславіе играетъ не маловажную роль въ этомъ случаѣ. Но иногда роскошь одежды бываетъ у евреевъ и дѣломъ расчета. Какъ бы то ни было, страсть эта сохранилась у нихъ донынѣ.

Въ особенности любятъ они драгоценныя каменья, золотыя вещи и яркіе цвѣта, въ чемъ всегда можно убѣдиться при видѣ богатой еврейки въ роскошномъ нарядѣ. У небогатыхъ евреекъ страсть эта проявляется тѣмъ, что онѣ навѣшиваютъ на себя все, что попадетъ имъ подъ руку, изъ дешевыхъ, блестящихъ или нарядныхъ вещей, какъ напр. мѣдныя брошки съ разноцвѣтными стеклушками, такія же цѣпочки, полинялыя ленты, бархатныя мантильи, въ ткани которыхъ уцѣлѣла только основа.

Одинъ очевидецъ рассказываетъ, что видѣлъ, въ одной изъ южныхъ губерній, въ полѣ, еврейку, которая жала траву. На груди у ней былъ приколотъ букетъ изъ полинялыхъ и помятыхъ искусственныхъ цвѣтовъ. И это въ такую пору года и въ такой странѣ, когда вокругъ нея было множество прелестныхъ живыхъ цвѣтовъ. Какъ бы ни была бѣдна еврейка, она никогда не рѣшится надѣть на себя простаго крестьянскаго платья.

Вообще надо сказать, что необразованные евреи, не смотря на свое пристрастие къ яркимъ цвѣтамъ и къ блестящимъ украшеніямъ, не отличаются опрятностью въ одеждѣ.

Въ Россіи до 1845 года они носили особую довольно оригинальную одежду: длинное платье по старинной польской выкройкѣ, опоясанное чернымъ поясомъ, ермолку, сверхъ нее мѣховую шапку и башмаки. Къ этому надо прибавить пейсы т. е. длинные локоны, спускавшіеся по обоемъ вискамъ. Пейсы предписалъ имъ носить Моисей въ отличіе отъ язычниковъ. Женщины же носили на головѣ родъ тюрбана, а на ногахъ туфли, которыя шлепали при каждомъ шагѣ.

Въ 1845 году, правительство издало указъ, чтобы евреи одѣвались такъ, какъ и мѣстные жители. Молодые люди и въ особенности женщины, по своей склонности къ роскоши, обрадовались этому постановленію и даже постарались перещеголять мѣстныхъ щеголихъ и щеголей. Но старикамъ это нововведеніе не очень понравилось и многіе изъ нихъ еще и донынѣ не рѣшились замѣнить свои шелковые жупаны суконными сюртуками.

Это происходитъ отчасти оттого, что набожные евреи избѣгаютъ носить шерстяныя ткани, подозрѣвая примѣсь къ нимъ льняныхъ нитокъ, такъ какъ Моисей запретилъ евреямъ носить одежду изъ шерстяной матеріи пополамъ со льномъ. Раввины же запретили носить шерстяное платье, сшитое льняными нитками. Еврейскіе портные строго соблюдаютъ это при шитьѣ одежды для своихъ соотечественниковъ. Причину этого запрещенія еврейскіе ученые объясняютъ различно: одни полагаютъ, что Моисей желалъ отличить этимъ евреевъ отъ египтянъ, другіе же, — что шерсть и ленъ не надо смѣшивать вмѣстѣ потому, что они были свидѣтелями перваго смертоубійства въ мірѣ, такъ какъ жертвоприношенія Каина и Авеля состояли: перваго изъ льняныхъ стеблей, а послѣдняго изъ овцы.

Особенно смутила стариковъ евреевъ необходимость отказаться

отъ ермолки. По восточному обычаю, они считаютъ что произносить имя Бога, читать молитвы, Св. книги и т. п. не прилично съ обнаженной головою; а такъ какъ они очень часто молятся и читаютъ св. книги, то привыкли никогда не скидывать ермолки.

Впрочемъ нынче пейсы и ермолки встрѣчаются все рѣже. Всѣ евреи отращиваютъ бороду, только очень немногіе брѣютъ ее или подстригаютъ по модѣ.

Есть еще у евреевъ особая одежда, называемая *арбе-каифесъ*. Она состоитъ изъ длинной четырехугольной накидки съ вырѣзкою для шеи. Къ каждому изъ четырехъ концовъ ея привязаны особымъ образомъ шерстяныя или шелковыя нити въ воспоминаніе заповѣдей Вошихъ. У стариковъ она всегда бываетъ бѣлая шерстяная, съ синими полосами, въ подражаніе молитвенному покрывалу. Молодые же люди дѣлаютъ ее изъ разныхъ матерій и въ меньшемъ объемѣ.

Женатые евреи для утренней молитвы надѣваютъ молитвенное покрывало, называемое *талесъ*, изъ бѣлой шерстяной ткани съ синими по краямъ полосами и съ шерстяными кистями по концамъ. Кромѣ того, повязываютъ они на голову и на лѣвую руку повязки, *тафилемъ*, состоящія изъ маленькихъ, четырехугольныхъ, кожаныхъ коробочекъ, въ которыя вложены полоски пергамента съ написанными на нихъ словами Св. писанія объ исходѣ евреевъ изъ Египта и пр. Повязки эти прикрѣпляютъ къ головѣ и рукѣ ремнями изъ телячьей кожи. Кожа, изъ которой дѣлаются эти коробочки, волокна, которыми онѣ сшиваются, ремни, которыми прикрѣпляютъ ихъ къ головѣ и къ лѣвой рукѣ и пергаментъ, на которомъ пишутъ исторію Исхода, готовятся особымъ образомъ, при разныхъ обрядахъ. При вѣнчаніи, въ день отпущенія грѣховъ, въ синагогѣ, иногда въ Пасху, предъ чтеніемъ за столомъ молитвы, надѣваютъ евреи особую бѣлую полотняную одежду, называемую *китель*, одежда эта — смертная рубашка, въ которой хоронятъ мертвыхъ, но живые получаютъ ее въ подарокъ отъ невесты при вѣнчаніи.

Обычай, обряды; общественный бытъ. Караймы.

Еврейская религія догматически возстаёт противъ суевѣрій, но евреи, строго исполняющіе всё ея предписанія въ другихъ отношеніяхъ, въ этомъ случаѣ уклоняются отъ нихъ. Они вѣрятъ, какъ и другіе народы, въ предзнаменованье, въ добрый и худой часъ, въ пагубную силу нечистыхъ духовъ и возможность устранить ихъ влияніе посредствомъ заговоровъ и другихъ чаръ. Многіе предразсудки заимствовали они у народовъ, среди которыхъ живутъ. Такъ, русскіе евреи считаютъ понедѣльникъ несчастнымъ днемъ, встрѣчу со священникомъ худымъ предзнаменованіемъ, встрѣчу водоноса съ полными ведрами благопріятнымъ и т. п.

Толкованіе сновъ имѣетъ у евреевъ большое значеніе. Талмудъ не признаетъ положительнаго вліянія сновъ на судьбу человѣка, но не отрицаетъ знаменательности нѣкоторыхъ сновидѣній. По праздникамъ, читается въ синагогѣ особая молитва объ отвращеніи дурныхъ послѣдствій, которыя предзнаменуютъ дурные сны. Еврей, которому приснится подобный сонъ, посылаетъ утромъ за тремя друзьями и рассказываетъ имъ о своемъ горѣ. Они утѣшаютъ его по установленной формулѣ и читаютъ нѣкоторые стихи изъ Св. Писанія, приличные случаю. Постъ считается самымъ спасительнымъ средствомъ противъ дурныхъ послѣдствій зловѣщихъ сновъ.

При каждомъ новолуніи, еврей, а часто нѣсколько вмѣстѣ, творятъ молитву, всматриваясь въ луну; между прочимъ они произносятъ, подпрыгивая, слѣдующую фразу: «Прыгая, не достигаемъ тебя; такъ да не достигнутъ насъ враги наши». Этотъ обычай, напоминающій идолопоклонство, произошелъ оттого, что луна играетъ очень важную роль при вычисленіи еврейскихъ праздниковъ.

Надо полагать, что во время гоненія на евреевъ, когда каждая ночь грозила имъ рѣзней и грабежемъ въ многочисленныхъ городахъ, раввины пользовались этимъ обычаемъ для того, чтобы хотя разъ въ мѣсяцъ собирать толпы евреевъ для общей охраны и защиты, а потому-то въ молитвѣ упоминается о «врагахъ».

Иногда, во время пожара нѣкоторые евреи употребляютъ для прекращенія его разныя таинственныя средства: нашептываютъ на булку, пишутъ неизвѣстные слова и знаки на клочкахъ бумаги и бросаютъ ихъ въ огонь и т. п.

При болѣзняхъ евреи прибѣгаютъ къ тѣмъ домашнимъ средствамъ, которыя употребляются мѣстными жителями. Они лечатся у своихъ цирюльниковъ и старыхъ бабъ, у татаръ и у еврейскихъ заговаривателей, называемыхъ *баалъ-шемъ*, которые, по мнѣнію ихъ, исцѣляютъ силою чистыхъ духовъ. Въ болѣзняхъ душевныхъ и нервныхъ, какъ напр. при сумашествіи, падучей болѣзни, спазмахъ, дѣтскихъ конвульсіяхъ и т. п. евреи рѣдко обходятся безъ татарина или *баалъ шема*; оба употребляютъ одинаковыя средства: курятъ разными травами, нашептываютъ, чертятъ круги и т. п. не мало важную роль играютъ также при такихъ продѣлкахъ луна и пѣтухъ.

Почти каждая старуха знаетъ какой нибудь заговоръ отъ зубной боли, лихорадки и худого глаза. Если ребенокъ захворалъ—это значитъ, что на него посмотрѣла какая нибудь сосѣдка съ дурнымъ глазомъ; въ такомъ случаѣ знахарка или знахаръ нашептываютъ на рубашку или шапочку ребенка; если знахаръ зѣваетъ во время нашептыванья,—это означаетъ, что болѣзнь пройдетъ. Впрочемъ, ребенка постоянно берегутъ отъ дурнаго глаза. Если онъ красивъ, его нарочно называютъ: «мой арабъ», такъ какъ, по мнѣнію народа, прозвище имѣетъ вліяніе на судьбу ребенка; если у какихъ нибудь родителей дѣти умираютъ маленькими, то при рожденіи младенца называютъ его старикомъ или старухой. Также прибѣгаютъ въ

подобныхъ случаяхъ къ помощи *бааль-шемовъ*, которые имѣютъ своего рода средства къ продолженію жизни дѣтей. Кромѣ того, навѣшиваютъ дѣтямъ на шею разные талисманы, какъ напр. изображеніе на серебряной бляшкѣ одной изъ еврейскихъ буквъ, встрѣчающихся въ имени Іеговы, раковины, ртуть въ футлярчикѣ, талисманъ въ кругломъ футлярчикѣ, насыаемый *мезузе*, а чтобы скорѣй прорѣзывались зубы у дѣтей, надѣваютъ имъ, оправленный въ серебро, волчій зубъ, съ тою цѣлью, чтобы дѣти терли имъ десны, что ускоряетъ прорѣзыванье зубовъ.

Если женщина безплодна, то она старается добыть корень, способствующій будто бы плодородію; о корнѣ этомъ упоминается въ древнихъ еврейскихъ книгахъ и, по мнѣнію одного толкователя, Рахиль выпросила такой корень у сестры своей Лии.

Затѣмъ, перейдемъ къ обычаямъ и обрядамъ, которые въ употребленіи евреевъ при рожденіи, свадьбахъ и похоронахъ.

У евреевъ въ обычаѣ всегда радоваться рожденію ребенка. Тотчасъ послѣ того, какъ появится на свѣтъ новорожденный, бабка, обыкновенно старуха, не обучавшаяся нигдѣ своему ремеслу, обводитъ мѣломъ кругъ на стѣнахъ той комнаты, гдѣ лежитъ мать ребенка. На всѣхъ же дверяхъ, окнахъ и печкахъ навѣшиваютъ лоскуты бумаги, на которыхъ написаны: 120-й псаломъ, изреченія изъ Св. Писанія и разныя кабалистическія имена. Это дѣлается для того, чтобы нечистые духи не могли проникнуть въ ту комнату, гдѣ лежитъ младенецъ съ матерью. Если новорожденный — мальчикъ, то на первой недѣлѣ, каждый вечеръ собираютъ маленькихъ сосѣднихъ мальчиковъ, даютъ имъ гостинцевъ, и они читаютъ молитвы въ комнатѣ родильницы. Въ субботу же вечеромъ, это дѣлаютъ взрослые, которыхъ приглашаютъ къ этому въ синагогѣ. Наканунѣ восьмага дня взрослые люди также читаютъ молитвы всю ночь и, въ восьмой день раввинъ совершаетъ обрядъ обрѣзанія, причѣмъ даютъ младенцу имя.

При рожденіи дѣвочки не исполняютъ этихъ обрядовъ; только въ первую субботу отца приглашаютъ въ синагогу, и канторъ, при чтеніи пятикнижія, нарицаетъ имя новорожденной; у евреевъ даютъ имена дѣтямъ не иначе какъ въ честь покойныхъ родителей, родственниковъ или какихъ нибудь знаменитыхъ людей. Мужчины поздравляютъ мать только въ такомъ случаѣ, если новорожденное дитя мальчикъ. У богатыхъ и у бѣдныхъ евреевъ бываетъ въ этотъ день обѣдъ для гостей. Послѣ обѣда произносятъ благословеніе новорожденному, родителямъ, восприемнику и пр.

Когда мать ребенка приходитъ въ первый разъ въ синагогу, канторъ произноситъ благословеніе ей, младенцу, и бабушкѣ.

Браки у евреевъ заключаются обыкновенно по согласію родителей обѣихъ сторонъ. Женихъ же съ невѣстою иногда даже не знаютъ другъ друга до свадьбы. Бракъ устриваютъ *сваты* составляющіе особое сословіе. Они ведутъ списки всѣмъ холостымъ молодымъ людямъ и дѣвушкамъ, дѣлаютъ предложеніе родителямъ и договариваются съ ними на счетъ условій, за что получаютъ опредѣленное вознагражденіе.

Евреи, исполняя законъ Моисея: «плодитесь и множьтесь», женились прежде чрезвычайно рано. Много также способствовали раннимъ бракамъ сваты, которые всегда не прочь зашибить деньгу. Религіозное рвеніе родителей и усердіе сватовъ доходило до того, что евреи, живущіе въ нашихъ, западныхъ губерніяхъ, выдавали иногда замужъ двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ за четырнадцати лѣтнихъ мальчиковъ. Послѣ свадьбы мужъ продолжалъ посѣщать школу, а жена играть въ куклы. Правительство принуждено было издать указъ, въ силу котораго евреи не могутъ вступить въ бракъ раньше совершеннолѣтія.

Если родители согласны, то созываютъ родственниковъ и знакомыхъ; общественный писаръ пишетъ на еврейскомъ языкѣ актъ, въ которомъ выставляетъ всѣ условія. Старшій изъ родственниковъ

читаетъ этотъ актъ въ слухъ и затѣмъ разбиваютъ какую нибудь глиняную посуду; невѣста рѣдко присутствуетъ при этомъ обрядѣ.

Собравшіеся поздравляютъ жениха и затѣмъ начинается угощеніе, но безъ особенныхъ торжествъ и молитвъ.

Въ субботу, предшествующую дню свадьбы, жениха приглашаютъ въ синагогу читать Пятикнижіе. Когда же онъ возвратится изъ синагоги домой, его поздравляютъ знакомые и родственники, что не обходится безъ угощенія. Въ ту же субботу вечеромъ къ невѣстѣ собираются замужнія женщины и дѣвушки. Музыка играетъ извѣстныя пьесы (земирось), а весельчакъ (бадхенъ) лицо, присутствующее при каждой свадьбѣ, импровизируетъ стихи на разговорномъ еврейскомъ языкѣ. Затѣмъ, каждая женщина танцуетъ съ невѣстою, послѣ чего начинаются общіе танцы и веселье. Вечеромъ, наканунѣ дня вѣчанья, невѣста ходитъ въ сопровожденіи знакомыхъ женщинъ въ баню. Въ день вѣчанья женихъ и невѣста остаются съ самаго утра. Въ домѣ ея родителей собираются женщины. Начинается опять музыка, танцы и импровизація стиховъ, только съ тою разницею, что въ этотъ день импровизируютъ стихи уже не веселаго, а трогательнаго содержанія, такъ что слушательницы обыкновенно проливаютъ слезы. Къ жениху въ это утро собираются мужчины, и бадхенъ приноситъ ему съ музыкою подарки отъ невѣсты.

Подарки эти состоятъ изъ молитвеннаго покрывала и смертной рубашки, о которой мы уже говорили выше. Вручая подарки, бадхенъ декламируетъ стихи, послѣ чего женихъ съ гостями отправляется къ невѣстѣ. Она дожидается его, сидя на стулѣ, посреди комнаты. Женихъ, войдя, накидываетъ ей на голову бѣлую ткань, которая закрываетъ ей лицо, а старики осматриваютъ и невѣсту, и жениха горстями хмѣля или овса, причемъ приговариваютъ: «да умножится тысячами и мірадами».

Друзки жениха и невѣсты должны быть непременно женатые и даже недавно вступившіе въ бракъ. Друзки жениха надѣваютъ

на него смертную рубашку и зажигаетъ два факела; бадхенъ выкликаетъ по очереди родителей и старшихъ родственниковъ обѣихъ сторонъ. Каждый изъ нихъ возлагаетъ руки на голову жениха и невѣсты и благославляетъ ихъ по установленной формулѣ, послѣ чего отправляются туда, гдѣ происходитъ вѣчанье.

Собственно вѣнчальный обрядъ состоитъ въ слѣдующемъ: жениха ставятъ подъ балдахинъ, выставленный подъ открытымъ небомъ, близъ синагоги, и родители невѣсты вмѣстѣ съ нею и шаферами обходятъ вокругъ жениха семь разъ; между тѣмъ канторъ поетъ старинныя гимны. Затѣмъ, раввинъ, держа въ рукѣ бокалъ съ виномъ или медомъ, читаетъ молитвы, даетъ пить изъ бокала жениху и невѣстѣ, послѣ того женихъ надѣваетъ невѣстѣ кольцо на указательный палецъ правой руки, причемъ произноситъ: «этимъ кольцомъ ты вступаешь со мною въ супружество, согласно закону Моисея и Израиля». Раввинъ громко читаетъ брачную запись (косуба), составленную на халдейскомъ языкѣ, потомъ произноситъ семь благословеній, причемъ держать въ рукахъ бокалъ, изъ котораго даетъ опять отпить жениху и невѣстѣ. Затѣмъ онъ разбиваетъ бокалъ въ знакъ того, что всѣ люди созданы изъ праха. Чтеніе молитвъ предъ вѣчаніемъ, записи и благословенія можетъ совершить не раввинъ, но и другое лицо; необходимо только, чтобы при этомъ обрядѣ присутствовало десять взрослыхъ евреевъ.

Возвратясь домой, новобрачные ѣдятъ съ одной тарелки супъ, называемый золотымъ, а гости пируютъ.

По окончаніи обѣда, каждый присутствующій подноситъ новобрачнымъ какой-нибудь подарокъ; бадхенъ объявляетъ о каждомъ подаркѣ съ разными прибаутками и островами, послѣ чего повторяютъ тѣ-же семь благословеній, какъ и при вѣчаніи. Наконецъ невѣсту сажаютъ на стулъ посреди комнаты и почетные гости танцуютъ съ нею по-очереди. Затѣмъ начинается общая пляска. Надо замѣтить, что у евреевъ женщины не пляшутъ съ мужчинами, а каж-

дый полъ отдѣльно. Впрочемъ, этотъ восточный обычай все болѣе и болѣе выводится.

Въ первую субботу послѣ свадьбы знакомыя женщины собираются у новобрачной и провожаютъ ее въ первый разъ въ синагогу, такъ какъ еврейскія дѣвушки не посѣщаютъ синагоги. Если-же невѣста вдова и разведенная, то, кромѣ самаго обряда вѣнчанія, не соблюдаютъ никакихъ другихъ обрядовъ, и даже вся свадьба происходитъ безъ музыки.

Погребеніе совершаютъ слѣдующимъ образомъ: когда еврей опасно болѣнъ, раввинъ или какое-нибудь другое вліятельное лицо напоминаетъ ему о необходимости сдѣлать послѣднее распоряженіе — завѣщаніе — и прочесть исповѣдь. При приближеніи послѣдней минуты, окружающіе умирающаго зажигаютъ свѣчи и громко читаютъ приличные этому случаю стихи изъ Св. Писанія. Когда еврей умретъ, тѣло кладутъ на полъ, на солому, лицомъ къ верху, выпрямивъ пальцы рукъ и закрывъ вѣки. Затѣмъ закрываютъ покойника чернымъ платьемъ и ставятъ въ головахъ свѣчу. Плачущая семья окружаетъ трупъ, а въ сосѣднихъ домахъ выливаютъ воду въ знакъ того, что вблизи есть покойникъ.

Погребеніе есть дѣло благотворительности. Имъ занимаются члены братства погребателей, которое существуетъ въ каждомъ обществѣ и называется «святымъ братствомъ», такъ какъ члены его обязаны хоронить безъ малѣйшаго различія, какъ самыхъ богатыхъ, такъ и самыхъ бѣдныхъ. Лишь только извѣстятъ ихъ о смерти какого-нибудь еврея, они тотчасъ явятся въ домъ покойнаго, омываютъ тѣло теплою водою, затѣмъ ставятъ его на ноги; три погребателя совершаютъ обрядъ очищенія, т. е. окачиваютъ покойника чистою водою, при чемъ произносятъ три раза: *«тогоръ, тогоръ, тогоръ»*, т. е. чистъ, чистъ, чистъ. Въ это время родные умершаго, горящіе о покойномъ, раздираютъ себѣ воротъ верхняго платья вершка на два и не зашиваютъ до окончанія дня гореванія. Этотъ

обычай называется *крія* и основанъ на Св. Писаніи. Омывъ трупъ, погребатели одѣваютъ его въ смертную одежду. Прежде всего надѣваютъ рубашку съ длинными рукавами, которые зашиваютъ наглухо у оконечностей, потомъ очень длинныя брюки, также зашитыя внизу наглухо, такъ-что руки и ноги бываютъ совершенно покрыты.

Поверхъ этого надѣваютъ китель, или смертную рубашку, полученную въ день свадьбы въ подарокъ отъ невѣсты.

Для тѣхъ покойниковъ, у которыхъ нѣтъ такой рубашки, и для женщинъ — шьютъ ихъ нарочно; рубашку опоясываютъ холстиннымъ пояскомъ, такъ что узелъ приходится спереди. Наконецъ, на мужчинъ надѣваютъ молитвенное покрывало и длинный холстинный колпакъ. Затѣмъ, покойника окутываютъ въ большое полотняное покрывало, концы котораго завязываютъ вверху и внизу, и развязываютъ только тогда, когда положить тѣло въ гробъ. Всѣ смертныя одежды должны быть бѣлыя, холстинныя, какъ у богатаго, такъ и у бѣднаго.

Умершихъ женщинъ моютъ и одѣваютъ женщины. Братство-же погребателей приступаетъ къ похоронамъ тогда уже, когда тѣло совершенно готово. Покойника везутъ до кладбища на лошадяхъ; по особеннымъ почетомъ считается у евреевъ, если тѣло несутъ на носилкахъ, на плечахъ, четверо евреевъ. Въ мѣстечкахъ, гдѣ живетъ много евреевъ, обычай этотъ въ употребленіи.

Въ вырытую могилу ставятъ нижнюю часть гроба или просто выстилаютъ ее досками. Два члена братства опускаютъ тѣло въ гробъ, затѣмъ развязываютъ саванъ, покрываютъ гробъ крышкою или просто досками и засыпаютъ землею. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возятъ тѣло умершихъ на лошадяхъ, обряды очищенія и одѣванія совершаютъ не въ домахъ, а въ особой комнатѣ, устроенной для этой цѣли на кладбищѣ, такъ какъ послѣ исполненія этихъ обря-

довъ, нельзя уже везти тѣло на лошадяхъ, а надо непременно нести его на носилкахъ, на плечахъ.

По окончаніи погребенія одинъ изъ членовъ братства, отъ имени своего общества, родственниковъ умершаго и знакомыхъ просить у него прощенія, если, по невѣдѣнію, не исполнены всѣ требованія, соотвѣтственныя его чести. Послѣ того читаютъ молитвы.

Горюющихъ родственниковъ провожаютъ до дома, гдѣ они должны исполнить обрядъ гореванія, т. е. просидѣть семь дней бо-сикомъ на посланномъ на землѣ тюфякѣ или на низенькой скамейкѣ. Обрядъ этотъ наблюдаютъ только самые близкіе родные: сынъ, дочь, отецъ, мать, братъ, сестра, мужъ и жена. Дальніе-же родственники не участвуютъ въ немъ. Горющіе всѣ семь дней должны молиться и читать библію, а именно: книгу Іова, Іереміи и др. Родственники, сосѣди и пріатели каждый день навѣщаютъ и утѣшаютъ горюющихъ. Первый обѣдъ послѣ похоронъ приносятъ имъ сосѣди. Въ годовщину смерти родителей, наслѣдники постятся, зажигаютъ свѣчу въ синагогѣ, молятся при кивотѣ, читаютъ установленную молитву, ходятъ на кладбище, раздають милостыню для спасенія души умершаго и соблюдаютъ это каждый годъ до самой своей смерти.

Въ празднованіи праздниковъ особенно выдаются на видъ глубокая набожность евреевъ, ихъ приверженность къ древнимъ религиознымъ постановленіямъ и теплое, семейное чувство. Всѣ ихъ праздники установлены еще въ библейскія времена, или въ ближайшія къ нимъ, и справляются точно также, какъ справляли ихъ за десятки столѣтій предъ нынѣшнихъ евреевъ. Въ празднованіи ихъ нѣтъ ничего веселаго и шумнаго, какъ у другихъ народовъ. Еврей проводитъ торжественные праздничные дни патриархальнымъ образомъ, въ кругу своего семейства, въ чтеніи священныхъ книгъ и молитвъ.

Въ субботу отецъ и мать кладутъ свои руки на голову дѣтей и благословляютъ ихъ; мужъ, возвратясь домой изъ синагоги, при на-

ступленіи субботы, привѣтствуетъ жену 31-ю главою притчей Соломона — гимномъ, возвѣщающимъ достоинство и славу «доблестной женщины». Всѣ члены семьи собираются вокругъ накрытаго стола, за скромную трапезу, которою, какъ мы уже сказали выше, въ главѣ о пицци, богатые не должны отличаться въ субботній день отъ бѣдныхъ.

Впрочемъ, Еврейскіе толкователи Моисеева закона запечатлѣли празднованіе субботы чрезвычайно мелочною строгостью. По этому поводу написанъ цѣлый уставъ, называемый субботнимъ. Запрещеніе работать въ этотъ день доходитъ у евреевъ до нелѣпости. Для набожнаго еврея въ субботу все грѣхъ. Если онъ ступить ногою въ рыхлую землю — грѣхъ, потому что вытащить погу требуетъ усилія. Если онъ нечаянно сломалъ соломинку, порвалъ волосъ, убилъ насѣкомое — также грѣхъ. Ызда въ субботу запрещена на томъ основаніи, что, пожалуй, ѣздокъ *сломитъ* вѣтку, для употребленія ея вмѣсто бича. Даже ходить пѣшкомъ въ субботу разрѣшено только въ границахъ двухъ верстъ отъ мѣста населенія.

Еврей можетъ нарушить субботній уставъ только ради спасенія жизни погибающаго.

Праздникъ Пасхи считается самымъ главнымъ изъ еврейскихъ праздниковъ. Его дожидаются съ нетерпѣніемъ, и въ послѣднюю предпраздничную недѣлю во всѣхъ еврейскихъ домахъ начинаютъ дѣятельно приготовляться къ нему*). Въ эту недѣлю моютъ и чистятъ все въ домѣ; даже такія вещи, которыя не употреблялись въ теченіе цѣлаго года, вынимаются изъ кладовыхъ и чулановъ и принимаютъ праздничный видъ. Вокругъ домовъ развѣшиваютъ на шестахъ и веревкахъ перины, шерстяныя одѣяла, бѣлье и другую одежду, для того чтобы провѣтрить все это. Матери выгоняютъ изъ до-

*) Это особенно замѣтно въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній, гдѣ живетъ много евреевъ.

мовъ дѣтей, которыя мѣшаютъ имъ работать, и ребятишки, со смѣхомъ и гамомъ, валяются на соломѣ, выброшенной съ кровати на улицу. А на улицѣ стоитъ столбомъ пыль и ярко сіяетъ весеннее солнце. Въ домахъ моютъ и скоблятъ полы и столы, бѣлятъ стѣны; на кухняхъ пекутъ опрѣсноки и разныя лакомства. Такъ какъ евреи въ недѣлю Пасхи не могутъ ѣсть хлѣба, замѣшаннаго на дрожжахъ, то эти опрѣсноки, или *мацы*, готовятъ изъ пшеничной муки и воды, не только безъ дрожжей, но даже и безъ соли. Въ этотъ великій праздникъ забота и печаль не должны никого томить, а потому богатые приглашаютъ къ себѣ бѣдныхъ; другимъ-же бѣднымъ даютъ сладкое вино и все, что нужно для празднованія праздника.

Но вотъ насталъ первый пасхальный вечеръ. Во всѣхъ еврейскихъ домахъ — миръ и тишина. На столѣ, накрытомъ чистою скатертью, ярко горятъ пять свѣчей. Мѣдные канделябры блестятъ какъ золотые. Подъ шелковою салфеткою лежатъ мацы, печенныя яйца, плоды, медъ, сладкіе и горькіе овощи, рядомъ съ ними переплетенные и непереплетенные молитвенники, въ которыхъ разсказывается исторія Пасхи — исходъ евреевъ изъ Египта. Женщины и дѣти, разодѣтыя въ лучшія платья, сидятъ молча вдоль стѣнъ. Въ другой комнатѣ мужскіе голоса читаютъ исторію исхода изъ Египта, съ особенными традиціонными интонаціями голоса, свято соблюдаемыми при этомъ чтеніи. Всѣ дожидаются главы семейства, который запоздалъ въ синагогѣ.

Наконецъ онъ входитъ, и, при появленіи его, со всѣхъ сторонъ раздается привѣтъ: «Gut Lam Tow» (добраго праздника)! Всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ. Сѣдой старикъ, съ выразительною еврейскою фізіономіею, съ черными еще блестящими глазами, въ которыхъ свѣтится радостное чувство, обходитъ вокругъ стола, тихо читая молитву. Дойдя до приготовленнаго ему сидѣнья предъ столомъ, устланнаго коврами и подушками, онъ останавливается и надѣваетъ лежащую тутъ-же бѣлую смертную рубаху. Эта смертная рубашка,

или саванъ, посреди яркаго освѣщенія, веселыхъ лицъ и всей праздничной обстановки, напоминаетъ пиры древнихъ египтянъ, когда, въ моментъ самаго разгара веселья, вносили въ пиршественную залу муміи предковъ, для напоминанія о томъ, что земное веселье и радость не вѣчны.

Надѣвъ саванъ, глава семейства садится на приготовленное для него почетное мѣсто. Одна изъ дочерей подноситъ ему тазъ и кружку съ водою и три раза обливаетъ концы его пальцевъ. Обычай этотъ сохраняется въ воспоминаніе того, что въ то время, когда еще горделиво высился іерусалимскій храмъ, іудейскіе священнослужители предъ каждымъ священнодѣйствіемъ омывали руки. Впрочемъ, каждый еврей — священнослужитель, такъ какъ онъ имѣетъ право освящать брачный союзъ, хоронить, связывать, расторгать и совершать всякое священнодѣйствіе, не принявъ священства. Надѣвъ саванъ, глава семейства наливаетъ бокаль и произноситъ благословеніе надъ виномъ. Указывая рукою и глазами на лежащіе на столѣ три мацы, онъ говоритъ: «Такой хлѣбъ ѣли праотцы наши въ Египтѣ; кто голоденъ — пусть раздѣлитъ его съ нами; кто терпитъ нужду — пусть приметъ участіе въ нашей трапезѣ». Евреи произносятъ эту фразу, сядя за столъ въ первые два вечера Пасхи, и какой-бы бѣдный, неизвѣстный соотечественникъ ни зашелъ къ нимъ въ эти вечера, его принимаютъ радушно и, не спросивъ даже его имени, приглашаютъ раздѣлить трапезу.

Затѣмъ всѣ садятся за столъ, раскрываютъ молитвенники и начинается чтеніе «Гагады» (Разсказъ объ исходѣ евреевъ изъ Египта).

Первую половину Гагады прочитываютъ до ужина, вторую же по окончаніи его.

Чтеніе заканчивается радостнымъ восклицаніемъ: «Теперь мы рабы, но въ будущемъ году мы будемъ свободны!»

Въ этомъ восклицаніи выражается вся сущность еврейской религіи — непоколебимое упованіе евреевъ въ лучшую будущность, под-

держивавшее этотъ народъ въ самые тяжкіе историческіе моменты его существованія.

Въ праздникъ Нового года евреи читаютъ молитвы, въ которыхъ просятъ Бога объ уничтоженіи на землѣ всякаго зла и о соединеніи всего человѣчества въ одно царство любви и мира. Праздникъ Умиловленія или отпущенія грѣховъ,—одинъ изъ великихъ дней у еврейскаго народа. Празднованіе его запечатлѣно мрачно-торжественнымъ характеромъ. Мѣсяцъ, въ который бываетъ этотъ праздникъ, называется мѣсяцемъ покаянія, потому что въ продолженіе его евреи изнуряютъ тѣло свое постомъ и очищаютъ души молитвою. Предъ наступленіемъ великаго дня они прощаютъ всѣ грѣхи другъ другу, ходятъ на кладбища, на могилы родителей и просятъ ихъ заступничества предъ Богомъ. Въ самый день праздника, въ полуденной молитвѣ описанъ обрядъ, совершавшійся нѣкогда въ Иерусалимскомъ храмѣ. Особенно характеристично то мѣсто, гдѣ говорится о томъ моментѣ, когда все, что только носитъ *талесъ* и *теориминъ*, повергалось ницъ, съ пламенной молитвою, и появлялся первосвященникъ. По словамъ поэта, онъ походилъ на:

«На балдахинъ, возвышающійся надъ обитателями высей;
На лучи, исходящіе изъ носильщиковъ божественной колесницы;
На гіацинтовые шнуры на концахъ платья;
На радужный цвѣтъ, сквозь облака пробивающійся;
На пышную одежду, въ которую Богъ облачилъ творенье;
На розу, возросшую въ райскихъ садахъ;
На бриллиантовую діадему на царскомъ челѣ» и пр.

Праздникъ Кущей евреи справляютъ съ такою же торжественностію, какъ и въ древнія времена. Въ эти дни они не могутъ ѣсть подъ кровлею, а потому строятъ на дворахъ будки, въ которыхъ крыши замѣняются навѣсами изъ ельника. Внутреннія стѣны будокъ также убираются зеленью и плодами.

Праздникъ освобожденія отъ закятаго врага евреевъ, Амана называемый также праздникомъ Эсфири, единственный изъ еврейскихъ праздниковъ, имѣющій болѣе веселый характеръ. Хозяйки пекутъ къ этому дню трехугольные пироги съ макомъ, называемые карманами Амана. Польскіе евреи устраиваютъ театральныя представленія, въ которыхъ Аманъ появляется обыкновенно на ходуляхъ, затѣмъ, чтобы всѣ могли лучше видѣть его. Пьеса импровизируется, что даетъ случай еврейскимъ острякамъ выказать въ полномъ блескѣ свое остроуміе и юморъ.

Кромѣ этихъ праздниковъ, есть еще у евреевъ одинъ не періодическій, но который можно причислить къ народнымъ. Каждый, достаточный еврей обязанъ заказать для себя свитокъ Пятикнижія для чтенія въ синагогѣ, писанный на пергаментѣ. Такой свитокъ бываетъ обыкновенно въ три четверти аршина и стоитъ отъ ста до пятидесяти рублей и дороже. Пишется онъ древнимъ еврейскимъ, квадратнымъ шрифтомъ. Переписчики исполняютъ свое дѣло добросовѣстно, потому что считаютъ его не ремесломъ, а священнымъ занятіемъ. Особенное вниманіе обращаютъ на корректуру, почему оригиналъ Св. Писанія сохранился у евреевъ десятки вѣковъ, безъ опечатокъ и измѣненій. Листы пергамента шиваются овечьими жилами; къ обоимъ концамъ его прикрѣпляютъ палки съ ручками внизу и головками вверху, и на эти палки наворачиваютъ свитокъ съ обѣихъ сторонъ.

Когда свитокъ готовъ, переписчикъ оставляетъ въ концѣ его нѣсколько недописанныхъ строчекъ. Хозяинъ свитка приглашаетъ къ себѣ родственниковъ, друзей и знакомыхъ, и каждый, кто умѣетъ, пишетъ въ концѣ свитка одну букву; кто же не умѣетъ, за тѣхъ пишетъ переписчикъ, при чемъ всѣ присутствующіе жертвуютъ ему сколько нибудь денегъ. Приглашенные на этотъ праздникъ женщины шиваютъ листы пергамента овечьими жилами. Къ вечеру приносятъ изъ синагоги балдахинъ, подъ которымъ вѣнчаютъ, надѣ-

ваютъ на свитокъ шелковый чахоль, серебрянную корону и навѣшиваютъ разныя серебрянныя украшенія; женщины берутъ въ руки зажженныя свѣчи, а мужчины окружаютъ балдахинъ; служитель синагоги вызываетъ каждаго по имени. Вызванный беретъ на руки свитокъ и такимъ образомъ его относятъ съ музыкою изъ дома хозяина до синагоги, которая всегда бываетъ по этому случаю ярко освѣщена и гдѣ обыкновенно уже дожидается процессія—толпа народа. Почетнѣйшія лица вынимаютъ изъ кивота стоящія тамъ свитки и выходятъ на встрѣчу къ новому. Хозяинъ вноситъ свитокъ въ синагогу, при чемъ канторъ и собравшійся народъ поютъ псалмы; затѣмъ хозяинъ вставляетъ свитки въ кивотъ, а канторъ произноситъ благословеніе. По окончаніи церемоніи, знакомые провожаютъ хозяина на домъ съ музыкою, и праздникъ заканчивается пиромъ.

Впрочемъ, этотъ праздникъ случается очень рѣдко, такъ какъ только богатые евреи могутъ заказывать свитки; другіе же довольствуются общественнымъ; къ тому же хозяинъ новаго свитка вносить его иногда въ синагогу безъ всякой церемоніи, такъ какъ торжественность въ этомъ случаѣ не обязательна.

Карточныхъ игръ евреи не любятъ. Обыкновенно они играютъ въ карты только въ восемь дней праздника Макавеевъ, который бываетъ около декабря. Любимое ихъ препровожденіе времени чтеніе древнихъ легендъ. Впрочемъ, они охотно играютъ въ шашки и шахматы.

Танцы у евреевъ бываютъ очень рѣдко. Женщины танцуютъ только на свадьбахъ, мужчины также въ послѣдній день праздника кушей и иногда въ праздникъ Амана.

Пѣніе евреевъ отличается грустнымъ характеромъ и похоже на церковное. Они поютъ за столомъ въ субботу и праздничные дни.

Въ каждомъ сколько нибудь значительномъ еврейскомъ обществѣ есть оркестръ, состоящій изъ скрипки, кларнета, контрабаса, иногда также прибавляютъ къ нимъ цимбалы, бубны и проч. Музы-

канты рѣдко знакомы съ правилами музыки, но при врожденномъ еврейскъ музыкальномъ талантѣ исполняютъ пьесы съ самою гармоническою отчетливостью.

Они играютъ на свадьбахъ, также въ синагогѣ, при перемоніи вложенія новыхъ свитковъ, при чтеніи Пятикнижія, при зажиганіи свѣчей въ первую ночь праздника Макавеевъ и пр.

Евреи не имѣютъ раздѣленія на касты въ гражданскомъ смыслѣ, но въ духовномъ или, лучше сказать, въ синагогальномъ они дѣлятся на три разряда: *каганы*, *левиты* и *израилы*. Каганы и левиты происходятъ изъ поколѣній Левія, третьяго сына Іакова, а именно: каганы отъ Аарона, а левиты отъ другихъ потомковъ Левія. И тѣ, и другіе пользуются въ народѣ разными преимуществами, состоящими въ почестяхъ по синагогальнымъ обрядамъ.

Израилы же все стоятъ на ровной степеніи и только превосходство умственныхъ способностей и нравственности доставляетъ имъ почетъ и уваженіе.

Въ отношеніи образованія евреи раздѣляются также на нѣсколько категорій. Къ первой степеніи принадлежатъ высоко-ученые (годоль), превосходно-ученые (галонъ) — т. е. первостепенные евреи, отличающіеся въ познаніи богословія и пользующіеся высокимъ нравственнымъ уваженіемъ въ своемъ частномъ быту.

Ко второй категоріи принадлежатъ просто ученые (ласидамъ), отличные (муфлекъ) и пр.

Къ третьей — книжники (іудеа сефферъ), т. е. люди, не имѣющіе положительнаго значенія въ дѣлахъ религіи, но и не совершенно чуждые еѣ. Этотъ классъ самый многочисленный, потому что почти каждый еврей получаетъ такое воспитаніе, которое даетъ ему право пользоваться этимъ званіемъ. И наконецъ неучи (амъ-га-арець), простаки (гедіотъ) т. е. такіе евреи, которые хотя и умѣютъ читать, а иногда даже и писать кое-какъ, но не имѣютъ никакихъ богословскихъ знаній: они не пользуются никакимъ почетомъ у народа, если

КАРАИМЫ.

КАРАИМЫ.

только не выкупают своего невѣжества порядочнымъ богатствомъ и щедрыми благодѣяніями.

Впрочемъ, неучей евреевъ очень немного. Всякій отецъ, если только онъ не положительно нищій, старается дать образованіе своему сыну. Мальчиковъ начинаютъ обучать съ пяти и даже четырехлѣтняго возраста. Состоятельные родители приглашаютъ на домъ учителя *мелаида*; дѣти же болѣе бѣдныхъ родителей посѣщаютъ еврейскія школы, называемыя *хедерами*; въ этихъ школахъ учится обыкновенно не болѣе десяти или пятнадцати мальчиковъ. Способъ обученія совершенно своеобразный. Главный и почти исключительный предметъ обученія составляетъ Талмудъ — еврейская сокровищница всевозможной премудрости.

Еврейскій юноша въ теченіе многихъ лѣтъ корпѣетъ и чахнетъ надъ изученіемъ различныхъ хитросплетеній. Изъ этого выходитъ то, что молодой еврей, прошедшій весь курсъ въ еврейской школѣ хотя бы самымъ блистательнымъ образомъ — по окончаніи его, оказывается все-таки совершенно неподготовленнымъ ни къ какой дѣятельности кромѣ еврейскаго богословія, и его нельзя даже назвать образованнымъ въ европейскомъ значеніи этого слова. По выходѣ изъ школы, родители первымъ долгомъ — женятъ его, даютъ ему, смотря по своимъ средствамъ, какой нибудь капиталъ, — и молодой ученый хватается за излюбленное всѣми евреями занятіе — торговлю. Только въ такомъ случаѣ, если ему не повезетъ на этомъ поприщѣ и онъ претерпитъ полнѣйшее крушеніе въ торговыхъ дѣлахъ, пользуется онъ полученнымъ образованіемъ и поступаетъ, смотря по степени своихъ познаній, въ равнины, канторы, рѣзники, мелаиды и другія духовныя должности. Прежде еврейскія школы не были подчинены вліянію правительства и въ мелаиды поступали иногда лица, не имѣющія никакихъ свѣдѣній. Нынче же, еврейскія школы подчинены вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія и отъ

евреевъ требуютъ, чтобы они были въ состояніи выдержать экзаменъ для поступленія въ мелаиды.

Страсть евреевъ къ торговлѣ извѣстна всему свѣту; какимъ бы ремесломъ ни занимался еврей, онъ всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и торгашъ. Онъ вѣчно готовъ покупать, продавать, мѣнять и дѣлать разныя торговыя сдѣлки.

У насъ въ Россіи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живетъ много евреевъ, они, при своей настойчивости и изворотливости, обыкновенно умѣютъ прибирать въ руки всю мѣстную торговлю и держать этимъ крестьянъ въ зависимости, иногда даже разоряютъ ихъ такъ, что становятся настоящимъ бичемъ края. Одинъ изъ главныхъ и самыхъ пагубныхъ источниковъ ихъ вліянія на крестьянъ — представляетъ ремесло шинкаря и корчмаря. Еврей — шинкарь всегда привѣтливъ и ласковъ съ крестьяниномъ, какъ говорится, мягко стелетъ, — водитъ съ нимъ дружбу и отпускаетъ ему въ долгъ водку, отчего крестьянинъ пріобрѣтаетъ привычку къ пьянству.

Если же крестьянинъ не разоренъ, но ему нужна въ деньгахъ еврей охотно даетъ ему и денегъ въ займы, но разумѣется подъ залогъ вещей и подъ большіе проценты, что также тяжело отзывается на хозяйственномъ бытѣ крестьянина. Въ западныхъ губерніяхъ и въ Малороссіи почти всѣ шинки и корчмы содержатся евреями. Въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ они занимаются также ремесломъ факторовъ, т. е. комисіонеровъ.

Стѣснительное и жалкое положеніе евреевъ, сгущенныхъ въ городахъ и привыкшихъ легкими средствами добывать себѣ насущный кусокъ хлѣба, создало совершенно особый классъ — факторовъ. Лицо это типическое, свойственное одному только еврейскому населенію. Факторъ служитъ посредникомъ между покупателемъ и продавцомъ.

Изъ ремеселъ еврей занимается преимущественно часовымъ мастерствомъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, портняжнымъ ремесломъ

шапочнымъ, красильнымъ, столярнымъ, котельнымъ, кузнечнымъ, ба-
совнымъ и пр.

Изъ промысловъ они въ особенности любятъ извозъ.

Во всѣхъ еврейскихъ обществахъ существовало съ давнихъ вре-
менъ управленіе, называвшееся *кагаломъ*, которое завѣдывало состав-
леніемъ народныхъ переписей, сборомъ податей, отиравленіемъ про-
чихъ повинностей, составленіемъ бюджета общественныхъ расхо-
довъ, отысканіемъ источниковъ для нихъ, разборомъ распрей между
евреями посредствомъ гласнаго судопроизводства и т. п. Но въ на-
чалѣ пятидесятихъ годовъ, вслѣдствіе злоупотребленій нѣкоторыхъ
кагальниковъ, управленіе это было уничтожено и евреи во всѣхъ
своихъ дѣлахъ подчинены мѣстнымъ управленіямъ.

Не смотря на бѣдность быта, у евреевъ очень много благотвори-
тельныхъ учрежденій. Въ каждомъ, даже немногочисленномъ еврей-
скомъ обществѣ есть непременно *братство погребателей*, суще-
ствующее на счетъ единовременныхъ или годичныхъ пожертвованій.
Въ вѣдѣніи общества состоитъ особое, собственное кладбище, гдѣ
богатые евреи покупаютъ себѣ почетныя мѣста.

Въ каждомъ обществѣ есть также братство: «*хлѣбъ бѣднымъ*»
(лехемъ эліонимъ). Доходъ этого братства состоитъ изъ постоян-
ныхъ взносовъ его членовъ и другихъ добровольныхъ пожертвованій,
какъ деньгами, такъ и хлѣбомъ. Каждую недѣлю, особенно наканунѣ
субботнихъ и праздничныхъ дней, староста братства раздаетъ бѣд-
нымъ пособіе изъ этихъ пожертвованій.

Братство *Посыщенія больныхъ* оказываетъ помощь бѣднымъ боль-
нымъ евреямъ: доставляетъ имъ врачей, отпускаетъ бесплатно ле-
карство и иногда содержитъ на свой счетъ семейство больнаго до
его выздоровленія. Братство *Талмудъ-Тора* заботится о воспитаніи
сиротъ и дѣтей самыхъ бѣдныхъ евреевъ и доставляетъ имъ два
раза въ годъ одежду лѣтнюю и зимнюю. Сиротъ, не способныхъ къ

книжному ученію, общество отдаетъ въ науку къ ремесленни-
камъ. Братство *Гемилузъ-Хосодимъ* выдаетъ небогатымъ евреямъ
для мелкихъ оборотовъ ссуды безъ процентовъ, подъ залогъ или подъ
поручательство болѣе состоятельныхъ соплеменниковъ. Братство
Мальбишъ-арумимъ и *газнасасъ-кала*, т. е. одѣваніе нагихъ и
вспомоществованіе невѣстамъ, существуютъ только въ многочислен-
ныхъ обществахъ. Первое доставляетъ одежду бѣднымъ евреямъ,
особенно зимою, второе же помогаетъ небогатымъ евреямъ при всту-
пленіи въ бракъ. Кромѣ того, есть разныя духовныя братства, имѣ-
ющія исключительно благочестивыя цѣли.

У евреевъ всегда существовали различныя религіозныя секты,
какъ это доказываютъ секты фарисеевъ и садукеевъ, о которыхъ
говорится въ Новомъ Завѣтѣ.

Самая замѣчательная изъ существующихъ нынѣ сектъ — Караи-
мы. Она возникла въ царствованіе халифа Альмансора. Поводомъ
къ ея образованію было пристрастіе одного Решъ-Гелута *), кото-
рый отставилъ извѣстнаго между евреями Анана бенъ-Давида отъ
должности начальника школы и предпочелъ ему менѣе ученаго бра-
та его. Ананъ сталъ проповѣдывать противъ раввиновъ и отверг-
нулъ всѣ раввинскія преданія. Его обвинили за то предъ хали-
фомъ, какъ возмутителя общественнаго спокойствія, и халифъ ве-
лѣлъ заключить его въ темницу. Ананъ рассказалъ своему товари-
щу, узнику, за что его преслѣдуютъ раввины, и утверждалъ, что
вовсе не думалъ основывать новой религіи, но только хотѣлъ возста-
новить еврейскую въ ея первоначальной чистотѣ. Товарищъ посо-
вѣтывалъ ему представить дѣло на судъ халифа. Ананъ дѣйстви-
тельно просилъ аудіенціи у халифа, и тотъ вскорѣ велѣлъ освобо-
дить его. Тогда Ананъ отправился въ Палестину, гдѣ приобрѣлъ

*) Глава восточныхъ евреевъ.

много приверженцевъ, такъ что вскорѣ образовались цѣлыя общества караимовъ.

По мнѣнію новѣйшихъ ученыхъ, и въ томъ числѣ Фирковичей, караимы суть татары, принявшіе законъ Моисея.

Караимы признаютъ истиннымъ только ученіе Моисея, отвергая всѣ талмудическія постановленія и преданія и большею частію держатся буквы Св. Писанія. Такъ у нихъ считается уже грѣхомъ разрѣзывать пищу въ субботу, потому что, по буквальному *смыслу библіи*, въ этотъ день запрещена всякая работа.

Прежде они даже не зажигали по субботамъ свѣчей, потому что въ второй книгѣ Моисея сказано: «не жгите во всѣхъ вашихъ жилищахъ огня въ субботу». Но уже болѣе двухсотъ лѣтъ какъ это не соблюдается, такъ какъ караимскіе ученые имѣютъ право дѣлать религіозныя измѣненія, если они не противорѣчатъ буквальному смыслу библіи. Въ субботу караимы остаются цѣлый день на *одномъ мѣстѣ*, основываясь также на изреченіи Моисея: «да останется каждый на своемъ мѣстѣ и пусть никто не оставитъ его въ седьмый день».

Они занимаются преимущественно ремеслами, земледѣліемъ и торговлею. Отличительныя черты ихъ честность и прилежаніе. Они почти всегда готовы помочь нуждающемуся и обѣдѣвшему собрату и очень строго относятся къ своимъ собственнымъ поступкамъ. Они очень богомольны, часто постятся и охотно предпринимаютъ путешествія въ Иерусалимъ къ гробомъ ихъ предковъ. Когда мальчику-караиму исполнится семь лѣтъ, его вводятъ въ храмъ, остригаютъ ему тогда въ первый разъ волосы и даютъ выпить немного вина. Для омовенія и одѣванія покойниковъ караимы нанимаютъ людей, сами же не прикасаются къ трупу, и только тогда, когда онъ уже лежитъ въ гробу, сами относятъ его на кладбище, куда часто ходятъ молиться за умершихъ.

У караимовъ существуетъ особый родъ религіознаго посвященія.

До семи лѣтъ мальчикъ воспитывается между женщинами, — съ восьмого же года его ведутъ въ синагогу, обрѣзываютъ тамъ впервые волосы и даютъ выпить вина. Торжество это, по возвращеніи домой, заключается угощеніемъ, и мальчикъ поступаетъ съ того времени на руки мужчинамъ.

Единственный духовный глава караимской общины есть ея *гахамъ*, который совершаетъ обрѣзаніе надъ дѣтьми, вѣнчаетъ и разводитъ, разбираетъ и рѣшаетъ семейныя распри и спорныя дѣла говорить проповѣди и проч.

Вообще караимы живутъ совершенно отдѣльно отъ раввинистовъ, не вступаютъ съ ними въ бракъ и чувствуютъ къ нимъ нерасположеніе.

Караимы образовались изъ помѣси татаръ съ евреями, что дало хорошіе результаты. Съ турецкимъ спокойствіемъ и положительностью соединился еврейскій духъ торговли, что образовало честныхъ купцовъ, между тѣмъ какъ талмудисты всецѣло предавы разнаго рода спекуляціямъ и для нихъ іезуитское правило «цѣль оправдываетъ средство» служить главнымъ руководствомъ въ жизни.

Магометане имѣли вліяніе не только на догматы религіи караимовъ, но и на внѣшнюю сторону ихъ богослуженія. Синагоги ихъ по устройству и почти совершенному отсутствію утвари представляютъ близкое подобіе мечети съ тою только разницею, что небольшая часть ея у самыхъ дверей огорожена и снабжена скамейками, чего нѣтъ въ мечетяхъ. Надъ этими отдѣленіями находятся галереи, гдѣ за рѣшеткою красуются расфранченныя женщины. Остальная часть строенія совершенно какъ въ мечети пуста и устлана коврами, на которые караимы, какъ и магометане, ступаютъ не иначе, какъ босми ногами. У внутренней стороны на небольшомъ возвышеніи стоятъ поставцы съ священными книгами.

Туфли, башмаки и сапоги снимаются у дверей синагоги и ставятся на полки шкафа, отчего передняя принимаетъ видъ башмачной лав-

ки. Въ самой синагогѣ все стоятъ съ книгами въ рукахъ и усердно слѣдятъ за чтеніемъ библіи, которую читаютъ молящіеся по очереди. Отъ времени до времени раввинъ обращается съ молитвами и колѣнопоклоненіемъ по направленію къ поставцу съ священными книгами.

Одинъ очевидецъ, присутствовавшій въ синагогѣ при богослуженіи въ день «покаянія и примиренія», что бываетъ 20 сентября, описываетъ картину моленія слѣдующимъ образомъ:

«По случаю этого большого праздника богослуженіе должно было продолжаться цѣлый день, отъ восхода до заката солнца.

Замѣчательно, что всякій, входя въ синагогу, старается помѣститься возлѣ равнаго себѣ, отчего образуются различныя группы: въ одномъ мѣстѣ напримѣръ, вы видите одну только молодежь, въ другомъ напротивъ пожилыя и вліятельныя лица. Но чаще всего встрѣчаются группы изъ отца, окруженнаго своими, въ бархатъ и шелкъ наряженными, сыновьями. Карайми, точно также какъ и татары и турки, безпредѣльно любятъ своихъ сыновей: даже въ синагогѣ безпрестанно разговариваютъ и шутятъ съ ними».

Одѣваются карайми совершенно по татарски, за исключеніемъ чалмы, которую многіе промѣняли на европейскія шляпы. Ничто не можетъ сравниться съ великолѣпіемъ наряда караймскихъ женщинъ, когда онѣ появляются на улицахъ. Ихъ чаще всего можно видѣть въ синагогѣ, куда онѣ отправляются по субботамъ, закутавшись въ огромныя шали. Когда же привратникъ запретъ за ними двери си-

нагоги, онѣ сбрасываютъ свои покрывала и вмѣстѣ съ прекрасными черными глазами заблестятъ золото и жемчугъ ихъ нарядовъ. У всѣхъ на головахъ красныя фески, вышитыя золотомъ съ изреченіями изъ корана выложенными жемчугомъ. Замужнія женщины заплетаютъ волосы въ одну косу и обвиваютъ ее кругомъ головы, а у дѣвушекъ они висятъ въ безчисленномъ множествѣ косичекъ.

Туалеты молодыхъ женщинъ могутъ назваться простыми въ сравненіи съ нарядами замужнихъ женщинъ, которые рѣшительно поражаютъ своимъ великолѣпіемъ: верхнее длинное платье, падающее на полъ длиннымъ шлейфомъ, у нихъ обыкновенно изъ бархата, большею частью фіолетоваго цвѣта. Впереди оно открыто и позволяетъ видѣть нижнее платье, нѣсколько короткое, изъ бѣлаго или пунцоваго атласа, все вышитое золотомъ. На груди настоящій панцирь изъ разныхъ золотыхъ монетъ, а на шеѣ жемчужное ожерелье.

Караймъ Моисей Вениади, жившій около 1570 года въ Константинополѣ, изложилъ вѣроученіе караймовъ въ книгѣ, называемой Матте Элогимъ. До крестовыхъ походовъ, караймы жили исключительно въ Палестинѣ, но во времена крестовыхъ походовъ начали переселяться въ разныя страны. Въ настоящее время въ Николаевѣ, Херсонѣ, Вильнѣ, Трокахъ, Поневѣжѣ и Луцкѣ живетъ до 500 караймовъ, въ Одессѣ около 410 и въ Крыму около 4000. Кромѣ того въ Галиціи около 150. Общества караймовъ живутъ также въ Константинополѣ и Іерусалимѣ.

ВІСНІВЪ ПОДПИСКИ

всѣ стоить съ книгами въ рукѣ

1) Подписка открыта ^{горую} на **первые четыре** выпуска, въ которые войдутъ **шестнадцать** хромофотографій и отъ 40 до 50 печатныхъ листовъ текста съ гравюрами.

2) Подписная цѣна по **1 рублю** за выпускъ, безъ пересылки; за пересылку иногороднымъ за каждый выпускъ по 50 к.

3) Съ 1-го Января вышло уже два выпуска; остальные два выпуска выйдутъ въ нынѣшнемъ же году.

4) За точность удовлетворенія подписчиковъ ручается Картографическое Заведеніе, **но только въ томъ случаѣ, если подписка будетъ сдѣлана въ самомъ Заведеніи** (Большая Мастерская, на углу Екатерингофскаго проспекта, домъ № 11—43).

5) Нынѣ же открыта подписка на **остальные четыре** выпуска на томъ же основаніи, то есть 4 рубля безъ пересылки, 6 рублей съ пересылкою.

Подписчики на журналъ «ПРИРОДА и ЛЮДИ» (12 книжекъ въ годъ 5 р. 50 к. безъ перес.; и 6 р. съ пересылкою) получаютъ всѣ эти рисунки и текстъ въ самомъ журналѣ **бесплатно**.

6) Подписка принимается до 1 Декабря 1878 года, и всѣ подписавшіеся получаютъ всѣ выпуски, начиная съ перваго.

Во избѣжаніе дефекта въ выпускахъ въ отдѣльную продажу вышущено небольшое число экземпляровъ по цѣнѣ **1 р. 50 коп.** безъ пересылки и **2 р.** съ пересылкою за выпускъ.